

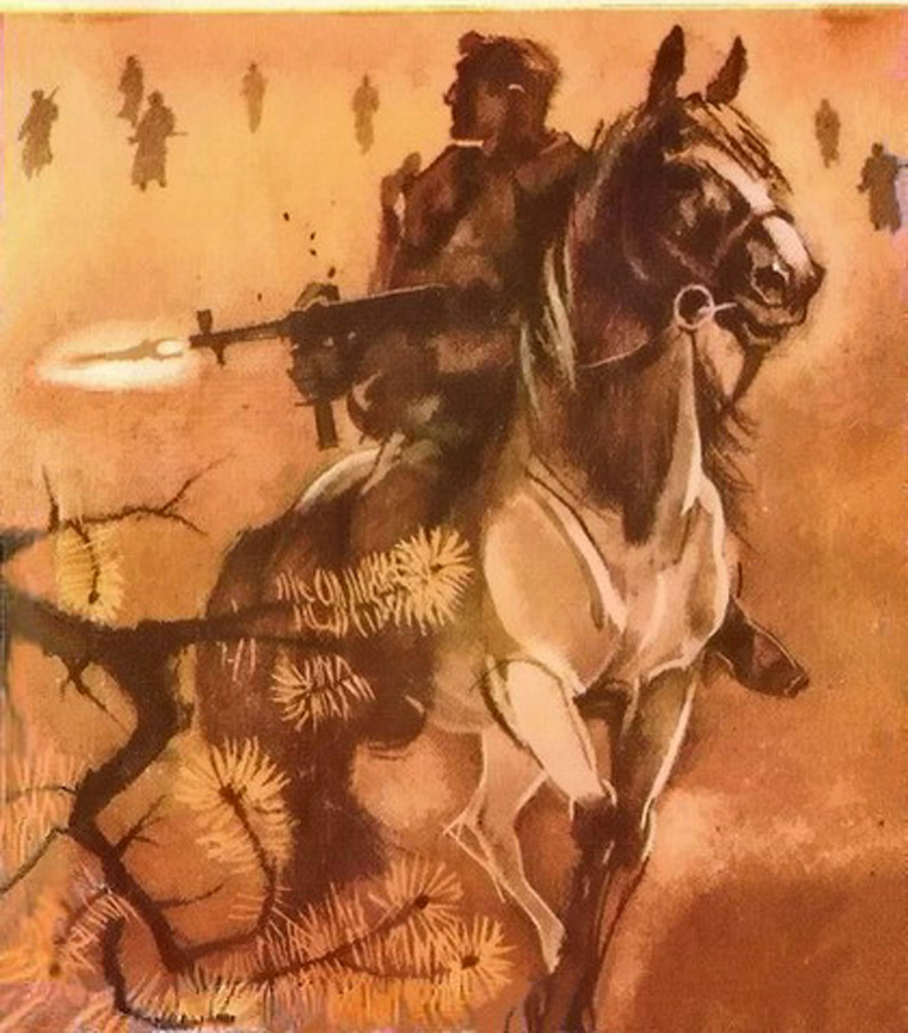
ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ

ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

Искатель

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ 1977

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ
ВОКРУГ СВЕТА

Искатель 1

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ 1977

СОДЕРЖАНИЕ

Сергей НАУМОВ — Скажи им, пусть помнят...	2
Сергей АБРАМОВ — Время его учеников . .	34
Владимир МИХАНОВСКИЙ — Тобор первый	88
Ж. СИМЕНОН — А Фелиси-то здесь! . . .	127

№ 97

С Е М Н А Д Ц А Т Ы Й Г О Д И З Д А Н И Я

Сергей НАУМОВ

СКАЖИ ИМ, ПУСТЬ ПОМНЯТ...

Повесть

— **Б**ыла ли у вас жизнь, рядовой товарищ Кудря? — спросил капитан Тасманов, и все увидели, как вздрогнули крылья его тонкого носа и припухлые от недосыпания веки прикрыли серые не улыбочивые глаза. Рядовой Кудря, худенький парнишка из пополнения, стоял перед капитаном навытяжку, не смея поднять глаз.

— Не было пока ее у вас, рядовой Кудря, — сказал Тасманов и распахнул свои жесткие, колющие глаза, — вас убьет первый немец, который увидит. А вы проситесь в разведку...

Капитан протянул солдату финский нож.

— Если вы хотя бы оцарапаете меня — пойдете на задание, если нет — будете учиться владеть холодным оружием под руководством сержанта Петухова. Итак...

Капитан рисковал, но совсем немного. Никто в дивизии не мог «взять» Тасманова. Он знал дзю-до с детства.

Тихон Кудря долго рассматривал оказавшийся в его руке нож, потом вопросительно взглянул на капитана.

Тот стоял, широко расставив ноги, чуть покачиваясь, и мурлыкал по-немецки известную в ту пору песенку «Ах, майн либер Августин».

Сержант Петухов подтолкнул Кудря:

— Приказываю бесшумно снять часового... Вперед...

Разведчики расположились вокруг в ожидании «спектакля». Все они прошли «школу Тасманова» и теперь знали наперед, что произойдет.

Кудря вдруг снял шинель и отбросил ее в сторону, шапка полетела следом. Он расстегнул рукава гимнастерки и отпустил ремень.

— Сапоги сними, — хохотнул кто-то.

Тихон послушно снял сапоги, и, когда босой неслышно шагнул вперед, во всей его нескладной фигуре появилось что-то по-рысьи настороженное, цепкое. Он перебросил нож из левой руки в правую, потом снова ловко бросил его влево и поймал на лету.

Разведчики притихли. У Кудри, оказывается, была своя довоенная жизнь, в которой опасность ходила за ним по пятам. Лишь Тасманов остался спокоен, посматривая на солдата с явным интересом.

Тихон между тем отвел руку с ножом за спину и стал медленно приближаться к капитану.

Он долго кружил вокруг Тасманова и вдруг сделал выпад левой рукой, как бы приглашая противника поймать эту беззащитную руку.

Тасманов поймал ее мгновенно мертвой хваткой, резко развернул корпус, и тут Кудря прыгнул вперед, опережая капитана, и нанес справа боковой скользящий удар ножом. Острое лезвие рассекло шинельное сукно, и, хотя Тасманов провел прием и Кудря рухнул лицом вниз, на поляне замерли.

Тихон поднялся, морщась от боли, ища глазами отлетевший в сторону нож.

— Да, — сказал Тасманов, разглядывая располосованную шинель, — навел крем-брюле командиру, теперь штопай до утра.

— Я сделаю, товарищ капитан... — виновато моргая глазами, напросился Кудря.

— А то думаешь, — весело вскинулся капитан, — сам полосовал, сам и штопай!

Капитан Тасманов. О таких людях говорят, что они родились солдатами. Бесстрашие и ум, воля и проницательность, лихое, виртуозное владение оружием — вот что такое капитан Тасманов. Не было в дивизии более влитого в войну человека, чем Тасманов. Лаконизм и точность его докладов и радиোগрамм из тыла противника стали поэзией дивизионной разведки.

«Время на войне стоит жизни», — любил говаривать Тасманов и потому использовал всякую возможность «подучить» новичков из пополнения.

Фронт на участке дивизии встал. Еще два-три дня назад заморозки держали проселочные дороги, но вот внезапно пробежало по земле двухдневное душное тепло, после которого сорвались дожди, обнажился суглинок, и все заскользило, заелозило, как на льду.

Немцы, пользуясь распутицей, оторвались от наших передовых частей, и теперь штаб наступавшей дивизии был в неведении — где противник, а главное — что он делает. Развед-

чикам привалило работы. Тасманова вызвали в штаб. Вернулся он скоро, молча пообедал, осмотрел заштопанную Кудрей шинель и спустился в захваченную у немцев землянку.

Там было тесно и дымно. Над картой, испещренной стрелами и кружками, склонилось сразу несколько голов, и среди них — белесая, с хохолком лейтенанта Варюхина.

Тасманов прислонился к косяку и стал слушать, о чем говорят разведчики.

— Они теперь драпают — на танке не догонишь, — балагурил сержант Петухов, — сбили мы их с укреплений, а дальше зацепиться не за что. Одно слово — Польша. Самая большая гора не выше Кудри...

— Приткий ты, — капитан узнал голос Варюхина, — сбить-то мы их сбили, а оторвался от нас немец почти без потерь. И угадай-ка, что он теперь делает — контрудар готовит или окопчики на полный профиль роет.

«Толково рассуждает», — мысленно одобрил Тасманов сказанное лейтенантом.

— Чует мое сердце, за «языком» пойдем, — пробасил старшина Рыжиков, — вертите, ребята, дырки на гимнастерках...

— Отставить... — сказал капитан и шагнул к столу. — Получен приказ, — голос Тасманова звучал глухо, — обнаружить дислокацию оторвавшегося противника, его передний край, в бой не вступать. Готовьте людей, лейтенант. Пойду сам...

В землянке замерли. Идти в разведку с Тасмановым — честь и удача для любого.

Капитан чуть помедлил, рассматривая карту, и спокойно, словно учеников к доске вызывал, негромко обронил:

— Петухов... Рыжиков... Струкис... Долгих... Кудря... По три запасных диска... гранаты по рациону. Немецкий камуфляж... Все...

* * *

Капитан вел группу вдоль перепаханной танковыми гусеницами просеки, прикрываясь лесом от возможной засады.

Немецкий маскировочный костюм сидел на Тасманове словно сшитый по заказу. Камуфлированная, обтянутая сеткой каска до неузнаваемости изменила его худощавое тонкое лицо, и только глаза, холодные и внимательные, строго смотрели в ночную полутьму.

Пятеро остальных, одетых во все немецкое, шагали гуськом вслед за капитаном, похожие выправкой, короткими «шмайсе-рами» и тем настороженным, цепким шагом, который рождается от долгого внутреннего напряжения. Только Долгих чуть отличался от товарищей — за его спиной горбилась рация, упрятанная в брезентовый мешок.

Они шли уже четвертый час, часто останавливаясь и прислушиваясь, готовые к оклику и к выстрелу.

Ночной лес жил вспугнутой войной жизнью. Но это были знакомые звуки, и, пожалуй, только Тихон Кудря обращал внимание на шорохи и всхлипы ночного леса.

Он шел вторым. Так распорядился капитан. Тасманов теперь знал о Тихоне все, что нужно знать командиру разведроты

о своем солдате. То, что Кудря вырос на Дальнем Востоке и хорошо ориентировался в тайге, вполне устраивало капитана. Глаза и руки у Кудри были созданы для разведки — на стрельбище Тихон положил все пули в десятку.

Тасманов поверил парню, когда тот рассказывал, как поднимал зимой с отцом из берлоги медведя. Но больше всего нравилось капитану, как Тихон передвигался по лесу. Так ходить могла бы одна рысь — быстро, мягко, бесшумно.

Капитан вспомнил случайно подслушанный разговор у землянки, где разведчики коротали вечер перед выходом на задание.

— Вот кончится война, на кого пойдешь учиться, рядовой товарищ Кудря? — подражая капитану, спрашивал старшина Рыжиков.

— На учителя, — не задумываясь, ответил Тихон.

— А почему не на доктора?

— Потому что все в жизни от учителя, — убежденно сказал Кудря, — он человека делает... Мир ему открывает.

Тасманов тогда немного позавидовал Кудре. Учителем Тасманова была сама жизнь. Он рано остался сиротой, воспитывался в детдоме, работал на заводе до призыва в армию. Служил на границе. Там же твердо решил не расставаться с армией, закончил пограничное училище, успел получить два кубаря — началась война.

В том, что пересеклись их пути, Тасманов видел определенную закономерность. Жесткий, суровый человек Андрей Тасманов почувствовал, что соприкоснулся с нежной и по-детски чуткой душой. Две черты привлекали к Тихону людей. Удивительная любовь к жизни, и страсть, и умение мечтать. Казалось, что этот таежный паренек испытывал бесхитростную радость бытия всем существом своим. Для него все вокруг было полно какой-то чарующей прелести, и каждая мелочь волновала и вызывала в душе его немедленный отклик.

«Ему еще предстоит стать разведчиком, — думал Тасманов, — предстоит ожесточиться, пережить первого убитого немца и похороны первого погибшего товарища. И мне всегда нужно быть рядом с ним».

* * *

Белую, с подпалинами кобылу поймал Рыжиков. Он шел замыкающим и разглядел-таки в глухой лесной полутьме затаившуюся в ельничке лошадь.

Тасманов вполголоса выругал старшину, осмотрел «находку» и скоро убедился, что она взнуздана, но не заседлана.

— Хутор, должно, рядом, товарищ капитан, — зашептал Рыжиков, — а кобылку хозяин от немцев в лесу прятал. Только кто-то спугнул ее...

— «Кто-то», — буркнул Тасманов. — Волки, что ли?

— Двухногие, товарищ капитан, — вставил сержант Петухов.

«Все правильно, — думал капитан, — и то, что лошадь прятали, и то, что ее кто-то спугнул. Нужно привести лошадь на хутор и посмотреть, давно ли прошли немцы. И кто они — уж не разведка ли?»

Тасманов кивнул Рыжикову, и тот растаял в темноте. Искать хутор незачем вшестером. Глазастый старшина обшарит сейчас округу и обнаружит дом. А вот уж к дому они подойдут всей группой — ведь спугнул же кто-то взнузданную кобылу.

Капитан не любил слепой поиск, когда противник перед тобой с затаившимися секретами и минными заграждениями, неизвестно как и где расположенными. Тогда от нелепой случайности может вспыхнуть скоротечный бой, и весь поиск пойдет насмарку.

И все же чутьем, выработанным за долгие месяцы войны, Тасманов догадывался — до немецкой передовой еще далеко. Скорее всего они зацепятся за крутой берег небольшой речушки, которая на карте вытянулась прямой ниточкой с юга на север. Весенний разлив сделал ее быстрой и глубокой, как противотанковый ров.

Рыжиков обернулся скоро.

— Есть, — шепотом доложил он, — хуторок — три строения, дом под черепицей, сараюшка и банька. Огород на задах. Хозяин, или кто там, на месте...

— Видел, что ли?

— Окна чем-то занавешены, только свет совсем не спрячешь, — ухмыльнулся старшина.

— От тебя спрячешь, — усмехнулся капитан. — Тихо?

— Тихо, товарищ капитан...

— Веди, старшина. Лошадь оставь здесь...

Не доходя метров триста до хутора, Тасманов лег на мокрую землю, и остальной путь группа двигалась по-пластунски, замирая по знаку капитана, чутко вслушиваясь в однообразное шарканье ветвей, тронутых по-весеннему теплым ночным ветром.

Кончился лес, и открылась поляна, за которой угадывалось небольшое строение.

Лежали тихо, не шевелясь. Тихон по таежной привычке прижмурился — берег глаза.

Луна выскользнула в просвет между тучами неожиданно, и ветви на деревьях вычеканились, словно металлические.

Лунные лучи обозначили все до последней черепицы на крыше возникшего из темноты дома, и Тихон увидел человека, затаившегося за деревом шагах в десяти от крыльца. Фигура сливалась с деревом, но лунный свет просверкнул на металле, как вспышка, и выдал.

Кудря тронул капитана и, когда тот легонько вскинулся, поднял палец и показал им на дерево, за которым прятался человек.

Тасманов коротко кивнул.

Лунный свет поблек, словно его накрыли покрывалом, а потом и вовсе исчез. Капитан похлопал Рыжикова по плечу и пополз обратно в чащу, где, привязанная к дереву уздечкой, томилась белая с подпалинами кобыла.

— Разведка, — одними губами сказал капитан, когда группа, достигнув стены деревьев, поднялась в рост.

— Возьмем «языка», товарищ капитан, — предложил Петухов, — их там от силы пятеро...

Тасманов усмехнулся:

— Какой из разведчика «язык». Вот из тебя, например, папади ты к немцам в плен.

Петухов потупился.

— Из меня, конечно...

— А у них в разведку слабаков набирают...

— Что же делать? Отпустить фрицев?.. — не сдавался сержант.

Тасманов задумался.

— Зачем отпустить, — сказал он через минуту, — проследить за ними. Если идут к нам, сообщим по радиации «домой» — там встретят. Если возвращаются из поиска, то они-то нас и приведут к своему переднему краю. Так, сержант товарищ Петухов?

Все облегченно вздохнули. Что ни говори, а капитан Тасманов понимал толк в разведке.

* * *

Немцы возвращались из поиска. И было их пятеро. Четверо вышли из домика, посвечивая себе фонариком — глаза со свету не могли привыкнуть к темноте, — и Тасманов разглядел их во всех подробностях. На немцах были такие же маскомбинезоны, как и на советских разведчиках, их автоматы с откидными металлическими прикладами словно бы повторяли «шмайсеры» группы Тасманова. Встретятся они ночью в лесу лицом к лицу, сразу бы и не разобрались, кто есть кто.

Фонарик погас, как только часовой, притаившийся за деревом, присоединился к группе. По сверкнувшему на мгновение серебряному позументу на петлице Тасманов выделил офицера.

Немцы пошли на запад, из чего Тасманов и заключил, что они возвращаются.

«Вот и поводырь нашелся, — думал капитан, — не знаешь, с какой стороны удача привалит».

Тасманов и за десять орденов не согласился бы сейчас брать «языка». Один шанс из тысячи, что кто-нибудь из немцев скажет правду. Скорей всего наплетут небылиц, и проверять эту ложь пошлют его же, Тасманова. В возникшей ситуации Тасманова радовало и другое — теперь не нужно было вести поиск по нескольким возможным направлениям, для чего пришлось бы разбивать группу. Немцы должны вывести его людей к сердцу обороны, к штабу. Тогда можно подумать о «языке».

Тасманов вспомнил разговор с начальником штаба дивизии полковником Дробным.

«Ты уж, милый, уточни передок противника, наметь пути подхода, выясни по возможности, где у них артиллерия и сколько ее. Слепые мы сейчас, а слепым наступать — сам знаешь, сколько славянской крови прольется».

Эту манеру говорить с разведчиками ласково Дробный усвоил с начала войны, когда сам командовал разведротой. Он опекал Тасманова и его людей, ничего для них не жалел, потому что досконально знал их военную «профессию», пони-

мал усталость и боль разведчиков, видел в их постоянном риске высшее предназначение солдата.

Сестя на «хвост» немецкой разведке капитан поручил Рыжикову, Кудре и Струткису. Двое первых ходили бесшумно, старшина к тому же хорошо видел в темноте, Струткис знал немецкий.

Тихон обрадовался приказу, как давеча днем, когда капитан назвал его фамилию. С того самого момента, как он увидел и услышал Тасманова, Кудря проникся к нему доверием и уважением. Чем-то напоминал капитан Кудре отца, угрюмого, неразговорчивого человека, проводшего в тайге всю жизнь.

Тихон и в разведку попросился потому, что еще в учебном батальоне был наслышан о подвигах Тасманова. И теперь, ощущая тугую кобурку трофейного карабина на бедре и тяжесть автомата на груди, Кудря был преисполнен той значительности и гордости, которая свойственна юности, когда вам восемнадцать лет и всякое опасное дело кажется легким и привлекательным.

— Разумеся, — сказал Рыжиков, присел и, ловко сняв немецкие бутсы, передал их Петухову.

Это была предосторожность, подсказанная трехлетним опытом «прогулок» по немецким тылам. Сколько придется пройти вот так по ледяной намокшей земле, никто из троих не знал, но они хотели исключить малейший риск и не считали противника наивным, необученным простаком.

— Если немцы остановятся, крикнешь два раза филином, — сказал Тасманов старшине на прощанье, — мы с Петуховым в ста метрах за вами.

Трое бесшумно растворились в темноте. Капитан подождал несколько минут, вскинул тучок с рацией за спину, велел сержанту сложить бутсы в мешок, и они неторопливо зашагали по незнакомому лесу, словно бывали здесь не раз.

Пришла самая пора расслабиться, ибо потом, спустя час, а может быть, полтора, придет то самое, когда секунды бешено застучат в виски, сознание обострится и все будут решать мгновения.

Тасманов думал о том, как проскользнуть передний край немецкой дивизии.

В лесу чуть высветлилось. Темнота уже начинала свою извечную борьбу со светом. Она еще отгородится от наступающего утра туманом, будет прятаться в низинах и оврагах, но часы ее сочтены — день настанет, пасмурный, промозглый. До его наступления нужно успеть пройти сквозь немецкие посты и секреты.

Ухнул филин. Раз, другой. Тасманов остановился, положил руку на автомат. Петухов встал за дерево. Ждать пришлось недолго. Струткис возник из полутьмы внезапно сбоку.

— Товарищ капитан, немцы провели радиосеанс. Доложили, что возвращаются с «уловом». Запрашивали новый пароль и место прохода...

— И что же?

— Обер-лейтенант повторил пароль... то есть я так думаю. Он сказал: «Вас понял — «Штурмфогель». Место перехода — излуцина реки...

— Он что же, громко говорил, этот обер-лейтенант?

Тасманов спросил почти механически, думая о том, как воспользоваться почти невероятным случаем, когда знаешь вражеский пароль. Еще он думал об «улове» немецких разведчиков. «Улов» означал добытые сведения, данные о его, Тасманова, дивизии.

— Я слышал, потому что сидел рядом... — сказал Струткис.

— Вот как!.. — вскинулся капитан.

— Они сбились в круг, товарищ капитан, сели — видимо, устали все-таки. Я и подсел поближе с разрешения старшины.

— Лихой ты парень, Айвар, — качнул головой капитан. — Может, ты и перекусил с ними заодно? Ведь коли уж они сели, значит, и сало достали...

— Так точно, товарищ капитан, достали, — ответил смущенный тоном Тасманова разведчик.

— Торопятся фрицы и устали, конечно. А то схлопотал бы ты, Айвар, крупновскую железку в поддых...

Да, что ни говори, поиск складывался на редкость удачно. Этого-то и боялся капитан Тасманов, это-то его и смущало. Он вообще подозрительно относился к счастливым стечениям обстоятельств.

Логика, мысль, тщательное изучение возможностей своих и противника — так или почти всегда так свершалась его работа в дивизии.

Обладая аналитическим складом мышления, Тасманов любил предугадывать ход противника, искал нестандартного, внезапного для врага решения.

Сейчас же им просто везло. Вот и пароль, и место перехода, и потеря немцами бдительности, хотя последнее можно и оправдать — свои рядом, а нейтральная полоса велика, и шанс встретить противника ничтожно мал.

Пройти вместо немецкой разведки в тыл возводящихся редутов вражеской дивизии — большой соблазн. Риск? Конечно, риск. При самом переходе немцев могут ведь встречать знакомые. Тогда рукопашная потихому. И снова возможность прорваться в тыл. А тыл — это как лицо без маскировки: все обнажено, высвечено. Да и нет у них там сплошной линии траншей. Успели, наверное, кое-где приткнуть взводные опорные пункты. И патрули, конечно.

Своей разведки, прошедшей передний край, немцы хватятся не раньше чем через час. И еще час на ее поиск. Итого... Как быть с немецкими разведчиками, Тасманов решил, как только услышал от Струткиса, что те возвращаются с «уловом».

...Немцы еще охотились, когда шестеро похожих на призраки людей бесшумно выдвинулись из темноты. Только офицер успел вскинуть ах — Тасманов в прыжке ударил ногой, и через минуту все было кончено.

На войне убивают, и Тасманов к этому привык. Но всякий раз, сталкиваясь с врагом лицом к лицу и виртуозно применяя холодное оружие, капитан с удивлением обнаруживал, как щемящее чувство, похожее на жалость, заползает в сердце и начинает леденить его. Случалось, быть может, это еще и потому, что, убивая, Тасманов видел чужие глаза, полные то страха, то испуга, то предсмертной тоски.

Сейчас же он держал Тихона за плечи, а тот содрогался от тошноты и, стыдясь, что не может сдержать ее, тихонько всхлипывал.

— На вот глотни... — говорил капитан, втискивая в руку Тихона фляжку с водкой, — а раскисать у нас нет времени...

Разведчики забросали убитых лапником и ждали, пока командир, посвечивая фонариком, изучал немецкую карту.

Тасманов увидел место перехода — оно было отмечено легкой полоской, сделанной карандашом, но никаких других пометок не обнаружил.

Через час они вышли к речной излучине, и Тасманов долго смотрел на противоположный крутой берег, пытаясь увидеть или угадать какой-нибудь условный сигнал или знак ждущего свою разведку противника. Но все было тихо. Ни огонька, ни вспышки.

Совсем рядом плескалась тяжелая ледяная вода, и по тому, как на ней стали появляться легкие просверки, Тасманов понял, что ночь сдала еще одну позицию идущему с востока рассвету.

Капитан приказал раздеть до гимнастерки Петухова и связать его. С кляпом во рту, с заломленными за спину скрученными руками сержант являл собой зрелище грустное и непривычное.

Роль «языка» Тасманов придумал раньше, когда выслушал доклад Струтка, и мозг обожгла дерзкая мысль подменить немцев. Но вражеских разведчиков было пятеро. Шестым стал «язык».

Ночь, весенняя, нерешительная, уползала на запад, отмахиваясь от солнца белесыми космами тумана, который вскоре закрыл противоположный берег плотной серой завесой.

— Пошли, — шепотом скомандовал капитан и первым ступил в ледяную воду. Он догадывался, почему немцы сменили место прохода — вчерашний ливневый дождь поднял воду в реке, и они стали искать брод. Нашли здесь, в излучине.

Петухова нес Рыжиков. Еще на берегу, взваливая на себя товарища, старшина недовольно пробормотал:

— Лучше бы уж пару гансов тащить, чем тебя, сосна строевая. Петухов задергался, и Рыжиков понял, что сержант смеется.

Брод немцы нашли широкий, река здесь разливалась и была неглубокой — вода доходила разведчикам до груди. Автоматы пришлось подтянуть к шее.

Они выбрались на берег, шумно дыша, стряхивая воду с комбинезонов, всем своим видом показывая, что вернулись к своим, так сказать, снова прибились к земле обетованной. Им некуда было спешить — они ждали оклика, тяжелых шагов солдат боевого охранения, но все было тихо.

«Что за чертовщина, — думал Тасманов, — почему не встречаются? Должны же они охранять брод».

Он сделал знак рукой, означающий движение вперед. Группа поднялась по вязкому, как загустевший клей, обрыву и вошла в заросли кустарника, и тогда откуда-то сбоку раздался громкий шепот:

— Хальт! Пароле?

— Штурмфогель, — так же громким шепотом ответил Тасманов, подтягивая руку с зажатой в ладони финкой ближе к груди.

Из зарослей ивняка вышли трое в касках и длинных проре-

зиненных плащах. В руках высокого худосочного немца вспыхнул фонарик. Тонкий луч ощупал каждого из группы Тасманова и остановился на Рыжикове, согнувшимся под тяжестью «языка».

— О-о! — протянул худосочный и подошел к старшине. Он долго разглядывал Петухова, потом выдернул у него изо рта кляп.

— Кто есть ты? — спросил по-русски худосочный, по-видимому офицер.

Петухов с присвистом втягивал в себя воздух, мрачно и злобно смотрел в глаза немца и вдруг процедил сквозь зубы:

— А пошел ты к... гад...

Худосочный дернулся и резко и быстро ударил сержанта по скуле.

— Русишер швайн... — пробормотал он, вытирая руку о полу плаща.

«Пока все в порядке, — думал Тасманов, — обойдемся без рукопашной, это другие немцы. Они никого из ушедшей на задание группы не знают в лицо. Синяк Петухова не в счет — сам напросился».

Офицер между тем еще раз скользнул лучом по разведчикам и удовлетворенно вымолвил:

— Гут... Штаб-квартир изт фюн фхундерт мейтр энтфернт. Рихтунг линкс эрстер линии фон шюценгрюбер... *

— Данке... — как можно радушной сказал Тасманов, тяжело повел плечами, как бы стряхивая усталость, полупшепотом скомандовал: — Форвертс...

Пройдя заросли ивняка, капитан резко свернул вправо, к смутно чернеющему лесу. Если верить карте, там должен быть холм.

* * *

Густые облака, ровные, как полотно, неподвижно висели над лесом. Предрассветный синий туманец стлался там, где кончался горизонт, постепенно сливаясь с облаками.

Сквозь словно заледеневшую хрупкую паутину кустарника неясно проступала открытая пойма, заливные луга за рекой. И по всему берегу строгие ряды траншей.

В воздухе стоял бесконечный писк ласточек. Их гнездами, как дробью, был пробуравлен восточный крутой склон холма.

Тасманов лежал рядом с Кудрей и рассматривал в бинокль обрывистый левый берег реки.

— Похоже, фрицы решили тут задержаться надолго, — пробормотал капитан, делая пометки на карте, — и окопчики на полный профиль, и блиндажики...

Тасманов надолго прильнул к биноклю.

— А вот и следы тягачей. Пушечки, Тихон, пушечки скорее всего в ельник упрятали. И заметь, тяжелые пушечки...

— Как же вы... все это видите? — восхищенно выдохнул Кудря.

* До командного пункта пятьсот метров. Направление левой первой линии окопов...

Капитан насмешливо взглянул на Тихона.

— Разведчику нужно видеть все сразу, — мягко сказал он, — второго раза ведь иногда просто не бывает. Сейчас другое дело. Мы у них за спиной, а они не оглядываются, им, видишь ли, некогда.

Тасманов говорил все это Кудре, чтобы успокоить парня, а заодно настроить себя не торопиться, проверить еще раз то, что так назойливо лезет в окуляры бинокля.

Немцы могли ведь сооружать и фиктивный вал обороны, готовясь к контрудару. Капитана беспокоило отсутствие интенсивного движения на проселочной дороге, ведущей от берегового среза в глубину леса.

Тасманов ждал Рыжикова, которого послал к дороге вместе со Струткисом.

Что касается времени, то оно, по подсчетам капитана, было на исходе. В немецком штабе должны хватиться своих разведчиков.

Тасманов скосил глаза вправо, где у самого среза на вершине устроились Петухов и Долгих. Разведчиков не было видно, едва заметно шевелились кусты. Капитан приказал Петухову вести наблюдение за поймой реки и бродом, откуда могли появиться поисковые группы противника.

Тасманов представил себе ничейное пространство, по которому придется уходить от немцев, возможный бой, вспомнил белую лошадь, привязанную в чаще, оружие, боеприпасы и рацию, убитых немецких разведчиков, просеку и удовлетворенно подумал, что все сделал правильно, тихо порадовался своей дотошной предусмотрительности, которая оставляет шанс на возвращение без потерь.

Времени — вот чего не хватало капитану Тасманову. День, хоть и пасмурный, вставал, но низкие промозглые облака как бы сливались с верхушками сосен и создавали впечатление, что это и не день наплывает вовсе, а подкрадываются сумерки. В бинокль была видна сырая, вскопанная лопатами земля, ломти аккуратно срезанного дерна, маскирующего пулеметные гнезда и блиндажи: торчащие из земли обтесанные комли бревен.

Гул возник внезапно. Ровный, пока еще глухой, он наполнил холм с запада, и, прежде чем Кудря успел высунуться из укрытия, пораженный этим новым грозным звуком, Тасманов холодно произнес:

— Лежать... Танки...

«Вот оно, подтверждение намерения противника контратаковать, — думал капитан. — Немцы понимают, что мы измотаны, тылы остановлены распутицей, и все-таки рассчитывают на наш атакующий азарт. Они выиграли время и успели подтянуть технику».

Рыжиков и Струткис появились с западной стороны холма. Тасманов даже вздрогнул, услышав шелест за спиной.

— Танки и самоходки, товарищ капитан, — доложил старшина, — в ельнике две батареи тяжелых и одна противотанковая... Танкисты — эсэсовцы... Сам видел. Однако опять «Викинг»...

Тасманов внимательно и насмешливо взглянул на Рыжикова.

— Что бы я без тебя делал, старшина ты мой, товарищ Рыжиков — ас разведки, ночной орел?.. «Викинг», говоришь. Это хорошо. Это кое-что проясняет... А?

— Проясняет, товарищ капитан, — улыбаясь всем лицом, подтвердил Рыжиков, — будут атаковать, когда наши попробуют сбить их с позиций...

— Комплимента ждешь, стратег, — усмехнулся капитан, — комплименты дома, а сейчас...

— Товарищ капитан... — вскрикнул Кудря, которому Тасманов минутой раньше передал бинокль, приказывая наблюдать за противником.

Капитан рванул из рук Тихона бинокль.

— Так... охота на лис с собачками, — пробормотал он, разглядывая в окуляры берег реки, — все правильно — спешат закрыть брод... Пора Парашеньке замуж выходить...

То, что появление поисковых групп для Кудри было полной неожиданностью, не оправдывало его вскрик. Эмоции у разведчиков не в почете. Они мешают сосредоточиться. А думать сейчас нужно быстро и точно.

Тасманов опустил бинокль.

«Через десять минут собаки возьмут след, еще через двадцать они будут на холме. Тридцать минут — это шесть километров при хорошем шаге. Идти на запад, сделать петлю и выйти к реке южнее брода».

Капитан свернул карту, засунул в планшет.

— Уходим... Рыжиков, Струткис, вперед... Смотреть в оба. Направление — восток...

* * *

Высоко над головой шумели сосны. Деревья в бору рослые, голые, с хвоей на макушке. Если вскинуть голову, может показаться, что небо над головой сплошь усеяно маленькими зелеными облачками.

Голову вскидывать некогда — все внимание сосредоточено на движении. Рыжиков, идущий впереди легким, быстрым шагом, иногда взбрасывает руку с компасом, проверяя направление.

Так они шли час. По соображениям Тасманова, марш-бросок должен был вымотать преследователей и увеличить разрыв во времени. Он остановил группу на отдых возле едва приметного родничка.

Выслав в сторону преследователей охранение, Тасманов обернулся к радисту.

— Давай, Коля, самое время...

Долгий развернул рацию, повертел ручку настройки. Капитан взял наушники и окунулся в поток звуков. Мир ожил и заговорил. Из неведомых далей полетели свисты, гулы, треск, вкрадчивое поскребывание, лихорадочная дробь ключа, обрывки фраз. Потом остался один голос. Кто-то монотонно по-немецки передавал шифровку: сто сорок пять — тридцать, четыре — восемь — шестнадцать...

Немец делал паузы и снова сыпал цифирью.

Капитан повертел ручку настройки. Вражеский передатчик

работал на волне, указанной в нашем штабе Долгих, и услышать своих пока не было возможности.

— Вызывай...

Тасманов отдал наушники радисту.

— «Вереск»... «Вереск», я — «Вега»... Я — «Вега», — забубнил Долгих.

Через пять минут, так и не связавшись со штабом дивизии, Тасманов поднял группу. Теперь они шли на юг, пересекая гряду холмов, забираясь в низинные чащобы, прислушиваясь к звукам леса, где даже отдаленное собачье влывание сказало бы о преследовании. Но «слухач» Рыжиков только покачивал головой, отвечая таким образом на немые вопросы Тасманова.

Портилась погода. Далеко за лесом задержалась молния, и глухо, ворчливо пророкотал гром, а спустя полчаса с низкого темного неба посыпал дождь. Густой, мерзкий, он ожесточенно сек тонкими ледяными прутьями лес и дальние холмы.

Дождю радовались все. Такой дождь менял многое, он затруднял немцам поиск.

В сырой мгле где-то совсем рядом встало над лесом яркое пламя. Забились на вершинах-шапках красноватые отсветы. Тасманов остановил группу. Кивком головы послал Рыжикова вперед.

Старшина вернулся мрачный, глухо доложил:

— Пятеро эсэсовцев лагерь жгут... Мины ставят... В бараках вроде кричит кто-то...

— Дорога? Машина? — спросил Тасманов.

— Проселок рядом, товарищ капитан. Два мотоцикла у них с коляской... На одной пулемет... Можно взять...

— Нужно, старшина...

Мотоцикл водил он сам. И еще Петухов. Проселок наверняка подходил к реке. И может быть, цел мост. Такой шанс мог только присниться.

Мелькнула мысль о запертых в бараках заключенных, но как-то вскользь, второстепенно.

Они вышли на опушку и ползком — в рост мешало идти редколесье — добрались до кромки непаханого, заброшенного поля.

Прямо перед глазами, метрах в двухстах, за двойным рядом колючей проволоки стояли ссутулившись наклонившиеся в разные стороны бараки. Внимательному взгляду Тасманова открылось, почему они не падали. Бараки протянули во все стороны дощатые руки-подставки и накрепко держали друг друга.

Скорей всего лагерь этот был временный, служил пересылочным пунктом. Сейчас он горел.

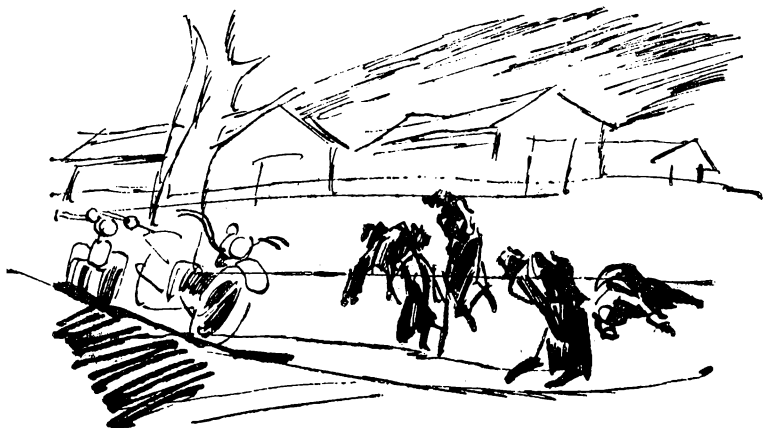
Эсэсовцы стояли у ворот, подняв воротники прорезиненных плащей, и наблюдали за пожаром. В стороне, у дороги, возле одинокой сосны притулились два мотоцикла.

— Разрешите, товарищ капитан, я их одной очередью? — прошептал Петухов.

— Чуть позже, — откликнулся Тасманов, — а сейчас послушаем.

Капитану хотелось проследить путь эсэсовцев от ворот до

сосны, где стояли мотоциклы, — оставили же они себе тропу через минное поле.

И вдруг сквозь треск горящего дерева Тасманов услышал слабые нестройные крики.

— Пацаны там, товарищ капитан, — захлебнулся полукриком Кудря, — послушайте-ка... Сгорят...

— Да. Ребятишки, — сказал старшина. — И ничего не сделаешь, все подходы заминированы...

— Кроме одного, старшина...

Капитан сказал это сквозь зубы. Рыжиков покосился на Тасманова.

— Смотри, — сказал капитан.

Эсэсовцы гуськом пошли от ворот, след в след. Последний остановился, когда была пройдена половина пути. Тускло взблеснул корпус противопехотной мины — немец достал ее из-за пазухи, положил в заранее подготовленную лунку и прикрыл куском дерна. Отряхнул руки. И осторожно зашагал к сосне, низко опустив голову, видимо, высматривая едва приметные знаки, обозначающие безопасную тропу.

Четверо уже подходили к мотоциклам.

— Петухов... Струткис, — шепнул капитан и кивнул Рыжикову. Это означало, что старшине достался немец, идущий последним.

Три длинные очереди почти одновременно распорол тяжелый влажный воздух. И настала тишина. Эсэсовцы лежали в неудобных позах, там, где их застигла смерть.

Тасманов встал и тут встретился глазами с Кудрей. И вздрогнул. Они кричали, эти глаза — столько мольбы и отчаяния было в них. Капитан сказал, как выстрелил:

— Иди... Ворота лимонкой...

И Тихон медленно двинулся вперед, обходя убитых эсэсовцев, так же внимательно глядя себе под ноги, как это делал последний немец-сапер.

Рисунки Г. НОВОЖИЛОВА

Падал тяжелый, как ртуть, дождь. Облитые соляжкой, тускло горели бараки — теперь в них никто не кричал. И среди множества упрятанных в землю смертей шел лопухий, похожий издали на мальчишку человек Тихон Кудря, не привыкший еще к жестокостям войны, не состоявшийся пока солдат. Каждый свой шаг он отмечал автоматным патроном, бросая его в собственный след. Вдавливая патроны в землю бутсами, шагали за Кудрей разведчики.

Текло время. И каждый ощущал его спрессованную плотность. Капитан думал о том, что нарушает все свои заповеди и законы, по которым воевал до сих пор. В другом положении он, Тасманов, уже мчался бы на трофейном мотоцикле по старому грейдеру, как птица, вырвавшаяся из клетки. Теперь же все осложнялось.

Грохнул взрыв. Тихон перешагнул сорванные ворота, вошел на территорию лагеря и, забыв об опасности, бегом бросился к первому барaku. Петухов и Струткис еще шли по отметинам Кудри, а он уже сбивал прикладом замок.

Их было двенадцать, изможденных, грязных, в немыслимых лохмотьях, с глубоко запавшими недетскими глазами.

Струткис объяснил им, кто их освободители. Сказал и про немецкий камуфляж. И все же в глазах детей застыло недоверие. Немецкая форма гипнотизировала их.

Они были поляки, но говорили по-немецки. Одного года заключения в специальном детском лагере хватило, чтобы дети забыли родной язык.

Мотоциклы Тасманов расстрелял сам, предварительно сняв с одного из них тяжелый немецкий пулемет и три диска с патронами. Машины горели с треском — пламя гудело, как в печи.

Расторопный Рыжиков собрал запасные рожки к «шмайсерам», вытащил из трофейного вещмешка пакет с сахаром и дал каждому поляку по два кусочка рафинада.

Дети держали сахар в руках и чего-то ждали. Тогда старшина положил в рот кусочек рафинада и с аппетитом захрупул им.

Нечто похожее на улыбку отразилось на лицах ребят, и они стали с жадностью есть сахар.

Тихон стоял в стороне и беззвучно плакал.

Тасманов смотрел на маленьких поляков и пытался разобраться в себе, в своих мыслях и чувствах, потерявших на какое-то время ясность и заметавшихся, как испуганные выстрелом птицы.

Новое, никогда не испытанное чувство родилось в нем при первом же взгляде на бездомных, наверняка безымянных детишек. Больно обожгло сердце. За годы войны капитан насмотрелся смертей и страданий, привык к ним, как привыкают к жестокой необходимости, когда ничего нельзя изменить или переделать. И вот дети.

Маленькие заключенные. Маски вместо лиц. Выпирающие из лохмотьев ключицы. Старческая бескровная кожа на тонких руках.

«Никто из них не должен умереть». Эта простая четкая мысль вернула Тасманова в привычное состояние. Он взглянул

на радиста. Долгих, прикрывшись плащом, возился с рацией. Он словно почуствовал взгляд командира, вскинулся и несколько растерянно произнес:

— Товарищ капитан, «Вереск» на приеме!

Капитан взял микрофон, надел наушники.

— «Вереск», я — «Вега»... Как слышите меня? Прием...

— Я — «Вереск», — сразу же отозвался глухой знакомый голос Дробного, — докладывай...

Тасманов достал карту и четко доложил обстановку.

В наушниках послышался треск, далекая немецкая речь.

И снова раздался глуховатый сердитый голос начальника штаба:

— Ты не ошибся насчет «Викинга»?

— Нет, — ответил Тасманов. — Танковая бригада «Викинг».

Пауза длилась долго. «Докладывает комдиву», — догадался Тасманов.

— «Вега», ты слушаешь? — спросил «Вереск».

— Я — «Вега». Слушаю. Прием.

— Возвращайся. И хорошо бы, тихо...

«Тихо не получится», — подумал Тасманов и сказал в микрофон:

— Преследуюсь тремя поисковыми группами. У немцев собаки. Боя не избежать. Прошу выслать конный разведвзвод в квадрат двести шесть — сигнал для опознания две красные ракеты, ответ — две зеленые...

— Понял, капитан. Взвод высылаю... Уходи... Связь по возможности. Действуй...

* * *

«Уходи» — это крепко сказано», — думал Тасманов. Далеко ли уйдешь с доведенными до крайнего истощения детишками?

И все же он повел разросшуюся группу к реке. Немцы не показывались. Может быть, сбились со следа — дождь сыпал и сыпал, — а может быть, разделили группы и решили взять разведчиков в кольцо. Так думал Тасманов.

Он не мог знать, что немцы нарвутся на засаду польских партизан, действующих в округе, что в коротком бою, потеряв половину своих людей, обер-лейтенант, командир двух ягд-команд, отступит к броду под защиту регулярных частей.

Тасманов и не подозревал, как близко ходила смерть: ведь наткнись его группа на засаду поляков — и немецкий камуфляж подвел бы разведчиков под пули. О польском отряде не знали в штабе дивизии — такое случалось в войну, — наступление наших войск активизировало борьбу польских патриотов, партизанские группы возникали и росли со дня на день.

Капитан умолчал о детях в разговоре с Дробным намеренно. Он побоялся приказа оставить ребят на попечение какого-нибудь хуторянина, что было равносильно гибели.

Они несли ребят по очереди — тех, которые уже не могли идти. Рыжиков посадил на плечи двоих мальчишек и велел крепко держаться за каску.

Тихон нес на руках истощенного до невозможности самого маленького.

Кудря часто останавливался: ему все казалось — мальчонка перестал дышать.

Группа продвигалась к реке вдоль грейдера. В лесу не так донимал дождь, в случае же тревоги можно было занять круговую оборону, маскируясь за деревьями.

Не доходя до реки с полкилометра, Тасманов остановил группу и выслал вперед старшину и Струтка. Эту пару капитан сделал неразлучной. Немецкий Струтка был безукоризнен, хладнокровия хватило бы на пятерых. Айвар худощав, но силы ему не занимать.

Рыжиков сообразителен, чуток. Опыт. Всю войну по тылам. В заросшей орешником низине было сыро, промозгло, неуютно. Дети сбились в плотную кучку, согревая друг друга полуголыми исхудалыми телами. Они негромко переговаривались, словно читали молитву.

«Их нужно накормить, иначе они не дойдут, — подумал капитан. — Хотя бы по стакану молока с хлебом. Тушенка не годится — умрут сразу. У Петухова в НЗ сухари...»

Но прежде чем пришло решение, Тасманов уже напряженно прислушивался.

Сверху от дороги доносились странные незнакомые звуки. Чвак-чвак, чвак-чвак... Будто квакала огромная лягушка.

Звуки становились сильнее, обрастали другими, треснула ва-лежина, зашуршала прошлогодняя хвоя.

И, осознав, что он слышит чваканье кованых сапог, Тасманов по-немецки, чтобы было понятно детям, громко шепнул:

— Руих!

Петухов и Кудря замерли с изготовленными автоматами там, где их застал приказ командира. Долгих лег на рацию, поводя стволом трофейного пулемета в сторону звуков.

Тасманов достал две гранаты с длинными деревянными ручками. Гранаты были немецкие, очень удобные в таком вот назревающем бою.

Как не хотел и боялся сейчас Тасманов этого боя! В штабе ждут карту. По радиации всего не скажешь. Карта — это его, Тасманова, глаза. И то, что увидели они, теперь хотели увидеть и Дробный и комдив.

И какой может быть маневр в скоротечной схватке, когда ты скован, спеленат по рукам и ногам спасенными детишками.

Тасманов слушал теперь уже близкие шаги, стараясь уловить повизгивание овчарок, слова команд. Но раздался приглушенный кашель, и хриплый голос кому-то сказал:

— Еще полчаса, Юрген, и ты выпьешь горячего кофе...

— Шнапса, Курт... — отозвался вялый тонкий голос.

И капитан понял, что это не погоня. Патруль. Три солдата с фельдфебелем. Рядом передовая, а может быть, и стык зарывающихся в землю полков.

Тасманов со стремительностью рыси присел, сунул гранаты под куст и выхватил нож. Кудря и Долгих уловили и поняли движение командира, отложили автоматы и достали короткие финки. Сержант же стоял у самого края впадины, напряженно вытянув шею, держа палец на спусковом крючке «шмайсера».

Тихон негромко застучал дятлом — даже Тасманов обернулся.

Петухов скосил глаза на стук и увидел Кудрю, подбрасывающего на ладони финку.

Петухов воевал с первой минуты войны. Сержант, как и Тасманов, служил на границе. Был ранен, контужен при обороне заставы и все же ночью, оставшись в живых один, уполз в ржаное поле, отлежался и ушел в леса. Прорывался с регулярной частью из окружения.

Тасманов взял его в разведку из пехотной роты, прослышав в штабе о сержанте-чудаке, который возит с собой пограничную фуражку и надевает ее в последнюю минуту перед атакой.

С Петуховым было легко. Тасманов не заботился и не думал о его действиях, был уверен — сержант все сделает как нужно.

Петухов бесшумно лег и как растворился в земле.

Капитан мельком взглянул на ребятишек. Дети стояли тихо, словно и они знали, что сейчас на каждый звук откликается только смерть.

Чвак-чвак. Совсем рядом. Остановились на краю впадины четыре силуэта, словно шинели вывесили сушиться.

Что увидишь за сеткой дождя?

Чвак-чвак. Пронесло. Шинели будто смахнуло ветром.

«Юрген из Любека выпьет свой шнапс, — усмехнулся Тасманов, — нам же сейчас даже случайный выстрел ни к чему».

...Капитан угадал — они вышли на стык. Вернувшийся старшина нарисовал план обороны немцев. На левом обрывистом берегу два дзота — расстояние между ними двести метров. И в пространстве этих двухсот метров никого. Если накрыть дзоты с тыла гранатами, можно на плотях успеть достичь «сопредельной стороны», как выразился Петухов.

«Никого — это значит патрули, — размышлял Тасманов, — один мы только что видели. Да, без боя не уйдешь. Плоты для ребятишек. Петухова и Кудрю вплавь с плотами. Сами же подавляем дзоты и держим зону, пока ребята не переправятся».

Противотанковых гранат было две. У старшины и Петухова. У остальных шестисотграммовые «феньки» и легкие РГ-42. У каждого по две штуки. И еще две немецкие с деревянными ручками. Получалось четыре связки, если даже оставить по одной каждому на всякий пожарный случай.

Пулемет, захваченный у эсэсовцев, и рацию капитан решил перебросить на тот берег. Петухову придется прикрывать отход четверки, когда с дзотами будет кончено.

Плотики вязали из молодых осинок, срубленных тесаками. Бечевки и толстой тесьмы, оказавшихся у запасливого Долгих, хватило, чтобы скрепить похожие на жерди тонкие деревца.

Перед последним броском к реке Струткис объяснил ребятам, как нужно грузиться на плоты, лежать, не поднимая головы, и вообще замереть, словно и не живые они вовсе.

Капитан уговорился с Петуховым: сигнал для начала переправы — первый взрыв. Кудря, если все пройдет удачно, уводит детей в глубь леса, сержант с пулеметом занимает позицию по его усмотрению и прикрывает отход остальной группы.

Они сверили часы и разошлись, Струткис и Долгих — влево, Тасманов и старшина — вправо.

Четверть одиннадцатого — время одновременной атаки на дзоты. Пять часов группа находится в тылу противника.

...У дзота стоял часовой. Входная дверь была закрыта. Амбразура, которую видел капитан, узкая — крест с короткой горизонтальной щелью. Значит, левее есть еще одна.

Тасманов оценил позицию немцев с первого взгляда. Фронтальный сектор обстрела у защитников дзота был просто великолепен — весь правый пологий берег реки и подходы к нему.

«Успели создать систему огневых точек, — подумал капитан, — через каждые двести метров такое вот сооружение. Жиденько, но надежно... Нужно пометить на карте».

Тасманов кивнул старшине и прополз еще немного вперед.

План атаки был прост. Старшина снимает из «вальтера» часового и одновременно связкой гранат подрывает плотно задраенные двери.

Тасманов делает рывок и бросает вторую связку в теперь уже открытый зев дзота.

Выстрел из пистолета во влажном плотном воздухе хлопнул как-то неправдоподобно тихо. Старшина точно метнул свою связку под бревенчатый козырек, прикрывающий вход.

Второй взрыв как бы вывернул дзот изнутри. Он стал вдвое ниже, осел, потом в нем что-то еще раз грохнуло — рухнули перекрытия, из зияющих проломов повалил черный едкий дым.

Тасманова обдало глинистой жижей — после броска он лежал ничком в углублении между задним естественным бруствером и траншеей, ведущей к дверям, когда рвануло третий раз, от детонации обвалилась стенка, и капитан едва успел выскочить из своего укрытия.

Пасмурное, низкое небо расцветилось красными ракетами, глухо застучали пулеметы по всему переднему краю. Их светящиеся трассы протянулись на противоположный берег, и Тасма-

нов догадался — немцы не разобрались в ситуации и бьют наугад, пытаясь выявить и накрыть огнем несуществующего противника.

Сползая по глинистому обрыву к реке, Тасманов слышал два взрыва, прозвучавшие почти одновременно.

Прошло не более пяти минут с того момента, как старшина взял на мушку часового. Капитан взглянул на реку, туда, где должны были двигаться плоты с детьми, но ничего не увидел за плотной завесой дождя.

Он вошел в воду, как вдруг сзади хлестнула короткая автоматная очередь. Оглянулся. Старшина кого-то выцеливал на гребне обрыва. Автомат затрясся в его могучих руках, как игрушка. По склону скатилась каска.

Стоя по пояс в воде, Тасманов вскинул свой «шмайсер» и тоже ударил по гребню. «Патруль. Успел прибежать на дым. Что же Петухов?»

Как бы в ответ на мысли капитана с берега зачастил тяжелый немецкий пулемет.

Ледяная вода перехватывала дыхание. Сильное течение сносило их вниз, в зону видимости следующего дзота, но они не оглядывались; высоко подняв автоматы над головой, загребали свободной рукой, чувствуя, как тяжелеет намокая одежда и тащит на дно быстро утомившееся тело.

Они выползли на берег ничейной земли совершенно обессиленные и распластались на самой кромке, понимая, что просматриваются в стереотрубы с ближайшей огневой точки. Пули пока стегали воду, но вот засвистели над самой головой, грозя сплести смертельную свинцовую петлю.

— Вперед, старшина, — прохрипел Тасманов, — накроют.

С немецкой стороны ахнул шестиствольный миномет. Били вслепую по лесу. Там тускло вспыхнули разрывы, и характерный запах, какой всегда остается после разрыва мины, пополз над залитой полой водой старицей, проник сквозь прибрежный камыш и напомнил Тасманову настоящий бой, в котором разведчикам не так часто приходилось участвовать.

Они выползли из свинцовой петли, и скоро лес надежно укрыл их. Старшина трижды прокричал совой. На крик приполз Петухов, волоча за собой пулемет.

— Живы, — радостно выдохнул он.

— Кабы не ты, плыли бы сейчас... — отозвался Рыжиков.

— Где Кудря с ребятами? — спросил капитан.

— Порядок, товарищ капитан. — Сержант радовался возвращению товарищей, и улыбка не сходила с его широкого лица. — Тут неподалеку старый польский блиндаж обнаружился, так что в укрытии пацаны.

— Угостил бы водкой, что ли, старшина... — попросил Тасманов, — а то ведь недолго и грипп схватить.

Рыжиков выхватил из кармана фляжку. Капитан отпил три больших глотка, негромко обронил:

— Идут...

В просветах между деревьями показались Долгих и Струткис.

— Ну вот, — удовлетворенно пробормотал старшина, — вся семья в сборе.

Хутор открылся сразу. При свете дня он выглядел совсем иначе. Тын на фоне неба черный, железный, и над ним высокая жердь со скворечником. Жердь тонкая, и скворечник качается под порывами ветра. Как пятна нефти, блестели стекла в узких окнах дома.

Они окружили дом, и Тасманов взшел на крыльцо, резко толкнув двери, встал на косяк.

На крыльце появился старик. Красноносый, с набрякшими клюквенными щеками. Он все время щурил один глаз, сверля им разведчиков. На лице его не было ни страха, ни растерянности. Кивком головы он пригласил неожиданных гостей в дом.

— Кто-нибудь есть? — спросил Тасманов по-русски.

Старик вскинулся, пристально взглянул на капитана, и тот грубовато сказал:

— Времени нет, дед. Мы русские... Немцев в округе не видел?

Старик пожевал беззубым ртом, поджал губы, покачал головой.

Капитан быстро вошел в дом и увидел старуху. Она сидела тихо, почти не дыша, и походила на сонную ночную птицу. В руках ее, как сначала показалось Тасманову, было зажато лукошко с грибами, но, подойдя ближе, он рассмотрел старую елочную игрушку, сделанную из ваты, — маленькое гнездо с птенцами.

Старуха даже не взглянула на капитана. Казалось, засохшие и готовые вылиться слезы отягощали ее тусклые пустые глаза.

Дождь звенел по стеклам, стучал по крыше и в прикрытые двери, как человек, уставший в пути.

— Нужно накормить детей, — громко сказал Тасманов, убежденный, что старик понимает по-русски.

Двери распахнулись. Кудря остался на крыльце, пропуская мимо себя ребятишек, которые передвигались из последних сил, а войдя, ложились прямо на пол, и было видно, как мелкая частая дрожь сотрясает их измученные тельца.

Старик взял Кудрю за рукав и потащил к сараюшке, пронося одно только слово:

— Тенды... Тенды... *

Они вернулись, неся на руках по большому хлебцу. Старик торопливо нарезал хлеб большими кусками, достал долбленный из липы ковш, крикнул что-то старухе, и та покорно поднялась с места, взяла ухват и полезла в печь.

Не хватило тарелок, старик сокрушенно покачал головой и разлил суп в глиняные большие кружки.

Дети ели молча и сосредоточенно, подбирая крошки, изредка взглядывали на взрослых затуманенными едой глазами.

«Откуда у старика свежий хлеб? — думал Тасманов. — Для кого он печет и прячет его в сараюшке? Не для немцев же?»

Капитан вышел во двор. Никого. «Апачи на тропе войны, — усмехнулся Тасманов, — все подходы перекрыли, а ведь устало-то как».

* Туда... туда... (польск.).

— Петухов, — тихонько позвал капитан, и тотчас из-за са-
раюшки появился сержант. — Отыщешь старое дупло с оружием.
Возьмешь запасные рожки с патронами и рацию. Сам прятал —
значит, помнишь где...

— Помню, товарищ капитан...

— Лошадь, если она еще там, тоже прихвати. И осторож-
ненько... Немцы нас так не оставят. Много крови мы им попор-
тили. И несем кое-что, чему сейчас цены нет. Понял?

— Понял, Андрей Савостьянович... Сделаю чисто...

— Мне рация нужна, — сказал капитан, — Долгих свою уто-
пил. Мальчонка один у него сильно испугался, когда немец
палить начал... Вскочил, качнул плотик...

— Вон оно как, — протянул Петухов.

— И посмотри там... Внимательно посмотри, как на границе.
Следы фиксируй... Считай, что в наряд идешь.

— Есть в наряд, — улыбнулся сержант.

* * *

Петухов не шел, а как бы подкрадывался. Низко согнув-
шись, держа автомат наизготовку, он подолгу всматривался в
густолесье, неторопливо переходил от дерева к дереву, зами-
рал, сливаясь с ним, и снова смотрел до боли в глазах в про-
светы между соснами.

Капитан рассчитал точно, посылая сержанта за рацией. Служ-
ба на границе вырабатывает в человеке то шестое чувство,
о котором любят шутя поговорить ученые и писатели.

Еще не видя врага, сержант угадал его появление. Помогли
галки, шумливые, заполошенные жительницы леса. Они гомонно
сорвались с развесистого дуба, окружились над ним и поле-
тели прочь, недовольно вскрикивая.

Петухов прекратил движение и лег прямо на мокрую про-
шлогодную листву, припал ухом к земле. И скоро услышал то,
о чем догадывался минуту назад. Среди всхлипов дождя Пету-
хов различил слабый шорох шагов, а точнее сказать, шарканье.
И вот в обманчивой серой пелене возник силуэт, за ним дру-
гой и чуть поодаль третий.

Гулко застучало сердце. «В подзорную трубу смотрел капитан.
Так они нас не оставят. Пятнадцать километров ничьей земли —
есть где разгуляться. Разведка или дозор?.. Идут неслышно
«охотнички».

Сержант пропустил разведку — немцы прошли чуть левее
того места, где он лежал, — и рванулся в сторону, в самую
чащу, надеясь там найти себе укрытие.

Завал из полусгнивших деревьев возник в полумгле чащи,
как спасательный круг в зеленом океане леса, нашлось и укры-
тие — нечто напоминавшее медвежий берлогу, поросшее мхом,
еще хранящее запах осеннего тлена и полусгнившей хвои.

Сержант смотрел из своей норы на приближающихся нем-
цев. Эти шли не таясь, плотной широкой цепью, поглядывая по
сторонам, вздергивая автоматы, словно собирались стрелять.
Но не стреляли. Видимо, знали, что цель еще далека.

Петухов неслышно достал единственную гранату и положил
ее рядом. Изготовил автомат для стрельбы. Из норы отступить

некуда, теплилась слабая надежда, что немцы не прочешут завал. Но и тогда стрелять все равно придется. Для того чтобы предупредить Тасманова. Иначе каратели накроют всю группу.

Не шевелясь смотрел Петухов, как проходили мимо него солдаты в мышинного цвета шинелях, в натянутых на уши пилотках — каски были не на всех, — как скользнули меж деревьев пулеметные расчеты с двумя тяжелыми МГ. Два плечистых немца пронесли миномет. И тут же следом унтер-офицер провел тяжело навьюченную лошадь.

«Во вьюках мины, — догадался сержант, — основательно же фрицевня взялась за дело. Насолили мы им, факт».

Немцы прошли мимо завала, словно его и не было. Они торопились к хутору. И тогда Петухов выполз из норы.

«Еще повоюем, — усмехнулся сержант, — они у меня еще вспомнят границу, гады».

Больше всего боялся Петухов «скучной» случайной смерти — на войне убивал и шальной осколок, и посланная без цели пуля. По правде же говоря, о смерти сержант думал нечасто — в глубине души он надеялся пережить войну и вернуться на родную заставу. Он давно уже точно знал, что сделает, когда придет туда. Гранитную стелу своими руками. И впишет золотом всех погибших ребят поименно. Чтобы помнили. Всегда. Вечно.

Теперь он шел не таясь, маскируясь шумом, который создавала спешащая полурота. Сержант догонял навьюченную лошадь. Он понимал, что самое грозное оружие у немцев — два миномета. Расстреляв лошадь, он задержит этих крыс на четверть часа, а то и больше. Пока разгрузят вьюки, распределят мины промеж солдатиков, Тасманов успеет оторваться с хутора.

Сержант ошибся. Немцы не задержались возле убитой лошади. Они вообще как бы не обратили на него, сержанта Петухова, должного внимания. Сыпанули очередями на выстрел, оставили с десяток солдат прикрытия и так же поспешно устремились дальше, ведомые железным приказом окружить хутор.

Оставшиеся немцы, рассредоточившись, понемногу постреливали, но на рожон не лезли.

Петухов размышлял недолго. Такой бой его не устраивал. У сержанта родилась дерзкая мысль опередить немцев. Для этого нужно было добраться до старого дуба, забрать все запасные рожки к «шмайсеру» — сам ведь прятал, а их там десять штук, — взнудать белую с подпалинами находку старшины — а она должна быть там, куда же ей деться, сам привязывал — и ходу по просеке, аллюр два креста.

А что делать дальше — покажет обстановка. Тот, кто верхов на лошади, всегда имеет маневр.

* * *

В той стороне, куда ушел Петухов, возникли одиночные, похожие на треск горящих сучьев выстрелы.

Дети спали, уронив головы на стол, и сон их был как стон.

— Буди, — приказал Тасманов Тихону и обернулся к старику. — Уходите, — сказал он. — Немцы сожгут вас вместе с хутором...

Старик кивнул, шепнул что-то жене. Старуха проворно набросила на себя кожушок и вышла из дома.

Хозяин хутора отодвинул кованный сундук, нагнулся над одной из половиц и легко поднял ее.

Руки его зашарили под полом, и Тасманов увидел, как из груды промасленного тряпья появился новенький немецкий автомат и несколько рожков с патронами.

— Я — жолнеж*, — просто сказал старик.

Он пожал капитану руку жесткими царапающими ладонями.

— Але... Прошу за мну.

Капитан так и не узнал, что же хотел ему показать хозяин хутора. В дверях возникла фигура Долгих.

— Немцы, — как-то уж очень спокойно доложил он.

Тасманов выскочил на крыльцо и без бинокля увидел за сеткой дождя поле. Солдаты шли густо, не таясь.

«Это не ягдкоманда, — подумал капитан, — у них приказ во что бы то ни стало настигнуть нас. Рота отборных солдат. Многовато. Хотя понять их можно. Такие потери. Разведка, эсэсовцы. Да прогулка по тылам. И два дзота — не подсолнушки на солнышке. Теперь фрицы будут чесать всю эту местность под гребеночку. А Петухов погиб...»

Капитан тут же отогнал эту мысль. Не такой он парень, чтобы дать себя вот так просто расстрелять. И гранаты не было слышно.

Ребристую шестисотграммовую «феньку» Тасманов отличил бы от любой немецкой. Ее положено бросать из укрытия — поражаемость двести метров. Ушел Петухов... Надо полагать, ушел...

— Не стрелять! — крикнул Тасманов и вопросительно посмотрел на старика.

— В ляс... — коротко бросил хозяин хутора.

Немцы заметили их. Поле вздыбилось от ураганного огня, но было еще довольно далеко, и автоматные очереди буравили кромку поля, пулеметчики же высоко взяли прицел, и пули пошвыстывали над крышей дома, а одна из них задела скворечник, и он рухнул на землю, расплескивая голых невзрачных птенцов.

Тасманов взглянул на ребят, которые жались к Тихону.

— Всем за дом... Долгих, к пулемету. Заставь их залечь. Пусть минуток пять пожуют землю.

Капитан был уверен, что старик поведет их к просеке, смутно белеющей в трехстах метрах за домом, но хозяин хутора свернул к огороду и, прикрываясь земляным вальчиком, взял намного левее просеки.

«Расчетливый дед, — мелькнула мысль, — все время держится за строениями. Немцам нас пока не видно, до опушки рукой подать — две перебежки. Ребятишкам придется ползти».

Сзади ударил пулемет. Долгих прижимал развернувшуюся в цепь роту к земле.

* Солдат (польск.).

Они были уже рядом с опушкой, когда сбоку, с той самой просеки, по которой собирался уходить Тасманов, вывалились две большие группы немцев.

Это было так неожиданно, что в первый момент никто не стрелял. Потом сработал навык. Пять автоматов застрекотали почти одновременно, чуть позже к ним присоединился шестой. Старик стрелял короткими очередями, тщательно прицеливаясь.

Для немцев встреча тоже оказалась внезапной, теряя убитых, они бросились под защиту деревьев, залегли и повели прицельный огонь по отходящей группе.

Разведчики укрылись за огородным вальчиком.

Дождь поутишился, и открылось поле и близкий лес, скользнула по небу светлая полоса — солнце все же прорвалось сквозь тучи и погасло. Мир, который увидели разведчики чуть просветленным, был ничтожно мал и ограничен.

Ну что ж, они будут драться до последней рукопашной. Война давно стала частью их естества, их судьбой, они славно и достойно жили на этой войне и так же славно умрут во имя победы и своей Родины.

Тасманов достал ракетницу и тут же засунул ее обратно в сумку. Рано. Варюхин со взводом прибудет в квадрат двести шесть не раньше, чем через полчаса. Да и увидит ли он ракету в промозглой, словно придымленной, серости неба? Не хватило одного часа. «Время на войне стоит жизни». Если бы не дети. Кто мог предвидеть такое!

За домом грохотал пулемет Долгих. Радист бил короткими очередями — сэкономил патроны.

«Варюхин может не увидеть ракеты, но услышит бой, — мелькнула у Тасманова мысль, — и, может, не осторожничал, а гнал галопом».

Тасманов придумывал себе надежду. Он не верил в безвыходность создавшегося положения. Нужно продержаться как можно дольше. Счет пойдет на минуты.

— Старшина, — позвал капитан.

— Тут я, товарищ капитан, — отозвался Рыжиков, отрывая себе лопаткой окопчик, словно готовился ночевать в нем.

— Возьмешь Струтка и в дом. Забаррикадируешься и будешь держать левый фланг. Патроны беречь... Иди...

Рыжиков и Струткис уползли огородом. Замолк пулемет. Долгих расстрелял последний диск.

— Тихон... — негромко приказал Тасманов, — к Долгих. И оба в сарай. Держите поле...

— Есть держать поле, — отозвался Кудря.

Тасманов остался со стариком и детьми. Прикрытый домом, огород сейчас был самым безопасным местом. Сюда не залетали пули. У немцев же, что залегли на опушке, не было пулемета.

* * *

На подходе к полю Петухов пустил лошадь шагом. Все сложилось удачно. Он быстро оторвался от заслона, разыскал памятный дуб, рассовал рожки по карманам. Лошадь же пришлось ловить, она отвязалась и бродила неподалеку, видимо,

давно приученная к укромной поляне, на которой среди обнажившейся прошлогодней травы внимательный Петухов обнаружил просыпанный овес.

Сержанта не нужно было учить верховой езде без седла. Петухов вырос в деревне, где без лошади не обходилось ни одно дело.

Он выскочил на просеку и погнал галопом, все еще надеясь опередить немцев. Чуток опоздал.

Из-за деревьев было видно и поле, и горящий сарай, и цепь солдат, охватывающую полукругом хутор. Немцы шли в рост, уверенные в своей последней атаке. Из дома раздавались одиночные выстрелы.

«Что же они не уходят огородам к дальней опушке?» — с отчаянием подумал Петухов. И вдруг увидел — из редколесья, о котором он подумал как о единственном пути отступления, не торопясь вышли три группы солдат, растянувшись цепочкой, и, словно на прогулке, не спеша двинулись к хутору. Вот они достигли кромки поля, еще две-три минуты — и цепи наступающих соединятся в одно сплошное кольцо.

Для удара по наступающим от опушки немцам его позиция была лучше не придумаешь.

«Пора», — приказал себе Петухов и хлестнул лошадь прутом. Это было последнее мгновение, отделяющее сержанта от черты, за которой начиналась дерзкая, сумасшедшая игра со смертью.

Как бы дальше сложилась его жизнь, прими он другое решение, не может знать никто. Полный доверчивой здоровой простоты, Петухов не раздумывал о правильности или необходимости своего поступка. Вся предшествующая жизнь подготовила его к этому. Товарищи в окружении ведут неравный

бой, и только он сейчас может помочь им, пусть даже ценой жизни.

Сержант стрелял с руки, положив автомат на сгиб локтя.

Не было лучше стрелка в разведке, чем Петухов. Короткие очереди точно находили цель, спрятаться от пуль на поле было негде, и сержант положил человек двадцать, пока оправившиеся от первой растерянности немцы не повели прицельного огня по всаднику.

Тасманов мгновенно оценил маневр сержанта. Он давал всей группе единственный шанс прорваться к лесу и дальше в квадрат двести шесть, куда уже должен подоспеть конный взвод, высланный Дробным.

— Быстро к лесу! — крикнул он старику. — Уводите детей.

И показал рукой направление, в котором нужно было двигаться. Старик сдержанно кивнул головой и поднял ребят.

Тасманов вскинул над головой ракетницу и выстрелил. Раз, другой. Две ракеты прочертили белые дуги и взорвались красным недолгим светом.

Рыжиков, увидев ракеты, ногой вышиб раму бокового окна, коротко выдохнул: «Всем за мной!» — и выпрыгнул во двор.

По полю метался всадник. Сержант отбросил «шмайсер» с пустым рожком и рванул с груди другой. Он успел полоснуть длинной очередью по залегающей цепи, и тут пулеметная трасса достала белую с подпалинами лошадь. В предсмертной тоске она еще вскинулась, ужаленная новыми пулями, упала на передние ноги и тяжело завалилась на бок.

Петухов успел соскочить с падающей лошади, больно ударился грудью о затвердевший гребень старой пахоты, превозмогая боль, поднял голову и увидел бегущих к опушке разведчиков и детей, развернувшихся в цепь, словно заправских солдат.

«Капитан придумал, — тепло и благодарно подумал Петухов о командире, — теперь они ушли... ушли-растаяли».

Сержант пополз к убитой лошади. Другого укрытия на поле не было.

Немцы с двух сторон бежали к опушке, все еще надеясь догнать беглецов. На какое-то мгновение они забыли о сержанте, а может, посчитали его убитым. И Петухов ударил с близкого расстояния длинной очередью. Как в тире. Спокойно и холодно. И немцев словно ветром понесло, они отхлынули к самой кромке поля, открывая сектор обстрела для своих пулеметов.

Сержант же не жалел патронов. Восемь полных рожков — не солить же их. Автомат раскалился в его руках. И, не выдержав точного прицельного огня, немецкие автоматчики залегли.

Поле вскипало мокрыми фонтанчиками поднятой земли. Воздух над Петуховым стонал от пуль. Он перестал стрелять и лежал, уткнувшись головой в еще теплый бок лошади, понимая, что теперь ему не уйти из этого бешеного огненного кольца.

Он повернулся на спину и увидел низкие клубящиеся тучи и единственный пронзительный луч снова пробившегося к земле солнца.

Луч протянулся к нему, сержанту Петухову, как рука друга, как надежда, как доброе предзнаменование.

Сержант вздрогнул. Над просекой взметнулась зеленая ракета, за ней вторая.

«Это же наши! — задохнулся в нахлынувшем восторге Петухов. — Это же Варюхин с ребятами!»

От просеки донеслась пулеметная скороговорка, и сержант узнал ротный «дегтарь», который он своими руками перебирал за сутки до выхода в поиск. Петухов перевернулся на живот и осторожно выглянул.

В лесу за домом что-то коротко ухнуло. И серия фосфорных мин легла правее позиции Петухова, у самой кромки поля.

Мины разрывались с характерным хлопком, разбрасывая вокруг белесоватые куски фосфора, самовоспламеняющегося в воздухе и горевшего ярким белым пламенем.

Сержант вдруг почувствовал, как жарко стало спине. Жар становился нестерпимым, словно тело прожигали раскаленным углем. Один из кусочков горящего фосфора упал на комбинезон разведчика и прожег его, как тонкую бумагу.

Петухов приподнялся, хотел сбросить комбинезон — так нестерпима была боль, — внезапно ощутил резкий тупой удар в грудь и запрокинулся на спину, все еще не веря, что это пуля.

* * *

Петухов лежал на разостланной плащ-палатке. Старшина непослушными пальцами рвал индивидуальный пакет. Еще слышались выстрелы, но где-то далеко. Здесь же было тихо, остро пахло хвоей. Тасманов склонился к раненому.

— Гриша... Куда тебя?

— В сердце, кажись...

Едва читаемая улыбка тронула немеющие губы Петухова.

— Вырвались, Андрюша... И шкоды понаделали гансам.

Сержант вздрогнул, заторопился:

— Парабеллум мой Тихону... Себе возьми бритву... на память. Все... отвернись... Умирать буду.

Он замер, плотно стиснув зубы, удерживая стон, и вдруг широко открыл глаза.

— Детишки... все целы? — шепот был чуть слышным.

— Все... — глухо ответил Тасманов.

— Скажи им... пусть помнят... Сержанта Петухова... пусть помнят...

ВРЕМЯ ЕГО УЧЕНИКОВ

Фантастическая повесть

1

Почему Старков так любил осень? Этот промокший насквозь лес, растерявший за лето все привычные свои звуки, кроме сонного шуршания дождя? Эту хлюпающую под ногами кашу, холодную кашицу из мокрой земли и желтых осенних листьев? Это низкое тяжелое небо, нависшее над деревней, как набухший от воды полог походной палатки?

Пушкинская осень — желтое, багряное, синее, буйное и радостное, спелое, налитое... А Старков почему-то любил серый цвет, карандашную штриховку предпочитал акварели и маслу.

Раф спросил его как-то:

— Почему все-таки октябрь?

А тогда еще было самое начало сентября, начало занятий в институте, начало преддипломной практики, которая все откладывалась из-за непонятных капризов Старкова.

— Легче спрятать следы, — ответил Старков, походя отшутился, перевел разговор на какие-то институтские темы, а обычно дотошный Раф не стал допытываться. В конце концов, каждый имеет право на прихоть. Тем более что она, эта непонятная старковская прихоть, никак не мешала делу. На эксперимент Старков положил ровно месяц, а срок практики у них — до конца декабря.

— Все успеете, — говорил Старков, — и отчет об эксперименте оформить, и даже диплом написать. Да и чего его писать? Поделим отчет на четыре части — вот вам по дипломной работе каждому. Да еще какой работе: комиссия рыдать станет...

Он всегда был оптимистом, их Старков, ненавидел нытиков и перестраховщиков, истово верил в успех дела, за которое брался. А разве можно иначе? Тогда и браться не стоит. Так он считал, и так же в общем считали его студенты — Олег, Раф и Димка, которые год назад безоговорочно поверили в идею учителя, проверили ее в лесу на Брянщине, снова вернулись сюда, чтобы установить генератор обратного времени в той же лесничьей заброшенной избушке, смонтировать экраны-отражатели временного поля.

Прошлогодний эксперимент считали неудачным. Поле нашупа-

ли, стабилизировали его в километровой зоне экранов, и давно ушедшее время сорок второго военного года возникло в реальном и прочном времени: нынешнего дня, их дня — дня веселых и беззаботных студентов семидесятых годов, дня ученого Старкова, лишь прочной памятью своей возвращавшегося в тяжкие дни партизанского комиссара Старкова. Именно здесь, на Брянщине, в партизанском отряде, начинал он свой долгий путь в науку, еще не зная, не ведая, что замкнется этот путь кольцом вернется к началу — в тот самый сорок второй год, когда постигал он азы великой науки — суворовской «науки побеждать», науки не сдаваться, не отступать перед трудностями.

Стабилизированное поле оказалось неуправляемым, и взвод фашистских карателей прожил два с лишним часа в чужом для них времени, до которого на самом деле многие из них не дожили, не дошли, сраженные пулями партизан, быть может, пулями, выпущенными из автомата самим же комиссаром Старковым. Он твердо усвоил свою науку: не отступил, не сдался. Да и ребята его не подвели тогда. Каратели так и не вышли из леса, вернулись в свое время, а Старков со студентами вновь взялся за расчеты, перестроил генератор, провел серию опытов в институтской лаборатории, дождался любимого своего октября, чтобы повторить эксперимент «в лесу прифронтовом», но повторить его на совсем новой основе.

Сейчас они сидели в жарко натопленной избушке — все четверо да еще председатель колхоза, который командовал тем отрядом, где служил комиссар Старков, — сидели вокруг плохо оструганного стола, крытого старенькой клеенкой, а в мутное квадратное оконце бился холодный октябрьский дождь — уже постоянный спутник их не шибко веселых прогулок по времени.

— Не нравится мне все это, — хмуро сказал председатель, разглядывая полустершийся узор на клеенке.

— Что именно? — спросил Старков.

— Да игры ваши со временем. Прошлый раз себя чуть-чуть не угробили, и деревне опасность была. А сейчас что будет?

Старков не знал, что будет сейчас. То есть о самом эксперименте он знал все, а вот о поведении его участников, которое не предугадать... Он посмотрел на студентов. Раф уставился в окно, что-то высматривал за мутным стеклом, залитым водяными потоками, усиленно делал вид, что разговор его не касается, не прислушивается он к нему. Димка внимательно изучал плакат на стене, подаренный колхозным кинемехаником. На плакате вовсю грустила большеглазая дива, летели желтые осенние листья, прямыми пунктирными линиями был нарисован дождь, ничуть не похожий на тот, настоящий, за окном. И только Олег в упор глядел на Старкова, улыбался, ждал ответа, а может, и знал его, да только не хотел помогать шефу: кому вопросик подкинули, тот и выкручиваться должен, а мы послушаем, получимся уму-разуму у старших товарищей.

«Хороши помощники, — обозлился Старков, — ждет от меня дипломатических уверток, говоря по-простому — вранья. Черта с два! Не дождетесь...»

Правда всегда убедительней любого вымысла, считал он. Да и зачем обманывать председателя, пользоваться его, мягко говоря, небогатыми знаниями современной физики? За три с лишним

года войны Старков прочно поверил в интуицию своего командира отряда, ставшего теперь председателем колхоза в Брянской области, в его легкую руку поверил, в его редкое умение почти точно угадывать зыбкий процент риска в любом ратном деле. А дела у партизан были тяжкие, не чета нынешнему, все-таки экспериментальному.

— Что будет? — раздумчиво протянул он. — Всякое может случиться, Петрович. Но одно скажу точно: никакой опасности для деревни не жди. — И, уже увлекаясь, как обычно, когда речь заходила о его теории, продолжил: — В прошлый раз мы воссоздали в зоне экранов сорок второй год. Сейчас мы поступим наоборот. Временное поле перенесет на тридцать с лишним лет назад наше время, наш день. В прошлый раз мы не сумели справиться с полем, даже не ведали, что может статься, если просто вырубить генератор. Сегодня мы сможем точно контролировать время переноса, при малейшей опасности отключить установку, прекратить опыт. В прошлый раз мы монтировали экраны-отражатели по кругу, с центром в точке действия генератора. Нынче мы выставили экраны по лучам-радиусам сектора, расходящимся от той же точки. Что это даст? Прежде всего, мы не ограничиваем себя хотя бы по одной координате. За пределами линии экранов поле не действует. Но по оси сектора мы растягиваем его действие на многие километры, а практически — бесконечно. Понял?

Председатель усмехнулся.

— Я за этот год, что вы в институте мудрили, за физику взялся. Кое-что из институтского курса вспомнил, кое-что новенькое подчитал, — и, заметив иронический взгляд Рафа, который оторвался от своего окна, соизволив-таки обнаружить интерес к беседе, сказал сердито: — А ты не ехидничай, студент. Я не к защите диссертации готовился, а к разговору с комиссаром, — он так и называл Старкова комиссаром — по старой памяти. — Чтобы не сидеть дурак дураком. Короче говоря, переиграли вы суть опыта: не они к вам, а мы к ним. Так?

— Так, — подтвердил Старков.

— Я тут вчера походил по вашим владениям, на экраны поглядел... Скажи, комиссар, ты их специально на северо-восток ориентировал?

Старков только руками развел: дотошен «батя», поймал комиссара на хитрости.

— Специально, Петрович.

— А кто пойдет?

Вот он, вопрос, которого ждал Старков, ждал и боялся, потому что так и не нашел на него однозначного ответа.

— Не знаю, — честно сказал он. — Давайте решать вместе.

Тут уж Олег не выдержал своего великолепного молчания:

— Ой, да не разводите вы здесь «парижские тайны». Что вы там придумали, профессор, выкладываете.

— Дай-ка я скажу, — вмешался председатель, а Старков кивнул согласно: выкладывай, Петрович, раз аудитория просит. И только подумал про себя, что обидится на него аудитория, что скрыл он от них свой тайный умысел, дотянул до последнего дня. А почему скрыл? Может быть, потому, что военная память, память о тяжелом сорок втором принадлежала только

ему и не хотел он делиться ею с мальчишками пятидесятых годов, боялся, что упрекнут они его в сугубо личном подходе к цели эксперимента? Может быть, и так. Оттого и время выбрал осеннее, и избушку эту лесную. А ведь подход-то не совсем личный. Связан он прежде всего с ним самим, с бывшим партизанским комиссаром Старковым, и касается лично его, пожалуй, больше, чем кого-либо из присутствующих, ох как касается! Если только прав он в этом втором эксперименте...

— Вы знаете, — говорил председатель, — что в сорок втором году в этих местах действовал наш партизанский отряд. В селе, где сейчас мой колхоз, была базовая явка отряда. Обратили внимание небось: ни одного старого дома в деревне нет, все заново отстроены? Не мудрено: когда каратели совершили набег на нее, они все пожгли, ничего не оставили. Хорошо еще, успели нас свои люди предупредить, жителей мы к себе забрали.

— Всех? — спросил Димка.

Председатель нахмурился.

— Не всех, к сожалению... — обернулся к Старкову: — Помнишь Стаса Котенко? — И объяснил ребятам: — Старостой он в деревне был. Вроде бы фашистский ставленник, а на деле наш колхозник, коммунист, невероятной отваги человек. Мы ему тогда твердили: «Уходи, Стас, все равно деревня «засвечена». А он: погодим маленько, может, и выкрутимся. Мол, я у гитлеровцев на хорошем счету, кое-какая вера ко мне у них есть. Вот и погодил...

— Убили? — подался вперед Димка.

— Повесили. Как раз в сентябре сорок второго. Его и еще пятерых.

— А вы куда смотрели? — Голос Димки сорвался от возмущения.

Председатель покачал головой:

— Не горячись, парень. Мы не смотрели, мы дрались. Да только мало нас было в то время. Основные силы отряда ушли в район Черноборья на соединение с отрядом Панкратова. А здесь остался обоз и взвод охранения — двадцать девять бойцов во главе вон с ним, — он кивнул на Старкова, помолчал немного, покусал губы — разволновался, вспоминая. — Обоз они потом привели в Черноборье. Да только вместо двадцати девяти бойцов пришло одиннадцать. А пятерых привезли раненых. Комиссара даже хотели на Большую землю отправить: легкое ему прострелили, да две пули из «шмайсера» в ногу застряли. Только разве его отправишь? Уперся — и ни в какую. Залатали потом, нашелся умелец. Не свербит к непогоде?

Старков потер ладонью грудь, улыбнулся:

— Все пули мимо нас, батя.

— Стало быть, не все. Не спасла тебя твоя поговорочка.

— Да разве это пули? Так, пчелки... Жив я, батя, и жить до-о-олго собираюсь.

— А сперва посмотреть хочешь на себя молодого?

Старков посерьезнел, сел прямо, руки на стол положил — так он лекции в институте начинал читать: минут пять выдержит, посидит смирно, голос ровный-ровный — не повысит, а потом забывает о роли мудрого педагога, вскакивает, ерошит волосы, носится у доски — мальчишка мальчишкой,

— Нет, Петрович, не хочу, — тихо сказал он. — Не имею права.

— Парадокс времени? — усмехнулся председатель. — Слышал.

— Не того парадокса я боюсь, Петрович... Я себя самого боюсь, сегодняшнего, умного да опытного. Физика Старкова боюсь, кто наверняка не даст комиссару Старкову сделать те ошибки, что были сделаны.

— А почему бы не поправить комиссара? Хотя нет, — председатель вспомнил прочитанное за зиму, — не имеешь права: изменяя прошлое, невольно изменишь будущее.

— Не то, Петрович, недопонял ты, или я не объяснил тебе суть опыта. Мы не путешествуем в прошлое, в то прошлое, которое было у нас. Мы вроде бы создаем его точную модель, копию, матрицу. Не знаю, как это получается, но наш опыт никак не влияет на реальную жизнь. Мы в институте в испытательной камере делали, например, такую штуку. Сажали в камеру белую мышь, фиксировали ее там на определенный отрезок времени, а через сутки восстанавливали в камере этот отрезок, умерщвляли ее, возвращались в свое время — а она жива-живехонька.

— Может, не ту мышь убивали?

— Другой в камере не было. Этот эффект мы проверили сотни раз, он неизменен. Поэтому и предположили, что наша установка дает возможность вернуть не само время, а какую-то его вариацию, точную вариацию. И реальную до мелочей: мышь-то в нашем опыте погибала.

— А если не мышь? Если человек?

— Это все-таки не наше время, Петрович, вернее, не наша линия времени. Хочешь узнать, что будет, если я вернусь в срок второй год и, скажем, убью самого себя молодого?

— Допустим.

— И допускать нечего. Ничего не будет. Сегодняшняя мышь, то есть физик Старков, останется невредимой. Но ты верно заметил о моем путешествии: не имею права. Морального права не имею. Права помешать моему аналогу самостоятельно выбирать дорогу жизни. А скорее просто боюсь этой встречи...

Председатель растерянно смотрел на Старкова. Видно, не хватало ему знаний по физике, полученных из тех пяти-шести книг, что одолел он за зиму, не мог он представить себе другого времени.

— Где же она будет, встреча эта?

— Не будет ее. А если б и была, то где-то в иной плоскости, где есть свой Старков, свой лес, свой отряд.

— Второй Старков?

— А может, десятый. Двадцатый. Сотый. Кто знает, сколько их, этих плоскостей времени, линий, как мы их у себя называем?

— И везде одно и то же? Везде война, везде бой, везде повешенный карателями Стас?..

— Не знаю. Вот ребята вернутся — расскажут...

Слово сказано: «Ребята вернутся». Все давно решил Старков: и что именно он останется вести поле, и что именно студенты пойдут в прошлое, в его прошлое. Давно решил, да только не

хотел сознаваться в том, потому что жила где-то в глубине души тщетная надежда оправдать для себя свое путешествие в сорок второй год.

Но кем он придет к тому Старкову? Старковым нынешним, «остепененным» ученым с громким именем, с прекрасным и светлым вариантом возможного будущего? Не имеет он на то права, не должен отнимать у молодого комиссара жизненной необходимости пройти свой путь — по ухабам, по рывтинам, но свой, не навязанный кем-то, не подсказанный. Или явиться к нему сторонним советчиком, разумным покровителем и помощником, потому что не сможет нынешний Старков остаться лишь наблюдателем — равнодушным и хладнокровным. Пустая затея, слишком хорошо он себя знает: и себя сегодняшнего, и себя молодого. Один не устоит, вмешается в жизнь другого, а другой не примет вмешательства, по молодой горячности еще и «шлепнет» физика. Хочется умереть, Старков?

Да не в том дело, господи! Жить хочется, но жить «как на роду написано», так, кажется, в старину говорилось. А встреча двух Старковых напроочь перевернет «написанное на роду» и одному и второму.

А если все-таки затаиться, ничем не выдать себя, просто быть, просто увидеть, просто почувствовать, ни во что не вмешиваться? Сможешь, Старков? Нет, наверно, не умел он существовать в раковине, даже если эта раковина сделана из самых высоких и гуманных побуждений.

Значит, вывод один: пойдут ребята. Но все ли? Они ведь еще толком не знают, куда пойдут.

— В семи-восьми километрах точно на северо-восток находилась основная база партизанского отряда вплоть до его соединения с панкратовцами. — Старков снова выпрямился, положил руки перед собой, говорил сухо, чуть монотонно — читал лекцию. — Двадцать шестого октября, как вам уже сказал командир отряда, основные силы ушли в Черноборье, где Панкратов готовил крупную операцию. Таков был приказ с Большой земли. В районе деревни остался обоз и двадцать восемь бойцов с командиром. Предполагалось, что по выполнении панкратовской операции отряд вернется, потому что партизаны не хотели терять контроль над этим районом, где тем более сохранялась явочная деревня под нашим наблюдением. Мы знали, что в деревню будут отправлены каратели, но считали, что их силы не превысят одного взвода. Однако у гитлеровцев, как оказалось, были сведения о местоположении отряда, и к деревне была выслана мотострелковая рота, усиленная взводом пулеметчиков. Бой, как вы понимаете, был неравным. Может быть, его вообще не следовало принимать...

— Ты что, Старков, — председатель удивленно смотрел на него. — Как это не следовало? Ведь в деревне оставались наши? Что ж, бросить их, по-твоему, следовало, а?

— Мы им ничем не помогли, батя, — тихо сказал Старков, махнул рукой, резко поднялся, отбросив ногой табурет, зашагал по тесной комнате — три шага от стены к стене. — Что было, то было, нечего ворошить. Давайте решим, кто пойдет на искомую линию времени. Ну, я слушаю, — Он обвел взглядом сидящих за столом.

Олег опять улынулся — широко и беззаботно:
— Я пойду, шеф.
— И я, — откликнулся Димка.
Раф аккуратно поправил очки, спросил вежливо:
— Вы справитесь с установкой в одиночестве?
Председатель неожиданно расхохотался:
— Ну, орлы! Ну, герои! Все, видишь ли, пойдут... А знаете ли вы, соколики, на что рветесь? Там страшно. Там стреляют.
Раф удивленно взглянул на него:
— Мы не вчера из детского сада, уважаемый товарищ председатель. Не надо нас пугать.
— Да чего болтать. — Олег тоже поднялся, подошел к Старкову, встал рядом, обнял его за плечи. — Если вы не против, шеф, все и пойдем. Гоните инструкции.
Старков, честно говоря, и не ждал, что кто-то из них сдрейфит, откажется идти. Хотя предлог был — первый сорт: Старкову одному придется трудновато, установку должны обслуживать как минимум двое. Но он не решился напоминать об этом ребятам. В конце концов, сам справится, не впервой.
И тут подали голос председатель:
— А не тряхнуть ли и мне стариной, а, комиссар?
— Ну уж нет, — сердито сказал Старков. — Будешь мне помогать.
— Да я не умею, — взмолился председатель.
— Научу, — и не сдержался, добавил ехидно: — Ты ж у нас физику решил изучать. Пользуйся случаем, пополняй знания.

2

Эксперимент назначили на утро следующего дня. К выходу во время готовились прочно и основательно. Председатель принес из дому старенькую, стертую на сгибах карту-двухверстку, разложил на клеенке, вооружился линейкой и карандашом.

— Запоминайте маршрут, — сказал он, — карту с собой брать не будете.

— Это почему? — удивился Димка.

Начитанный парень Раф, большой знаток детективно-приключенческого жанра, покровительственно похлопал его по плечу.

— Когда мы попадем к партизанам, нас, вероятнее всего, обыщут и найдут карту.

— Ну и что?

— Темный ты человек, Димка. Никакого понятия о конспирации. Ну посуди сам, откуда у обыкновенных мальчишек может быть точная карта местности?

— Да еще выпущенная в шестьдесят девятом году, — вставил Олег, внимательно следивший за чертежными манипуляциями председателя. Тот ориентировал карту по компасной стрелке, отметил точкой избушку лесника, высчитал азимут, прочертил по линейке красную линию маршрута.

— Не только в том дело, — терпеливо объяснял Раф. — Да будь она датирована тридцать девятым годом, все равно ее нельзя брать. Кто нас мог снабдить картой? Партизаны? Значит, необходимо знать все о партизанском движении в здешних местах. Вряд ли наш уважаемый профессор был менее дотош-

ным в то время. Он мгновенно поймает нас на неточности или, что хуже, на незнании обстановки и поставит к стенке.

Старков подумал, что Раф вряд ли преувеличивает. Комиссар Старков не стал бы церемониться с подозрительными типами, даже перепроверять их не стал бы: времени не было, фашисты вот-вот подойдут, бой впереди, некогда разбираться. Ну не к стенке, это уж слишком. А вот повязать голубчиков накрепко, кляп в рот, сунуть в одну из обозных телег под солому — вполне реально. А эта реальность лишит участников эксперимента свободы действий — и в буквальном смысле, и в переносном.

— Легенда вам нужна, — сказал он, а Раф немедленно откликнулся:

— И не просто достоверная, а вызывающая минимум контрвопросов. Подумайте, профессор, вспомните ваше партизанское прошлое. Кем бы мы могли к вам явиться?

«Допустим, в расчете времени мы не ошиблись, — думал Старков. — Допустим, отряд уже ушел в Черноборье. Нас двадцать девять. С нами десять телег обоза, десять лошадей и, если мне память не изменяет, жеребенок. Допустим, мы еще не знаем, что каратели придут именно сегодня. И сколько их будет — не знаем. Но то, что их следует ждать, известно доподлинно. И мы их ждем, для того и остались. И вот появляются трое парней... Откуда?»

— А может, не стоит им идти в отряд? — подал голос председатель. — Может, затаятся они где-нибудь, посмотрят, подслушают — и назад? Ведь ты же их со своей дурацкой подозрительностью сразу за провокаторов примешь.

— Это ты сегодня мою подозрительность называешь дурацкой, — усмехнулся Старков. — А тогда она тебе совсем не мешала.

— Так то тогда... — туманно протянул председатель.

Олег оторвался от карты, на которой красной нитью протянулся семикилометровый путь от избушки до предполагаемой базы отряда, вмешался в разговор:

— Не подозрительность дурацкая, а, простите, весь ваш спор. Я, например, не собираюсь отсиживаться в кустах. Предлагаю версию. Мы пришли из деревни Ивановки, которая в сентябре сорок второго была полностью сожжена гитлеровцами.

— Где это — Ивановка? — спросил Димка.

— В семидесяти километрах южнее. Теперь там колхоз имени Якова Лескова.

— Нам за двадцать, — сказал Раф. — Резонный вопрос: почему мы не в армии?

— Потому что мы партизаны из отряда Лескова.

— А на кой черт мы явились сюда?

— Отряд Якова Лескова, базировавшийся около Ивановки, в том же сентябре был полностью уничтожен фашистами. У Лескова было всего пятьдесят четыре бойца, из которых тридцать шесть — костяк отряда — не сумевшие выйти из окружения солдаты пехотного полка. Остальные — колхозники из Ивановки. Отряд просуществовал всего три месяца, не успев выйти на соединение ни с одним крупным партизанским подразделением, выдан фашистам предателем и разбит наголову в бою под Ивановкой двадцать первого сентября. Яков Лесков,

капитан Красной Армии, посмертно награжден орденом Отечественной войны, его именем назван колхоз. — Он повернулся к Старкову. — Вы должны были знать о его существовании, но никого из людей Лескова никогда не видели. Точно?

— Точно, — сказал Старков. — Мы знали о них.

Он с удивлением смотрел на Олега. Откуда тот узнал о существовании отряда, о деревне Ивановке, о которой даже многие местные колхозники не слышали: она расположена на территории другого района.

— Откуда сведения? — Раф опередил его вопрос.

— Всяким прогрессом движут интуиция и интерес, — Олег явно упивался неожиданной для друзей ролью знатока военной истории — умной ролью, думал Старков, очень уместной и вызывающей уважение. — Две недели назад, как вы помните, я мотался в город за конденсаторами. Конденсаторы я не достал, но зато полдня просидел в краеведческом музее и теперь кумекаю в партизанском движении в районе не хуже Петровича или шефа. Тогда у меня и сложилась модель легенды, с которой мы пойдем в прошлое.

— Погоди, погоди, — прервал его Старков, — а откуда ты знал мой план? То, что вы пойдете именно в наш отряд и, кстати, в эти же дни? Я, каюсь, ничего вам не говорил...

— Впрямую не говорили. Но примерная дата выхода была известна. О существовании вашего отряда мы еще в прошлом году узнали. Петрович не раз рассказывал о нем. Из того, куда мы ориентируем экраны-отражатели, тоже вывод сам собой напрашивается. Идти без легенды, без точного знания обстановки — пустой номер: не на прогулку собираемся. Вот я и решил все продумать заранее. А то на охоту ехать — собак кормить... — Все это он произнес с такой ленцой в голосе: мол, что подаешь, приходится объяснять очевидное, предельно ясное, если сами не разбираются.

Он подвинул табурет к стене, прислонился к плакату с грустящей девицей, оглядел слушателей: ну, что еще непонятного?

— А парень-то — хват, — с восхищением протянул председатель.

— Хват — не то слово, — сказал Старков.

Ему казалось, что он раскрепрасно знает своих студентов, их непростые характеры, их привычки, их интересы. С известной самоуверенностью он даже пытался прогнозировать поведение каждого в ситуациях, которые сам же устраивал им — в институтской лаборатории, на экзамене, даже в домашней обстановке. И почти никогда не ошибался в прогнозах, может, самую малость, какую и в расчет принимать не стоит. Выходит, обманывал ты сам себя, комиссар, спешил с выводами. Раф, мол, умница, теоретик с хорошим будущим, спокойный, даже несколько медлительный, рассудок у него преобладает над чувствами. Димка погорячее, вспыльчивый, неусидчивый, легко увлекающийся и легко меняющий свои увлечения. А Олег... Олег посложнее, это и прошлогодняя проверка боем отлично показала. Его поступки труднее предугадать, и все-таки ты пытался это делать, и вроде бы получалось. Но получалось-то в простых случаях, не требующих, выражаясь языком математики, дополнительных вводных, — на том же экзамене или в лаборатории. Придумал

ты себе схемы, Старков, и хочешь втиснуть в их тесные каркасы живые и совсем нестандартные характеры. Опять-таки возвращаясь к математическим терминам: характеры, не поддающиеся алгоритмированию. Да и разве возможно построить модель человеческого характера, даже самого бесхитростного? Нет, конечно! Всегда она будет беднее и однозначнее живого аналога. Плохой из тебя комиссар, Старков, просто никудышный. Самоуверен ты и толстокож. А может, на пенсию тебе пора, на покой, цветочки на даче разводить, а с людьми только за обеденным столом встречаться, где застольные условности вполне позволяют несложный прогноз поведения соседей?

— А может, мне на пенсию пора? — Старков и не заметил, как спросил это вслух.

Олег засмеялся.

— Время жить и время самобичеваться. У нас сейчас время жить, профессор, а самобичеваться потом будем, если причины найдутся. Пока их нет и не предвидится. Все хорошо, прекрасная маркиза. Давайте-ка лучше разберемся в нашей легенде. Я спрашиваю, вы отвечаете. Идет?

— Идет, — хором откликнулись Раф и Димка. Они охотно приняли игру, предложенную Олегом, ничуть пока не сомневаясь в том, что это все же игра. И трудно было упрекнуть их в легкомыслии, потому что не могли, не умели они представить себе жестокую реальность, в которую их поведет эксперимент. В конце концов, это та же лаборатория, та же испытательная камера, но перенесенная в осенний холодный лес, бесконечно раздвинувшая свои прозрачные стенки. И они — хозяева положения, экспериментаторы, а белая мышь в камере по-прежнему жива и здорова и лопает крошки хлеба с ладони. И все хорошо, всё расчудесно.

— У меня сомнение, — сказал Олег. — Кем лучше быть: коренными жителями Ивановки или окруженцами?

— Лучше окруженцами, — сказал Димка. — Кто-то из отряда Петровича мог бывать в Ивановке, знать ее жителей.

— Согласен. Значит, все мы москвичи, московские студенты, ушедшие в действующую армию и ставшие впоследствии бойцами отряда Лескова. Подробностей об отряде никто у Старкова не знал, так что здесь мы можем дать волю фантазии — в умеренных пределах, конечно.

— Если станут спрашивать, — добавил Димка.

Председатель хмыкнул, взглянул на Старкова, а тот ответил незамедлительно:

— Станут, станут. Или вы меня не знаете?

Они его знали отлично. И, что хуже, он сам себя знал, и характер свой дотошный и подозрительный, и неумение отвлечься от главного дела, вдумчиво разобраться в том, что именно отвлекло. А главным делом для него тогда была деревня. И каратели, которых ждали со дня на день. И обоз, который необходимо сохранить, довести до Черногорья. А трое сомнительного вида партизан-лесковцев, трое сопляков, так не вовремя подвернувшихся на пути, — как раз отвлекающий момент. И может, не разбираться в нем, не взвешивать их показания на аптекарских весах? Сгодятся и хозяйственные, где увесистая гиря замечательной комиссарской бдительности все перевесит,

...Ах Старков, Старков, куда ты посылаешь своих ребят, не обученных лгать хитро и правдиво, даже когда речь пойдет об их собственной жизни? Не знают они ей цену, не лежали они часами в засадах, не ждали ежеминутно выстрела в спину, не знали, что лес этот, тусклый осенний лес, чертовски опасен и для врагов, и для своих. Они пойдут по нему, как ходили всегда, легко и беззаботно, не ожидая ни взрыва мины на тропе, ни внезапной автоматной очереди из мокрых кустов орешника, ни даже окрика «Стой!», когда надо именно стоять, и поднять руки, если в упор на тебя смотрит черное дуло «шмайсера», и говорить что-то, и ждать момента, чтобы выбить этот «шмайсер» из рук врага, успеть поймать его на лету, бросить на землю тренированное страхом и мужеством тело и стрелять, стрелять. Впрочем, это они умеют, особенно Олег...

— Мы вас знаем, — сказал Олег, — и сделаем небольшую скидку на ваш нераздумывающий комиссарский возраст. Не беспокойтесь, комиссар, все пули мимо нас.

Если бы так! Если бы верна была глупая поговорочка...

— Ладно, — решил он, — бог не выдаст, как говорится. Давайте отбавывать подробности.

Пока Старков гонял Олега и Рафа по карте, заставлял их по многу раз мысленно проходить завтрашним маршрутом, рассказывал о возможных партизанских постах и дозорах, описывал бойцов, которые остались тогда с ним, председатель с Димкой отправились в деревню за экипировкой. Они вернулись часа через два, нагруженные потрепанными телогрейками, стоптанными кирзовыми сапогами и прочими принадлежностями возможного партизанского туалета. Решили, что Димкина выцветшая ковбойка в дело сгодится, как и грубошерстный свитер Рафа, а Олегу председатель выдал собственную гимнастерку, штопаную-перештопаную, с темными следами споротых погон.

Олег осмотрел ее и отложил в сторону.

— В чем дело? — обиделся председатель. — Не понравилась?

— Не годится, — отрезал Олег. — Какие, к черту, погоны в сорок втором году?

— Ах, беда какая! — перепугался председатель. — Старый дурак. Ну а ты, паренек, прирожденный разведчик.

«Что ж, начало хорошее, — думал Старков. — Олег внимателен и собран, вкус предстоящего приключения не заглушает в нем осторожности. Заметил следы погон, знает, что в сорок втором офицерские знаки различия носились в петлицах».

— Тогда хоть рубашу возьми, — председатель рылся в куче «добра», собранного в его доме и в доме соседа. — Хорошая рубаша, неподозрительная.

Полосатую темно-синюю рубашу Олег одобрил, как одобрил и старые диагоналевые брюки, и солдатские галифе, и невесть как сохранившуюся довоенную кепочку с пуговицей на макушке. Вооружившись бритвой, оглядел всю одежду, спорол фабричные метки, отодрал у сапог куски подкладки, на которой обнаружились чернильные артикулы, отругал председателя за то, что притащил новую простыню на портянки.

— Мы же не одни сутки в пути. Откуда у нас портянки девственной чистоты? В своих пойдем.

Он только ненадолго забыл о своей серьезности, когда нача-

лась примерка обмундирования, хохотал вместе с ребятами над длинным очкариком Рафом, у которого председателивы брюки мешком висели на тощем заду, потом отобрал у него кожаный ремешок, сходил в подсобку, вынес оттуда моток веревки, отрезал на глаз кусок.

— Вереvoчкой подпоясешься. Так похоже будет: свои порты не сохранил, пока из окружения шли, а эти в деревне достал — уж какие были.

Старков вспоминал своих бойцов, думал, что Олег подсознательно держится верной линии. В самом деле, какую одежду они носили в те годы? Своя рвалась и снашивалась, а магазины — увы! — не работали, вот и перебивались чем попало, даже, чего греха таить, с мертвых снимали. Он смотрел на студентов: в общем, ничем особенным они не отличались от тогдашних своих ровесников. Разве что волосы подлиннее — так ведь лес это, ни парикмахерских тебе, даже бани порой не было. За минувший месяц лица их обветрились, руки огрубели от монтажной работы, ссадины на них взбугрились коричневой коркой.

— О вещмешках подумайте, — напомнил председатель.

В вещмешки уложили помятые солдатские кружки, откопанные хозяйственным Димкой в председателском сарае в сундуке, пару обмылков, опасную бритву с обломанной ручкой — одну на троих, каждому по смене стираемых портянок, еще какие-то мелочи, которые могли сохраниться у солдата, крупную соль в тетрадном листке, сахарный песок в чистой тряпице.

— А как быть с документами? — спросил Раф.

И снова Олег опередил Старкова и не ошибся:

— Какие документы? Свой комсомольский билет возьмешь? Когда тебя принимали в комсомол? В шестьдесят восьмом? Нет, старик, документы свои мы зарыли в землю, когда выходили из окружения. Где зарыли — запомнили. А вообще чего мы ждем? Ну-ка вернитесь, комиссар, в сорок второй год. Перед вами три подозрительных типа. Допрашивайте.

Старков усмехнулся: стоит попробовать. Он представил себе землянку в один накат, тусклый язычок копилки, колченогий стол, на котором почти такая же карта, как здесь. Он сидит на низком топчане, с трудом пытается побороть сонливость: двое суток не спал, вымотался. Перед ним трое парней в драных ватниках, усталые, осунувшиеся от долгого перехода лица.

— Кто такие? — спросил он и сам удивился и резкому тону своему, и внезапно охрипшему голосу, как после бессонницы и махры-глуткодерки. И председатель взглянул на него с удивлением, будто услышал что-то знакомое, давно забытое, наглухо забытое в черном провале прошлого.

— Солдаты мы, — быстро ответил Олег. — Вас искали, — улыбнулся счастливо, переступил с ноги на ногу — сесть никто не предложил, сказал вроде бы облегченно: — Вот и нашли...

И покотился допрос по накатанным рельсам, и, похоже, не было ошибок в ответах студентов, хотя отвечал чаще Олег, в котором и Раф и Димка молчаливо признали командира.

— Лады, — сказал наконец Старков, хлопнул ладонями по столу. — Давайте ужинать и спать. Утро вечера не дражнее. Подъем в шесть ноль-ноль.

Утром Олег отказался завтракать и ребятам запретил.

— Мы в отряд должны оголодавшими прийти. Какая в дороге жратва? Вода да хлеб, если пожалеет кто из деревенских. А то нальют нам в вашем отряде похлебки, а мы морду воротить станем. Куда это годится?

Бриться тоже не стали, оделись тщательно, выстроились позади Старкова, севшего у генератора.

Старков щелкнул тумблером автонастройки поля, стрелка на индикаторе напряженности качнулась и поползла вправо.

— Есть поле, — скучным голосом сказал Раф.

Стрелка прочно встала на красной черте.

— Ну, с богом, как говорится, — Старков встал и повернулся к ребятам: — Как связь?

Олег вытащил из кармана пластмассовую коробочку дублиера индикатора. С его помощью в зоне действия временного поля можно было передать сигнал на пульт. Дежурный — сегодня им оставался Старков — принимал сигнал и вырубал питание. Поле в этом случае исчезало, и участники эксперимента благополучно возвращались в свое время. Олег нажал кнопку на дублиере, посмотрел на пульт. Там зажглась лампочка: сигнал принят.

— В порядке.

— Вы это... — председатель почему-то стал заикаться: от волнения, что ли? — не тащите ее в отряд, коробочку вашу. Схороните где-нибудь, а то найдут...

— Знаем, — отмахнулся Олег, спрятал дублер в карман, вскинул на плечо легонький вещмешок. — Тронулись. — И пошел к двери, не оборачиваясь. Ребята за ним, только Раф чуток задержался на пороге, сказал:

— Не волнуйтесь, товарищи. Все будет тип-топ.

Потом, когда они отошли от избышки метров за сто, еще раз оглянувшись, увидел: Старков и председатель стояли у открытой двери, смотрели им вслед. Раф помахал рукой на прощанье, вытер лицо рукавом телогрейки, пошлепал вслед за Олегом и Димкой, уже нырнувшими в мокрые заросли орешника. Ему было почему-то жаль Старкова, а почему — не знал. Да и анализировать, копаться в себе, в жалости своей не хотелось. Не до того было. Они шли по лесу, под ногами хлюпала насквозь пропитанная водой земля, осенняя земля сорок второго года. Где-то далеко отсюда шли бои, фашисты вышли к Волге. Окна старого арбатского дома, где с детства жил Раф и где он еще не успел родиться, были заклеены крест-накрест белыми полосками бумаги. Мать Рафа ушла на дежурство в свою больницу. Отец... Где был отец в это время? Наверно, уже под Сталинградом, командовал взводом. Они еще не познакомились с матерью, это произойдет много позже, после победы, когда отец вернется в Москву, снова поступит на третий курс медицинского института, откуда он ушел на фронт в июне сорок первого года. И было ему тогда всего двадцать. Господи, да Раф, выходит, старше его!

Раф усмехнулся этой внезапной догадке.

«Кому из нас труднее, отец? Тебе — потому что ты сейчас в

Рисунки П. ПАВЛИНОВА

самом пекле войны, и впереди у тебя Сталинград и Курская дуга, потом Варшава, а потом Будапешт, и не знаешь ты ничего о своем будущем, ни о маме, ни обо мне? Или все-таки мне — потому что это не мое время, я чужой в нем, меня просто-напросто нет на свете? Выходит, не чужой. И это мой лес, и моя война, и я тоже не знаю, что впереди будет...»

Олег, обогнавший их, вдруг остановился, огляделся.

— Километра два осталось. Давайте-ка здесь и скроем дублер. Место знакомое, приметное. — Он вытащил коробочку, положил ее в заранее приготовленный полиэтиленовый пакет, сел на корточки, начал копать под раздвоенной березой землю подаренной председателем финкой с пестрой наборной рукояткой.

— Не рано ли? — осторожно спросил Раф. — Если что случится, два километра пилить придется.

— А что случится?

— Мало ли... — пожал плечами Раф.

— Вот что, парни... — Олег бережно опустил в ямку пакет с дублером, сгреб на него мокрую землю, набросал листьев, выпрямился, отряхивая руки. — Мы должны вернуться через двенадцать часов. Это максимальный обусловленный срок, когда шеф вырубит поле. Раньше я возвращаться не намерен. Что бы ни случилось. Есть возражения?

У Рафа, пожалуй, были возражения. Он не любил рисковать вслепую, просто не умел, не приходилось ему рисковать в его короткой двадцатидвухлетней жизни. Он готовился стать физиком-теоретиком, да и был им уже по духу, по призванию, и твердо знал, что всякий эксперимент, тем более опасный, необходимо продумывать до мелочей, предусматривать любые случайности, рассчитывать их и даже планировать наперед. Но то, на что они шли, уже вышло за рамки самого необычного эксперимента. То была жизнь, а жизнь наперед не считаешь. И он не стал возражать Олегу. Сейчас они партизаны, и впереди встреча с людьми, которым, может быть, завтра предстоит бой, тяжелый бой, последний. Стыдно знать о том и трусливо держаться за спасительную коробку дублера: вы, мол, сами по себе, а мы ни при чем, у нас другие задачи. Другие? Нет, Раф, не хитри сам с собой: одни у вас задачи, одни цели. Хотя бы на полсуток. Прав Олег.

И Раф сказал:

— Какие могут быть возражения?

И Димка молча кивнул. А Олег улыбнулся широко и радостно — видно, все-таки ждал возражений! — ухватил друзей в медвежьи объятия, стукнул лбами:

— Молодцы, гаврики.

Он отпустил ребят и снова пошел вперед, уже осторожнее, поглядывая внимательно по сторонам, приглядываясь к каждому дереву, к любому кусту. Сколько раз они здесь ходили? Десятки. И был тот же дождь, и те же продрогшие деревья, и, казалось, ничего в мире не изменилось с тех пор, как Старков включил генератор. Раф даже начал продумывать, что не сработало поле, хотя сам многократно проверял настройку, а себе он верил, внимательности своей верил, скрупулезной точности. Но они шли дальше, и ничего не происходило, никто не высказывал на тропу, не пугал автоматом, не кричал сакраменталь-

ное: «Стой! Кто идет?» Раф совсем успокоился, что-то насвистывать стал, но Олег оборвал его:

— Тише! Не дома...

И вовремя.

Они продрались сквозь кусты, в который раз осыпавшие их холодной дождевой водой, выбрались на поляну и замерли. Перед ними стояли три человека — один в телогрейке, другой — в выгоревшей плащ-палатке, третий — в шинели со споротыми петлицами. Три автомата наперевес, три черных стальных зрачка. Недружелюбные колючие взгляды.

— Ну-ка, ручки... — один из людей качнул автоматом, и Олег медленно поднял руки вверх. Раф и Димка сделали то же. — Проверь их, Севка.

Небритый Севка перебрал автомат за спину, бесцеремонно ощупал карманы, провел по груди, по бедрам ладонями, отобрал вещмешки, по очереди развязал их, заглянул в каждый.

— Вроде пустые, — сказал он, по-волжски окая.

— Куда путь держите? — спросил первый, тот, что в плащ-палатке, не отводя, однако, дуло автомата.

— За грибами, — зло сказал Олег. — Погода, понимаешь, грибная.

Севка хлопнул себя по бокам, захохотал тоненько.

— Масляток им захотелось. Есть маслятки, — вернул автомат на грудь, взял наизготовку. — Только не по вкусу будут, больно горькие масляточки-то.

— Не паясничай, — оборвал его первый. — Возьми их вещмешки. Отведем к комиссару, пусть сам разбирается. Грибники, так вашу... — выругался, сплюнул. — А ну живей! Рук не опускать.

Партизан в шинели пошел впереди, оглядываясь поминутно, а первый с Севкой шли сзади, подталкивали автоматами в спину, и Раф невольно ускорял шаги, потому что был твердо уверен: эти выстрелят, особенно весельчак Севка, который явно не привык раздумывать, предпочитал действовать с налету и преспокойно расстрелял бы пришельцев, если бы не приказ первого. Раф вспомнил: Старков рассказывал о Севке, называл его лихим и бесшабашным парнем, прекрасным боевиком. Он, кажется, из Брянска, детдомовец. А первый — Торопов, так, помнится? Учитель географии. А третий, в шинели? Кто его знает... Может, его Старков и не называл, не вспомнил.

Так они прошли минут пять — молча, с поднятыми руками. Руки с непривычки затекли, Раф попытался украдкой пошевелить ими, но Севка сильно ткнул его автоматом:

— Не балуй.

— Руки устали, — тихо сказал Раф.

— Отдохнешь еще, коли дадут. Недолго осталось.

Осталось и вправду недолго. На огромной лесной поляне стояли телеги, крытые рваным брезентом, поодаль, привязанные к длинной следе, прибитой к двум елям, теснились лошади — шесть или восемь, Раф не успел сосчитать. Из землянки навстречу им вышел партизан в матросском бушлате, увидел неожиданную процессию, остановился:

— Тю-у... Севка шпионов поймал.

— Где комиссар? — спросил его Торопов,

— У себя.

Торопов нырнул в низкий вход в землянку, пробыл там несколько минут, выглянул:

— Давай их сюда. Матвей, постой у входа.

Матвей опустил автомат, поднял воротник шинели, спрятал в него лицо. Севка подтолкнул Олега, пробурчал:

— Пошевеливайтесь. Комиссар ждет.

Нагнув головы, они спустились по земляным ступеням в сырой полумрак землянки. Раф остановился у порога, огляделся. Черные бревна стен, низкий потолок, стол, на столе коптилка, невысокое желтое пламя качнулось в латунном снарядном патроне. За столом на топчане двое. Раф пригляделся. Один — Торопов. Он снял плащ-палатку, остался в цивильном бобриковом пальто, какое, видно, носил еще до войны. Второй — бородатый, в расстегнутой гимнастерке. Жарко ему, видите ли. Комиссар?

— Кто такие? — хрипло спросил комиссар, и Раф вздрогнул. Ждал он этого, все знал, и все-таки странно было услышать в холодной, почти нереальной песенной землянке голос Старкова. Значит, это был именно Старков — неузнаваемый, даже не помолодевший, а какой-то иной, незнакомый. Борода его, пожалуй, старила, но и изменяла начисто. Если бы не голос, Раф ни за что не узнал бы его.

— Кто такие? — повторил комиссар, и Олег быстро ответил:

— Солдаты мы. Вас искали, — улынулся, переступил с ноги на ногу, сказал облегченно: — Вот и нашли...

— Какие солдаты? Откуда?

— Из отряда Якова Лескова. Слышали?

— О Лескове слышал. А к нам зачем?

Олег закусил губу.

— Трое нас осталось, — глухо, сквозь зубы.

— Как это?

— Проще некуда, — в голосе Олега была злость: и на комиссара, задававшего неумные и ненужные вопросы, и на судьбу свою, заставившую пережить гибель отряда. — Нет больше Лескова. Убит капитан. И все убиты! — выкрикнул, даже голос сорвался.

— Ну-ну, — Старков стукнул кулаком по столу, патрон подпрыгнул, пламя мигнуло, закачалось. — Без истерик! Что с отрядом?

— Нет отряда. Выдала какая-то сволочь. Четвертого дня нас окружили у Ивановки, караул сняли, брали спящих, как куропаток. Нас-то и было всего ничего: полсотни бойцов. Все полегли. А мы вот живы...

— Та-ак, — протянул Старков. — Жаль Лескова. Да только не надо ему было самодеятельностью заниматься. Соединился бы с нами. Или с Панкратовым. Полсотни бойцов — не сила.

— А что сила? Армия — сила? Вам легко говорить, вы небось давно партизанили. А мы с Лесковым из окружения шли — не выбрались. Застряли в Ивановке, колхозники к нам присоединились — так хоть воевать начали, а не драпать. Знаете, что значит для нас бить врага? Дорвались мы, понимаете? Капитан собирался идти на соединение к вам, да вот не успел. Говорил: еще одна операция — и баста. За три месяца сколько операций — не сосчитаешь. Аэродромные склады, железнодорожная ветка, четыре взвода карателей. Это как запой...

— Допились...

Олег резко шагнул вперед, схватился за стол, закаменело лицо в свете коптилки, ходили желваки по щекам.

— Слушай, комиссар, или кто ты есть, ты Лескова не суди. Он со своим делом справлялся. Знаешь поговорку: о мертвых или хорошо, или...

— Или. Встань на место! А то тебя Севка пристрелит ненароком. А дело свое Лесков не доделал. На войне погибнуть легче всего. Ты выжить попробуй. Да не на печке схорониться, а на передовой.

— Так нет здесь передовой.

— Есть. Везде, где бой, там и передовая. Ты мне лучше скажи, почему тебя не убили, орел лихой? Сумел выжить?

— Уйти сумел.

— А оружие где потерял?

— Патронов не было. Да и что за оружие — один «шмайсер» на троих. Закопали его по дороге.

— Кто будете?

— Я же говорю: солдаты. Москвичи. Из роты капитана. С самого начала с ним были.

— Москвичи? Студенты или рабочие?

— Студенты. Третий курс физфака.

— Ты смотри: земляки, выходит. А я тоже хотел в МГУ на физфак поступить, да война помешала. Ничего, наверстаю...

Раф смотрел на Старкова и удивлялся: совсем, оказывается, молодой парень казался много старше своих лет и совсем не потому, что борода прибавляла годы. Рассуждал он как взрослый, опытный, много поживший человек. Война его состарила, оборвала юность, заставила стать не по возрасту мудрым. В конце концов, комиссаром его выбрали не за мудрость, а скорее вопреки ей. Потому что именно вопреки ей он и повзрослел не по годам. Все они, мальчишки, ушедшие на фронт со школьной скамьи, сразу перескочили из детства в зрелость, не ждали ее, не звали — она сама к ним пришла. И Раф, и Олег, и Димка уже года на два, на три постарше Старкова. Но на сколько лет он обогнал их? Как считать — год войны за три? За пять? Кто из них смог бы стать комиссаром пусть маленького, в тридцать человек, но все же самостоятельного воинского подразделения? Может быть, только Олег...

Раф и не подозревал в Олеге таких способностей. Честное слово, перед комиссаром стоял не студент физфака, а именно партизан, солдат, усталый от долгого бессонного похода в тылу врага, ожесточенный гибелью товарищей, обозленный недоверием партизан. И Рафу вдруг показалось, что Олег не играет роль, а живет в ней: действительно устал он, ожесточен, обозлен. И все эти чувства не поддельны, не придуманы — выношены и пережиты. Хотя, вероятно, это только казалось Рафу. Просто хорошо развитое воображение, прекрасная память, которую принято называть эйдетической, да плюс желание выглядеть достоверно помогали Олегу в его игре. Все-таки в игре. А иначе получается мистика, фантазмагория какая-то, в которую рациональный реалист Раф никак поверить не мог.

— Документы у вас есть? — спросил Старков, размягченный довоенными воспоминаниями, мечтой, пока не осуществленной. Олег зло усмехнулся.

— Может, тебе паспорт показать? У самого-то документы имеются?

— Имеются, — прищурился Старков. Он снова стал комиссаром, бдительным и строгим.

— А у нас нет. Зарыли мы их, когда из окружения топали.

— Говоришь, солдаты вы? Не из саперов ли?

— Пехота.

— А мне показалось — саперы. Землю копать любите. То оружие зароете, то документы.

— Знаешь, комиссар, — Олег даже рукой с досады махнул, и опять запрыгало в патроне пламя, тени на бревнах пошли в пляс, придавая всей сцене некий мистический колорит, так противный Рафу, — если не веришь, прикажи твоему Севке вывести нас под дождик и шлепнуть по очереди. Тем более что у него такое желание на лице написано.

Старков засмеялся. И Торопов растянул тонкие губы в улыбке. И Севка у стены хохотнул баском. Почему-то смешной сочли они досадливую обреченность Олега.

— Шлепнуть — дело нехитрое, — лениво сказал Старков. — Это успеется. Никуда вы отсюда не денетесь, да и Севка за вами присмотрит. Как, Севка?

— Можно, — подтвердил Севка.

— Вот и присмотри. А там поглядим, что вы за солдаты-партизаны такие... Есть хотите?

Раф вспомнил, что они так и не позавтракали, проглотил слюну и сделал это достаточно громко, потому что Старков опять засмеялся.

— Разносолов не обещаю, а каши дадим. Отведи-ка их, Севка, к Макарычу. И глаз не спускай.

— Будет сделано, — гаркнул Севка, приказал: — Давай пошевеливайся, гвардия, — впрочем, вполне миролюбиво приказал.

4

Каша была с дымом, с горьковатым запахом костра, закопченного котелка, обыкновенная солдатская «кирзуха», необычайно вкусная каша. Они сидели на поваленном березовом стволе, обжигались мисками, дули на ложки, уписывали кашу пополам с дождем.

— Хлебца у нас нема, извините, — сказал Макарыч.

Он сидел напротив на полешке-кругляше, выложил на колени тяжелые руки, склонил по-птичьи голову набок, смотрел жалостливо. Что ему были подозрения комиссара или мрачный взгляд бравого Севки! Он был поваром — по профессии или по партизанской необходимости — и видел перед собой только голодных парней, здоровых ребят, которым не каша нужна, а добрый кус мяса и горбуха с маслом и солью, а ничего такого предложить не мог и мучился оттого.

Городской житель, привередливый гурман Димка в жизни не едал такой странной каши, отвернулся бы от нее в обычное

время, брезгливо поморщился бы, а сейчас ничего, ел, похваливал, поскреб алюминиевой ложкой по миске, спросил вежливо: — Добавки не найдется?

— Как не найдется, — засуетился Макарыч, вскочил со своего полешка, отобрал миску, скрылся в землянке, вынес оттуда полную. — Кушайте на здоровьчко.

«Хорошо, что не завтракали, — подумал Димка, уплетая добавку, — хоть голодны по-настоящему...»

А что понарошку? Да все вокруг, считал Димка. И лес этот, и землянки — партизанские декорации, и толстый добряк Мака-

рыч, и даже герой-удалец Севка — все виделось элементами какой-то странной, но чертовски интересной игры. И бородач Старков — ждал Димка — сейчас выйдет из своей землянки, отклеит фальшивую бороду, улыбнется знакомо, скажет: «Как я вас разыграл? А вы поверили, остолопы».

Вот он и вправду вышел, не застегнув гимнастерку, лишь набросив на плечи короткую шинель, придерживая ее полы руками. Подошел к студентам. Олег встал, вслед за ним поднялись Раф с Димкой, стояли навтыжку, держали миски у пояса, как кивера гусары.

— Садитесь, — кивнул Старков. — Кто из вас в радио разбирается?

Это тоже было из области игры: вопрос Старкова, который мог с закрытыми глазами починить любой радиоприемник или магнитофон, даже в заводскую схему не заглядывал.

— Все, наверно, — пожал плечами Димка.

— Пойдем со мной. — Он повернулся и пошел к себе, не оборачиваясь, уверенный, что приказ будет выполнен.

Димка быстро отдал Макарычу миску с недоеденной кашей, побежал за комиссаром, оглянулся на бегу. Олег смотрел ему вслед, сузил глаза щелками, сжал губы, будто напоминал: не подведи, Дмитрий, не сорвись. Жалел он сейчас, ох как жалел, что не может пойти вместе с Димкой, проконтролировать его действия, а еще лучше — заменить его. Нет, это выглядело бы слишком намеренным, и он остался сидеть на березке, неторопливо зачерпывал кашу, смаковал вроде, на комиссарскую землянку больше и не взглянул.

«Вот и отлично. — с каким-то злорадством подумал Димка. — Тоже командир нашелся. Все сам и сам. А мы — мальчишки на подхвате. Фигушки вам...»

На столе рядом с коптилкой стояла маленькая походная радиостанция с гибкой коленчатой антенной, ротная рация, очень похожая на те, что Димка изучал в институтском кабинете радиодола. Только те были поновее, здорово модифицированные, но принцип-то в общем не изменился за три десятилетия. А в конструкции хорошему физики грешно не разобраться.

— Что стряслось? — спросил хороший физик Димка.

— Трещит, — как-то виновато сказал Старков, и опять Димка поймал себя на мысли, что притворяется он умело, правдиво, даже талантливо, но притворяется он, Старков, для которого такую рацию починить ничего не стоит, раз плюнуть. Но нет, не притворялся комиссар, пока не умел он чинить рации. Все это придет потом, позже, а сейчас Димка знал в тысячу раз больше его.

— Ножичек дайте, — сказал он и тут же мысленно похвалил себя, что не отвертку попросил — ножичек. Действительно, откуда в лесу отвертке взяться? Да и забыл Димка, прочно забыл о ее существовании за полтора года войны, службы в пехоте, боев в партизанском отряде, где именно нож был для него главным и порой единственным техническим инструментом.

Он взял протянутый Старковым складной нож, быстро отвернул заднюю крышку. Так и есть: примитив, ламповая схема на уровне средневековья. А пыли-то, пыли!

— Без пылесоса не обойтись, — машинально произнес он и

ужаснулся, сообразив: Старков еще не мог знать, что такое пылесос. Или знал? Разве вспомнишь, когда у нас появились всякие там «Ракеты» и «Вихри»... Поднял веки, внезапно отяжелевшие, глянул на комиссара: тот улыбался.

— Хорошая, должно быть, штука. Пы-ле-сос, — смакуя слово, по слогам произнес он. — Кончится война, наладим производство, будет тогда чем радиоприемники чистить.

Эта нехитрая шутка почему-то развеселила Димку, он засмеялся, уткнув нос в несвежие внутренности рации, подумал, что далеко еще, ох далеко юному комиссару Старкову до мудрого и остроумного профессора Старкова. Это поначалу он показался им взрослым и опытным. А на деле — мальчишка, который и видеть-то ничего не видел, и кругозор неширок, и знания небогаты. Все это придет, но потом, позже, и удивит он ученый мир своей теорией обратного времени, а пока до физического факультета почти три года войны.

Димка копался в рации, изредка поглядывал на Старкова.

Тот сидел на углу топчана, что-то писал в потрепанную тетрадь огрызком карандаша. Димка знал, что он пишет. Шеф как-то говорил им, что в годы войны самым близким собеседником для него был дневник. Начал он его вести как раз в отряде, таскал в вещмешке «сквозь боевые бури», как он сам выражался, прикрывая смущение высокопарной фразой. А чего смущаться? Был бы Димка поусидчивее, тоже вел бы дневник. Хотя о чем ему писать? Как сессию сдавал? Как в Карелию в турпоход ездил? Как жег спину на сочинском пляже? Скукота, обыденность! А по старковским запискам какой-нибудь историк вполне мог бы диссертацию сочинить. Олег вон предлагал шефу отнести дневники в журнал — в «Смену» или в «Юность». С руками оторвут. А шеф смеялся: рано, дескать, мемуары публиковать, еще пожить не успел, главного не сделал.

Димка не вытерпел, поднял голову:

— Дневник ведете?

— Вроде того, — Старков отложил блокнот, посмотрел удивленно. — Как ты догадался?

Догадался... Сказать бы ему, что не догадался вовсе, а знал точно. Как он на то среагирует? Нет. Димка, держи язык за зубами, бери пример с Олега, с великого конспиратора, не трепись попусту — не в университете сидишь. Это все-таки Старков, самый что ни на есть настоящий, и не делай скидок на его молодость, на неопытность в общении с изворотливыми студиями семидесятых годов. Характер-то у него старковский. Честно говоря, не сахар характерец, пальца в рот не клади.

— Глаз у вас был какой-то нездешний, — сказал Димка. — С таким глазом ни приказы, ни листовки не сочиняют. Вот письма, если? Письма еще такого глаза требуют...

Сказал он так в шутку, а Старков помрачнел, насупился.

— Некуда мне письма писать. Мать перед войной умерла, а отца я не помню.

И это знал Димка, рассказывал им Старков о своем детстве, о матери, не дожившей до июня сорок первого всего двух месяцев, об отце, убитом кулаками в суровые годы коллективизации. Знал, да не вспомнил, ляпнул бестактно. Правильно Раф говорит, что язык у Димки на полкорпуса любую мысль опережает.

— Извини, друг, — пробормотал Димка, даже не заметил, что обратился к Старкову на «ты». Как-то само собой вырвалось, но и выглядело это естественно, потому что война всегда нивелирует возраст. Да и чего здесь было нивелировать, если разница в годах между ними года три всего, никакая это не разница, даже война тут ни при чем.

— Чего там... — протянул Старков и вдруг спросил: — Ты своих товарищей давно знаешь?

— Давно, — сказал Димка. — Учились вместе.

— И этого здорового? Как его?..

— Олег. С ним тоже с первого курса.

— А потом?

Правда кончилась. Начиналось зыбкое болото легенды.

— Что потом? Военкомат. Фронт. Окружение. Отряд, — он повторял придуманные Олегом этапы их биографии, повторял с неохотой не потому, что боялся выдать себя незнанием, неточностью какой-нибудь, а потому что не хотелось ему врать Старкову. Честно говоря, идея эксперимента была Димке не очень-то по душе. С какой радостью сейчас он рассказывал бы комиссару об университете, о студенческих турнирах КВН, о Старкове бы рассказал — каким он станет через тридцать с лихом лет, о его теории, о председателе, который в одном «сегодня» увел отряд в неведомое Черноборье, а в другом — сидит в лесниковой избушке, мается, наверно, неизвестностью, клянет шефа почем зря: на кой черт отправил сосунков под фашистские пули.

А сосунки тоже маются от той же неизвестности, и, может быть, только супермен Олег ждет этих пуль, надеется, что удастся ему проявить себя в настоящем деле, в мужском занятии. А физика, видите ли, не настоящее дело. Там, видите ли, никакого риска не наблюдается. Так и шел бы в военное училище, куда-нибудь в десантники, рисковал бы себе на здоровье и Отечеству на пользу. Хотя он и в физике умудрился найти самую рискованную тропку, помог ему Старков со своим генератором...

Димка поймал себя на том, что не совмещает он в собственном представлении Старкова-партизана и Старкова-ученого. Не может он себе представить, что это есть один и тот же человек. И не хочет представить. Воображения не хватает, сказал бы Олег. Да не в воображении суть, мил человек Олеженька, воображения у Димки хоть отбавляй. А суть в том, что разные они люди — партизан и ученый. Фамилия у них одна, верно. И биографии сходятся. Даже отпечатки пальцев совпадут — линия в линию. Так что же, возраст мешает, пресловутые тридцать лет? Мешает возраст, спору нет. Но главное — и Димка был твердо в том уверен — характеры у них неодинаковые. Партизан Старков казался мягче, спокойнее, не выделялась в нем нервная ожесточенность Старкова — физика, сильного человека, фанатика найденной им идеи.

Сейчас Димка ощущал некое превосходство над комиссаром, которое ни на миг не появлялось в отношениях с профессором. Профессор для Димки был богом, добрым и всемогущим богом из древнегреческой мифологии, где, как известно, боги прекрасно уживались с простыми смертными, делали подчас одно дело, но все же оставались богами — малопонятными и прекрасными,

Димка ничуть не стеснялся своего преклонения перед профессором, даже гордился этим чувством, выставлял его напоказ. А комиссар был ровней ему — никакой не бог. Димка удивлялся, за что партизаны выбрали комиссаром Старкова. Не Торопова, например, который и постарше был и опытнее, а именно Старкова — в его щенячьи девятнадцать лет.

Удивляться-то Димка удивлялся, но предполагать мог: за характер и выбрали. Как раз за тот самый старковский характер, которого не мог пока углядеть в комиссаре Димка. И сила, и фанатизм — в добром смысле слова, — и жесточенность, и воля, и решительность — все, вероятно, было у комиссара. Просто качества эти проявлялись в деле. В том деле, каким занимался Старков, какому был предан до конца.

Димка знал физика. А перед ним в полутемной землянке сидел партизан, боец, которого Димка впервые видел. И с делом его знаком не был. Но никакой мистики не существует, Димка, и партизан и ученый — один и тот же человек, пусть сей факт и не укладывается в твоём сознании. А ты бы смог представить комиссаром твоего Старкова? Димка усмехнулся: да он и так комиссар, чье слово — закон для студента. То-то и оно...

Но неразумные чувства противились строгой и точной логике. Димка аккуратно зачищал ножом контакты у лампы, поглядывал на Старкова, видел все того же парня, ровесника, которого и борода не спасала, и завидовал ему смертельно. «Ты ужасно легкомысленный», — говорила Димке мама. «Трепло ты великое», — осуждал его Раф, беззлобно, впрочем, осуждал, не без симпатии. А сам Старков подводил итог: «Быть бы тебе великим ученым, если бы не твоя несобранность».

Все они были собранные, серьезные, деловые. А Димка — нет. И он завидовал сейчас мальчишке Старкову, потому что все-таки тот стал комиссаром, проявив все вышеперечисленные прекрасные качества, которые Димка в нем не признавал.

— Ну вот и все. — Димка привинтил крышку, повернул тумблер. Рация запищала, пошел грозовой фон. — Работает.

— Спасибо, — сказал Старков, протянул руку.

Пожатие было сильным, Димка поморщился, потер ладонь.

— Я пойду?

— Валяй. — Старков уже не смотрел на него, уселся перед рацией, прижал к уху эбонитовую чашку наушника, крутил ручку настройки.

Димка стал лишним. Ну что ж, он мальчик воспитанный, мешать не станет. Поднялся по земляным ступенькам, вдохнул холодный воздух, сощурился.

«Дождик-дождик, перестань, — закрутилась в голове детская считалочка, — мы поедem... Куда? Далеко не уедешь: вон Севка с автоматом сидит. А что, если остаться?».

А что, если остаться здесь, со Старковым, пройти с ним до конца войны, до Победы, поступить на физфак в МГУ, разработать вместе теорию обратного времени? Дурацкая мысль, — подумал Димка. — Как останешься, когда в Москве — привычные жизнь, мама, девчонки, диплом на носу. И главное, через полсуток Старков из будущего вырубит поле, и Старков из прошлого канет в прошлое. Без Димки. Вздор, вздор, будь реалистом, Дмитрий, не распускай слюни».

Он медленно пошел к землянке Макарыча. Сам Макарыч азартно резался в «дурака» с Олегом, с размаху шлепал на расстеленную прямо на земле плащ-палатку засаленные рваные картишки. Олег курил козью ножку — как свернуть сумел? — явно выигрывал, Севка с любопытством наблюдал за игрой. Рафа не было: видно, в землянку залез. Димка подошел, сел тихонечко на бревно. Он уже не ощущал того пьянящего азарта, с которым начал путешествие во времени. Неизвестно, почему пришла тоска — холодная и тусклая, как этот день.

— А где все? — спросил он у Севки.

— Кто?

— Ну, партизаны.

Севка смотрел на него с подозрением, недружелюбно.

— Где надо, там и располагаются, — мрачно сказал он.

— Дурак ты, Севка, — в сердцах ругнулся Димка. — С бдительностью перебарщиваешь. Кому я доносить пойду?

— Кто тебя знает? — хитренько улыбаясь, протянул Севка. — А за дурака можно и схлопотать.

— От тебя, что ли?

— А чем я плох? — Севка встал.

Димка тоже вскочил, но Олег, не глядя, поймал его за руку, потянул на место.

— Сядь, — приказал он, именно приказал, бросил карты на брезент. — И ты уймись, — это уже Севке. — Сейчас только драки не хватало. Своих бить будем?

— Знать бы, что своих, — буркнул Севка, однако сел, поставил автомат между ног, оперся подбородком о дуло.

— Придет время — убедишься.

Олег явно надеялся на то, что время это придет и что докажет он глупому Севке всю бессмысленность его подозрений. А впрочем, плевать ему было на Севку и на подозрения его плевать. Он просто ждал боя. Боя, ради которого он и пошел сюда.

И дождался.

Где-то совсем рядом послышался топот копыт. Макарыч поднял голову, прислушался. Севка снова встал, взял автомат наизготовку.

— Рытов, что ли? — спросил он.

— Кто же еще? — сердито сказал Макарыч. — Видать, стряслось что. Ишь гонит. Весь лес переполошил.

На поляну влетел всадник, осадил коня, спрыгнул на землю, побежал к землянке Старкова.

— Чего там. Рытов? — окликнул его Севка.

А Рытов только рукой махнул, нырнул в землянку. Брошенный им конь зафыркал, затряс головой, пошел к коновязи. Привязанные к слеге лошади заволновались, переступая с ноги на ногу, дергали поводья.

Из землянки выбежал Старков, Рытов за ним.

— Севка, — крикнул Старков, — подымай людей! Немцы!

Он спустился в соседнюю землянку, а из леса уже бежали люди — по двое, с разных сторон, с автоматами, с карабинами, кто-то даже с дробовиком.

«Вот и началось», — облегченно подумал Олег.

Да, он ждал боя, Димка не ошибся. Этим боем он и жил последний месяц, ездил в райцентр, сидел в музее, корпел над архивными папками, над запыленными папками с казенными титулами «Дело №...», хранившими пожелтевшие документы — письма, копии наградных листов, приказы, листовки, писанные от руки воспоминания, писанные корявым почерком, с ошибками и описками, писанные людьми, для кого автомат и граната были много привычнее авторучки или карандаша.

Что он хотел от этого — пока предполагаемого — боя? Славы? Но перед кем? Перед бойцами отряда, которые проживут с Олегом только полсутки, мимолетные двенадцать часов, забудут его напрочь, и славу его лихую и зыбкую забудут — те, кто выживет. Нет, не славы он искал, не гнался за ней, а если и мечтал о славе, то не о военной. Он был физиком, настоящим физиком вопреки сомнениям Димки, и слава талантливого ученого привлекала его значительно больше любой другой мирской славы. Если, впрочем, привлекала. Так мог подумать кто угодно — Димка, Старков, приятели по факультету, но не он. Сам он не слишком часто вспоминал о ней.

И не самоутверждения хотел он. Уж чего-чего, а всякими там комплексами Олег не страдал. Что умел, то умел, а умел немало. А коли не получалось что-то, знаний не хватало или опыта, то не мучился от бессилия, не страдал, не опускал рук, а раз за разом повторял это «что-то», пока не говорил себе: могу! И точка. А комплексы — для слюнтяев и лодырей. Как там у классика: талант — это терпение. Внесем поправку: и терпение тоже. Потому что, как считал Олег, талант суть сумма качеств, данных природой и скорректированных личностью. Итак, он был личностью, а личность не нуждается в самоутверждении.

И остается предположить единственное: бой, которого Олег ждал с великим нетерпением, был ему нужен... просто так. Как этап в биографии, какого могло и не быть — семьдесятые годы на дворе! — но раз случился, то мимо пройти нельзя.

Риск — вот что любил Олег. Ту самую зыбкую грань, за которой неизвестность, а значит, опасность. Опасность провала, просчета, неудачи. Опасность для жизни, наконец. Но зато победа в обстоятельствах, неподвластных прогнозам, вдвойне, втройне сладка. А если ты ее рассчитал — свою победу, — запрограммировал, заранее выстроил, то цена ей невелика. Скучно. Книжный человек Раф цитировал как-то стих о «езде в незнаемое». Так себе стишок, рукоделье на подушку. Но запомнилась Олегу одна строка: «Не каждый приедет туда, в незнаемое». Верно, не каждый. А Олег приедет. Должен приехать. Ради этого стоит жить. Он и к Старкову пошел, потому что вся его теория обратного времени — езда в незнаемое. Старков — это сила, считал Олег. И если не молился на него, как восторженный Димка, то уважал его безоглядно. Как и должен уважать талантливый ученик талантливого учителя. Старков тоже любил риск. В конце концов, вся его жизнь была риском. Начиная с сорок первого военного года, когда он мальчишкой пришел в партизанский отряд. Тем самым бородатым мальчишкой, который сейчас собрал на поле невеликий личный состав отряда. В отличие от Димки Олег не делил Старкова пополам: на партизана и физика. Олег чуждался подсознательных эмоций, обуревавших приятеля, и относился к комиссару с той же ученической почтительностью, как и к профессору. Что ему было до молодости комиссара! Он твердо верил: зелень узнают не по возрасту, а по цвету. Он и на собственный возраст скидок не делал.

...Они втроем по-прежнему сидели на мокром бревне, смотрели на неровный разномастный строй бойцов на поляне, прислушивались к тому, что говорил Старков. Слышно было плохо: комиссар говорил тихо-тихо, и слова его гасли в монотонном шуршании дождя.

— ...обойдется... на рожон не лезть... предупредить... — даже не целые фразы, а отдельные слова доносились.

Олег сам складывал из них предложения. Получалось так: все обойдется, не стоит лезть на рожон, необходимо предупредить жителей деревни. Что ж, если Олег верно понял Старкова, тот не рвался первым вступать в бой, выбрал политику выживания. Верное решение. Сил у отряда мало, главная задача — сохранить обоз и помочь деревне. Если гитлеровцы не собираются идти к ней, пройдут мимо, то и бог с ними. Другое дело, если это те самые каратели, которые существовали в действительном — не моделированном — сорок втором году. Олег спрашивал Старкова о точном дне сражения. Тот не помнил даты. Не мудрено: в те дни о календаре некогда было вспоминать. Но все события, все грустные перипетии сражения Олег со слов Старкова знал назубок. И все могло повториться, как тогда. Дополнительным фактором было присутствие здесь их самих — гостей из будущего. Тем самым дополнительным фактором, который перечеркивал всю запрограммированность событий, столь ненавистную Олегу. И хотя Старков строго-настрого приказал им ни во что не вмешиваться, Олег скептически отнесся к приказу. Что ж, по-вашему, сидеть сложа руки, с холодным любопытством наблюдать за тем, как убивают людей, не помочь им? Ну нет, фигушки!

Олег встал, нарочито лениво, медленно пошел к комиссару. Тот закончил инструктаж, и партизаны разошлись. Пятеро из них, забрав автоматы, ушли в лес, видимо на разведку. Остальные разбрелись по поляне, томясь ожиданием, собирались малыми группками, курили, с любопытством поглядывали на незнакомцев. Кто-то — заметил Олег — уже подошел к Рафу с Димкой, сел рядом, завел разговор.

— Что случилось, комиссар? — спросил Олег Старкова. — Может, поделишься всеведением?

— Отчего бы нет? — Старков будто впервые видел Олега, осматривал его с головы до ног, изучал, что-то прикидывал в уме. — Наша разведка обнаружила фашистов километров в четырех отсюда.

— Много ли?

— Девять человек в пешей цепи. Идут осторожно, высматривают. Похоже, дозор.

— А основные силы?

Старков пожал плечами.

— Не видно. Где-то позади. Гитлеровцы не рискуют ходить по лесу малым числом.

— Вас ищут?

— Сдается, что так и есть.

— Они знают о вашем местоположении?

— Точно — вряд ли. Ориентировочно — наверняка.

— Примешь бой, комиссар?

— Не хотелось бы... Сколько их там? А нас три десятка.

— Плюс три единицы.

— Себя считаешь?

— А ты не считаешь?

— С устным счетом не в ладах.

— Не прибедайся, ксмиссар. Не до красивых слов, а скажу: рассчитывай на нас. Да и сами мы прохладиться не станем. Приставишь Севку, скрутим его — и в бой. Ты проверить нас хотел, комиссар? Так вот она, проверка, куда точнее.

Олег напирал, видел, что Старков готов отступить: три лишних человека ох как не помешают.

— Не дрейфь, комиссар. Ты нас всегда кокнуть успеешь, ежели не по-твоему будет.

— Вы без оружия, — отступал Старков, — а у нас лишнего нет.

— А бой на что? Добудем.

— Ладно, посмотрим, — вроде бы сдался Старков. — Будете при мне.

— Есть! — гаркнул Олег, даже Раф с Димкой услышали, глянули на него: что он там задумал?

— Ждите команды, — сказал Старков, пошел к землянке, куда уже скрылся Торопов.

Да только не сдался Старков, Олег же понимал прекрасно. Сыграл этакую неуверенность, мучительные колебания, а на самом деле все давно решил. Бессмысленно оставлять пришельцев под чьим-то присмотром, даже под самым строжайшим глазом.

Бой и вправду лучшая проверка. Если друг, его помощь пригодится. А врэг — так в бою партизанская пуля достанет.

Олег уселся на бревно рядом с друзьями, сказал им:

— Уломал комиссара.

— Поверил? — спросил Раф.

— Поверить не поверил, а проверить решил.

— Бой всех проверит, — сказал партизан, сидевший напротив. Это он давеча прискакал на поляну с вестью о немцах.

Парень лет девятнадцати-двадцати, черный, цыганистый, даже с медной серьгой в ухе, буравил Олега взглядом, а глаза тоже черные, непрозрачные, колючие глаза. Улыбался в сто зубов.

— Дело говоришь, — поддакнул ему Олег. — Звать как?

— Василием нарекли. А по фамилии Рытов.

— Сам-то откуда?

— Степь мне матушка. Эх и приволье там!.. А туточки тесно, душно... — Он передернулся.

Что-то наигранное было в его поведении, искусственное. И голос с надрывом, с ноткой истерики, и банальщина насчет степи-матушки, и мимика третьесортного актера из провинции, и серьга в ухе. Олег сказал зло:

— Не задохнешься в лесу?

— Терплю, из сил выбиваюсь. А ты, громила, не шути шутики с Васенькой, обжечься можно.

— Ладно, поберегусь, — отмахнулся Олег, подумал: что-то все здесь на ссору набиваются. И рыжий Севка, и Васенька этот, лицедей липовый. Севка — тот хоть естественный, вся его задиристость от молодости да глупости, от избытка сил молодечьих. А этот хитер, себе на уме. Старков ничего не говорил о нем. Может, забыл? Он всех и не назвал, не вспомнил. Мудрено ли: сколько времени утекло! Да и остались тогда с обозом под началом Старкова люди случайные. Не сам он их выбирал из двухсот с лишним бойцов отряда Петровича. А сродниться не успел: и пяти дней вместе не прожили. Так что на многих самим придется характеристики составлять и Старкову подсказывать. На Рытова, к примеру...

— Карабинчик бы сюда, — мечтательно протянул Димка, представил, видать, старковский карабин, зажмурился.

— А что ж это вы безоружными по лесу шастаете? — съехидничал Рытов. — Аль посеяли где?

— Тебя не спросили, — огрызнулся Димка.

И снова Олег вмешался.

— Не только по лесу шли, в деревни заходили. С оружием опасно. Зарыли мы его.

Не хотел он ссор и скандалов, избегал их, сторонился — не к месту они, не ко времени. В другой раз не стал бы церемониться с поднатчиком, показал бы ему пару приемов самбо, а сейчас не стоило. И не потому, что любая грызня или — не дай бог! — драка осложнили бы их пребывание в отряде. Не это главное, хотя и это со счетов сбрасывать не годится. Олег понимал, что любое происшествие внутри отряда может лишить его сплоченности, организованности, взорвать и без того напряженную атмосферу. Тут искры малой достаточно. Да еще накануне боя! Нет, лучше смолчать, смириться, пусть Рытов задирается, еще зачтется ему.

— А оружие мы достанем, — успокоил Димку Олег. — У немцев автоматы неплохие, хотя и не сравнить их со шпакинскими. Кучности нет, а убойная сила — не придиришься.

— Может, без стрельбы обойдемся? — спросил Раф.

Ах, как не хотелось ему стрелять, тяготила его предстоящая схватка, никогда не любил он ни драк, ни боев, даже фильмы про войну не смотрел.

— Будем надеяться, — сказал Олег.

И Рытов не вмешался, не вякнул чего-нибудь про трусость, потому что сам понимал опасность, чуял ее. Не для себя опасность — для отряда, для трех десятков не шибко вооруженных людей, для вовсе безоружных и незащищенных жителей деревни.

— Давно партизанишь? — миролюбиво спросил Олег.

Рытов сощурился, грязной ладонью потер грудь под расстегнутым воротом рубахи. Блеснула под пальцами цепочка.

— Третий месяц на исходе.

— А раньше?

— Бродяжил по тылам у фашистских гадов. Сыпал им солюшку на хвост.

— И много насыпал?

— Курочка по зернышку... Где дом подожгу, где черепушку камнем прошибу, где вещички «помою»...

— Цепочку тоже «помыл»?

Рытов помрачнел, запахнул ворот, зажал его в кулаке.

— Не суй нос куда не след. Материна цепочка.

— А мать где?

— Нету матери... — Он отвернулся. Видно было, как натянулась кожа на скулах, заплывали желваки. Проговорил глухо: — Убили ее. Год с того прошел. Она шла, никого не трогала, а они на машине мимо, полоснули очередью... Просто так, от нечего делать. Я ее у дороги и похоронил... — Он повернул к Олегу искаженное яростью лицо. — Знаешь, как я их ненавижу?

— Знаю, — сказал Олег.

Он смотрел на Рытова и думал, что ошибся, вероятно, в парне. Вся его опереточная «цыганистость» — только поза, не слишком убедительная игра во взрослого, много повидавшего человека, за которой — изломанная войной судьба мальчишки, кутенка, чужа, потерявшего мать, бездомного, вечно голодного, ожесточенного, злого.

— Сколько тебе лет?

— Девятнадцать стукнуло...

Девятнадцатилетний комиссар, девятнадцатилетний боец. Война не смотрит в метрики, не отдает предпочтения мудрости и опыту, не разбирает, где отцы, а где дети. Она берет за шиворот вчерашнего школьника, швыряет в водоворот событий — плыви. И надо плыть, надо выплыть, не сдаться, преодолеть свою беспомощность, неумелость, слабость. И придет мудрость и опытность, потому что руководит таким мальчишкой всемогущее чувство ненависти, которую по справедливости назвали святой. Именно оно руководило мальчишкой Кошевым и мальчишкой Матросовым, мальчишкой Гастелло и совсем юным Ваней Солнцевым, чьи имена еще неизвестны их ровесникам, сражающимся на фронте, в подполье, в партизанских отрядах. Чувство ненависти и чувство любви. Любви к Родине, к матери, к дому своему. Ненависти к врагам, посягнувшим на эту любовь.

Девятнадцать лет... Честно говоря, Олег дал бы Рытову побольше года на три-четыре.

— Погибнуть не страшно? Ты же не жил еще...

Тот зыркнул глазом, будто ожег.

— Погибать не собираюсь. Еще поплясать охота, на гитаре струны поласкать. Да чтоб под конем степь простыней стлалась.

Опять театр. «Ромэн» или оперетта? Да пусть играет, нет в том худа. Как там в песне: «Не хочется думать о смерти, поверь мне, в семнадцать мальчишеских лет». В эти годы и вправду петь хочется, танцевать, любить. А он не допел, не долюбил — не успел, не научился. Успеет?

Где-то вдалеке раздалась короткая автоматная очередь, словно рванули полотно, пополам разорвали. Василий вскочил.

— Наши?

Смолк автомат, и снова пришла тишина — напряженная тишина ожидания. Из леса вышли двое партизан, высланных Старковым в дозор. Старков пошел им навстречу, перекинулся парой слов, обернулся:

— Отряд, в ружье!

Быстро и бесшумно выстроились в короткую колонну, потекли в мокрый лес. Димка, Раф и Олег пристроились в хвост. Случайно или нет — сзади них шли Торопов с Севкой, шли замыкающими.

6

— Что он хочет делать? — спросил Димка Олега.

— Кто? — не понял Олег.

— Наш милый шеф.

Привычное определение и здесь не стало натянутым: Старков оставался их шефом, только в новой — партизанской — ипостаси.

— Полагаю, уводит людей.

— Куда?

— Не куда, а откуда. От немцев уводит.

— А деревня, значит, побоку?

Олег пожал плечами.

— Не думаю. Непохоже это на Старкова.

— Ты бы спросил...

— Считаешь, что он мне скажет? — огрызнулся Олег, но все-таки вышел из строя, стал пробираться вперед, к Старкову.

— Эй, куда? — взволновался Севка.

— По ягоды, — бросил Олег, не оборачиваясь.

Севка рванулся за ним, но Раф поймал его за рукав.

— Да не суетись ты! К комиссару он...

Севка выдернул рукав, вернулся в строй, шел позади, что-то ворчал под нос — недоволен был самостоятельностью Олега.

Олег догнал Старкова, пристроился рядом.

— Может, поделишься планами, комиссар?

Старков шел, втянув голову в поднятый воротник шинели, смотрел на мокрые, обшарпанные носы своих сапог, помалкивал. Олег не повторил вопроса, ждал.

— Какие там планы... — Старков по-прежнему не поднимал лица. — Поживем — увидим,

Темнит комиссар, не хочет делиться с посторонним военной тайной. Да какой тайной? Через полчаса-час все тайны станут явью и для своих и для посторонних. Что задумал Старков? Олег мог предположить, что комиссар пошел на какой-то отвлекающий маневр, хотел отвести гитлеровцев от деревни, принять их удар на себя. А если не деревня цель карательного отряда? Если эта цель — сама партизанская база? Все это можно было бы решить точно, если знать численность атакующих. Для деревни хватило бы и взвода. Для базы необходима рота, если не больше.

— Увидеть-то мы увидим, — сказал Олег. — Боюсь, как бы поздно не было. Не надо играть в прятки, комиссар, не в школьном дворе войну организуем. Ум хорошо, а веча умнее.

Старков хмыкнул, оторвался от изучения собственных сапог.

— А я на отсутствие умов не жалуюсь. Вон у меня их сколько, — кивнул назад, где неторопливо тянулась колонна отряда.

— Со всеми посоветовался?

— С кем надо.

— Может, и я пригожусь?

— Попробуй.

— Фашистов много?

— Хватает. На каждого из нас по трое выйдет.

Олег присвистнул.

— Ого! Выходит, рота?

— Выходит. Три бронетранспортера.

— Автоматчики?

— Если бы только! Еще и пулеметов пять стволов.

— Сдается мне, что не в деревню они направляются.

— Вот-вот. Их наш отряд интересует.

— Видимо, весь отряд, а не твой взвод охранения.

— Верно.

— И они не знают, что отряда нет.

— Логично мыслишь, товарищ, — не без издевки сказал Старков. — А я добавлю к твоей логике: тот, кто навел на нас фашистов, не знал, что отряд ушел к Черному бору.

— Подозреваешь кого?

— Тебя вот подозреваю. Ты тоже не знал об этом.

Олег засмеялся. Искренне засмеялся, без натянутости. Его забавлял и этот разговор, и сердитая недоверчивость Старкова, хотя он и понимал его, прекрасно понимал, сам на его месте точно так же подозревал бы чужака.

— Ладно, комиссар, допустим, я шпион. Тогда на кой черт мне идти в лес, рисковать, нарываться на твою пулю, если за мной — рота со взводом пулеметчиков. А я вот он весь, да еще с двумя «провокаторами». Какой смысл в том, а, комиссар?

— Смысла особого нет, — осторожно сказал Старков.

— То-то и оно. Хочешь совет? Наплюй на свои подозрения. Оставь людей здесь: место вроде подходящее, густое место, не три десятка — три сотни укроешь. А мы с тобой да еще с учителем или с Рытовым прогуляемся до немцев. Поглядим, куда они намылились.

Старков оглянулся. Люди шли один за другим почти вплотную, без уставных интервалов, шли молча — слишком велико

было напряжение. «Два наихудших занятия: ждать и догонять», — вспомнил Олег. А тут не просто ждешь — ждешь опасность, может быть, смерть. Куда хуже!

Старков поднял руку. Колонна остановилась. Партизаны подтягивались к своему комиссару, вытирали мокрые лица рукавами телогреек, пальто, шинелей, просто ладонями, ждали.

— Передохнем малость, — сказал Старков. — Не курить, громко не разговаривать, оружие из рук не выпускать. Старший — Рытов. Мы с ним, — он указал на Олега, — пойдем на разведку.

Олег поймал Димкин взгляд, в котором удивление, нетерпение, обида. Кивнул легонько, едва заметно пожал плечами: мол, не я так решил, потерпите, ребята.

— Немцы километрах в трех отсюда, — негромко произнес Рытов, глядя куда-то вбок. Ему не хотелось оставаться старшим в группе, бездействовать, выжидать. Он не понимал, почему комиссар предпочел взять в разведку не его — аса, опытного бойца, а неизвестного сомнительного парня. Сомнительного во всем: и возник невесть откуда, и кто такой — неясно, и каков в бою — никто не знает.

Но Старков не собирался давать объяснения по этому поводу. Он просто сунул руки в карманы и пошел, не оборачиваясь, даже не усомнившись в том, что его приказ может быть нарушен. И Олег подхватился за ним, и Торопов закинул автомат за спину, следом пошел. И только успел сказать Рытов:

— Будь осторожным, комиссар...

Кого он наказывал сторожиться — немцев? Олега?..

До немцев они дошли довольно быстро. Три бронетранспортера, негромко урча, легко катили по грязной, податливой, но никак не развезженной лесной дороге. Сзади колея в колею полз крытый брезентом грузовик. Из-под брезента над бортами устрашающе торчали тупые дула пулеметов. Впереди процессии, то и дело оскользаясь на мокрой глине, шли трое черномундирных солдат — автоматы наизготовку.

Старков присел на корточки за кустами, осторожно раздвинул ветки, поморщился от холодных капель, осыпавшихся на лицо.

— Уверенно идут, — сквозь зубы проговорил он.

— Вроде в деревню... — Торопов присел рядом.

— Эта дорога ведет в деревню? — спросил Олег.

— Ага, — Старков, не отрываясь, смотрел на машины.

— А к базе так не попасть?

— Метров через восемьсот в лес уйдет тропка, — сказал Торопов. — По ней и к базе можно прийти. Только тропка та в кустах скрыта, ее знать надо. Да и не пройдут по ней машины, пешком придется.

— Спешатся. — Олег пригляделся: идущий впереди солдат все время заглядывал в планшет. — Карта у него там, что ли?

— Нет, не карта... — Торопов сощурил глаза. — Похоже, кроки. Видишь: он то в планшет глянет, то по сторонам. Свиряет ориентиры. Значит, какая-то сволочь им кроки сняла...

— Знать бы какая... — протянул со злостью Старков.

— Живы будем — узнаем. — Торопов легонько хлопнул ко-

миссара по плечу. — Двинулись. Только тихо. — Чуть пригнувшись, пошел вперед, бесшумно ступая в своих, казалось бы, грубых кирзовых бусах.

«Лесной житель, — подумал Олег, пробираясь за ним. — Пожилой сельский учитель географии, который лучше всего знал географию окрестностей своего села, каждую тропу здесь знал, каждый куст, сызмальства привык ступать по лесу так, чтобы не потревожить зверье, не спугнуть птицу неверным шагом, хрустом нечаянно сломанной ветки. Интересно: охотник ли он? Или носил до войны ружьишко по лесу так просто, на всякий случай, не снимал с плеча, жалел живность? Лет через двадцать он наверняка станет приверженцем модной с конца пятидесятых годов фотоохоты, накопит на дорогое фоторужье, украсит стены школьного класса самодельными наглядными пособиями на фотобумаге. Если останется жив... Как он точно сказал: живы будем — узнаем».

В рассказанном Старковым варианте прошлого Торопов погибал. Олег мало верил в то, что их вариант будет сильно отличаться от старковского. Но немногословный мягкий Торопов был ему симпатичен, и он упорно гнал от себя мысль, что прошлое повторится и учитель все же погибнет. Впрочем, Олег надеялся, что сумеет сам присмотреть за ним, отвести его от пули. Жаль только, что не спросили у шефа подробности гибели каждого...

— Стоп, — неожиданно прошептал учитель, замер, прислушиваясь.

И будто по его знаку, остановились на дороге машины. Солдат с планшетом убеждал спутников, тыча то в кроки, то в сторону леса.

— Там как раз тропа начало берет, — Торопов вытянул худую шею, смотрел во все глаза на дорогу.

Из бронетранспортеров по-прежнему никто не вылезал. Трое солдат долго о чем-то препирались, потом один из них почему-то на цыпочках двинулся к сосне, оставшиеся вскинули автоматы, готовясь прикрыть его огнем в случае чего.

— Эх, полоснуть бы по ним... — мечтательно сказал Олег, поймал злой взгляд Старкова, стушевался. — Сам знаю, что нельзя, не вчера родился.

Посланный «на закланье» солдат раздвинул ветки орешника, заглянул в чашу, скрылся на минуту, потом выглянул на дорогу, гаркнул:

— Хир!

— Нашел, гад, — выругался учитель. — Точно им кроки составили.

Солдат выскочил из леса, неуклюже переваливаясь, побежал к переднему бронетранспортеру, взобрался на подножку, что-то рассказывал сидящему в кабине, взмахивал рукой. Потом соскочил на землю, предупредительно открыл дверь машины. Оттуда вылез офицер в длинном кожаном пальто с витым серебряным погоном, спрыгнул на дорогу, покачнулся. Солдат подержал его.

— Гауптштурмфюрер, — сказал Старков.

— Невысоко они нас ценят, — усмехнулся Олег. — Могли бы кого поглавнее прислать.

Офицер прошел вдоль борта, заглянул внутрь, сказал что-то, потом махнул рукой, и из бронетранспортеров посыпались эсэсовцы, строились повзводно около машин. К гауптштурмфюреру подбежали четверо офицеров — видно, пониже чином. Олег не разбирался в эсэсовских знаках различия, а спросить у Старкова не решился. Выслушав командира, офицеры вернулись к своим взводам, а гауптштурмфюрер уселся на подножку машины, поглядывал на свою роту. Солдаты проходили мимо него, ныряли в лес, скрывались из виду. Последними прошли пулеметчики, вскинув на плечи тяжелые стволы с раскрыченными ногами-подставками. Около машин осталось человек восемь — охрана. Гауптштурмфюрер лениво поднялся, похлопал по плечу здорового рыжего унтера — вроде бы на прощанье, — тоже пошел к тропе.

— Все ясно, — сказал Олег. — Не деревня им нужна, а база. Сейчас они рассыплются цепью, попытаются окружить отряд, залегут и пустят в ход пулеметы. Есть смысл вернуться к ребятам, обождать, пока фрицы уйдут ни с чем.

— Парень дело говорит, — подтвердил Торопов.

Старков покачал головой.

— Тот, кто им дал кроки, наверняка сообщил и о наших постах наблюдения. Сначала они попытаются снять посты, и снять без шума. А постов-то нет.

— Ну и что? — спросил Олег нетерпеливо.

— А то, что ни стрельбы, ни атак не будет. Вышлют разведку, обнаружат пустую базу, и все.

— Еще лучше: без шума уйдут.

— Если уйдут. Боюсь, что они со злости в деревню рванут. Тем более она им давно глаза мозолит.

— Гадание на кофейной гуще, — сказал Олег.

— Даже если так, — Торопов сердито посмотрел на него, — мы обязаны предусмотреть все варианты.

— Что же вы предлагаете?

Старков усмехнулся.

— Ты у нас главный советчик. Валяй, советуй. — Сам-то он наверняка уже принял решение.

— Веди отряд к деревне. Можно устроить засаду в хатах, — Олег размышлял вслух. — Хотя это неэффективно: мало нас, нельзя запирать себя в четырех стенах, ограничивать свободу маневра. Нет, лучше засесть на околицах, впустить фрицев в деревню и тогда ударить со всех сторон. За нами — эффект неожиданности.

— Соображаешь, голова. Вот и давай беги к ребятам. Поведешь отряд.

— Я? — Олег растерялся, не ожидая такого поворота.

— Ты, ты. А Петр Сергеевич тебе поможет, подстрахует.

— А ты как же?

— Останусь, погляжу малость. А у околицы встретимся. Я вас там подожду.

Олег перехватил удивленный, осуждающий взгляд учителя, брошенный на Старкова, рассердился, встал.

— Спасибо за доверие, комиссар.

— А я не тебе доверяю. Я твоей голове доверяю. И Петру Сергеевичу, без согласия которого ничего не предпринимаю.

Но даже эта не слишком ласковая фраза не испортила Олегу радостного настроения.

— Так точно! — гаркнул он, спохватился, огляделся: не услышали бы на дороге. Нет, все было тихо. Понизил голос: — Не опаздывай на свидание, комиссар. Пошли, Петр Сергеевич.

7

До отряда добрались быстро и без приключений. Прежде чем отдать приказ партизанам, Олег шепнул учителю:

— Скажите им, Петр Сергеевич. А то не поверят...

Тот кашлянул, прикрыл улыбку ладонью, кивнул согласно.

— Товарищи! На время своего отсутствия комиссар передал

командование новому члену нашего отряда... — Он помялся, и Олег пришел на помощь:

— Зовут меня Олег.

— Прошу любить и жаловать, — добавил Торопов.

Бойцы переглянулись, зашумели недовольно.

— Почему это ему? — выкрикнул Рытов.

— Товарищи, — повысил голос Торопов. — Приказы, как вам известно, не обсуждают. А я вас никогда не обманывал.

— А комиссар где? — спросил кто-то.

— Комиссар будет ждать у деревни, — Олег говорил подчеркнуто сухо, словно обиженный недоверием. — Приказ комиссара: идти в деревню, занимать круговую оборону, ждать фрицев.

— Куда они делись?

— К отрядной базе подались. А там пусто. Не исключено, что они не пойдут к деревне, вернуться назад. Но мы обязаны предусмотреть все варианты. — Олег поймал себя на том, что невольно повторил слова Торопова.

Если разобраться, ничего особенного Старков Олегу не поручил. Велика задача: провести тридцать человек по лесу в обход гитлеровцев! Они и сами — без командира — прекрасно справились бы с ней. Да и спокойнее было бы: ни возмущений, ни обид, ни ропота. Но своим хитрым распоряжением комиссар показал партизанам, что пришельцам можно верить. Во всяком случае, сам он верит им и подчиненных своих к тому же зовет.

Торопов спросил Олега:

— Что вы собираетесь делать с обозом?

Олег подумал немного, сказал решительно:

— Не тащить же его с собой? Оставим здесь.

— А лошади?

— Может, пригодятся?

— Вряд ли, — не согласился Торопов, — скорее помехой станут. Они у нас смиренные, к стрельбе приученные. Надо распрячь их и привязать: пусть пасутся. Фашисты сюда не пойдут.

Лошадей распрягли, предварительно собрав телеги в одно место. Олег предложил закидать обоз ветками, но учитель опять возразил:

— Нет смысла. Пока каратели в лесу, воздушной разведки ждать не приходится. А от земной, пешей такая маскировка не спасет. Да и времени мало. Слышите: начали...

Вдалеке, со стороны партизанской базы, затрещали автоматные очереди. Одна, другая, потом еще, и... вдруг все затихло.

— Прав был Старков, — сказал Торопов, — не будет стрельбы. Надо поторопиться.

Быстрым шагом тронулись к деревне. Олега догнал Димка, спросил на ходу:

— Как это ты в генералы попал?

— Плох тот солдат... — привычно отшутился Олег, не договаривая, оборвал себя: — Сам толком не знаю. И понять не могу Старкова: то не верил, Севку к нам приставил, то — на тебе, командуй. Или решил, что не стоит бросаться лишними людьми накануне боя, или что-то на уме держит.

Говорил шепотом: сзади шли Торопов и вездесущий Севка то ли случайно, то ли нет, но пристроившийся как раз за новым временным командиром.

— Как Раф? Не скис?

— Нет вроде, — ответил Димка. — А что?

— Не оставляй его одного. А будет бой — тем более. Усек?

— Слушаюсь, — сказал Димка, поотстал, дождался Рафа, попрежнему бредущего в хвосте, пошел рядом.

— О чем разговор? — спросил Раф. Будто бы незаинтересованно спросил, лишь бы разговор поддержать. Но Димка отлично знал товарища, поэтому не стал томить его ловко скрываемое любопытство.

— О тебе. Большой начальник велел присматривать за тобой,

— Зачем?

— Чтобы ты не помешал его блестящей военной карьере каким-нибудь глупым поступком. — Не хотел, а невольно злорадно вышло, сам понял, сконфузился.

И Раф заметил это, усмехнулся.

— Завидуешь Олегу?

— С чего ты взял?

— Все твои чувства на лице видны. Тебе в покер играть нельзя: любой обдерет. А Олегу ты позавидовал. И сам того застыдился. Зря позавидовал. Что ты, Олега не знаешь? Его хлебом не корми — дай покомандовать. Призвание: руководитель.

— Чем плохое призвание?

— Разве я осуждаю? Да ни в коем случае! Главное, что получается у Олега такая роль. Ну и пусть руководит. А я с удовольствием подчинюсь. И тебе советую. У него в отличие от многих руководителей «по призванию» голова на плечах имеется. И неплохая, замечу.

— Кто спорит? — сказал Димка.

— Вот и ладушки... — Раф перевел разговор на другую тему: — Что он говорит: будет драка?

Ох уж этот Раф с его пацифистской терминологией.

— Не драка, а бой, — назидательно поправил Димка. — Он ничего не сказал. Но, по-моему, ждет он того боя с нетерпением.

— А вот тут он дурак, — сердито резюмировал Раф, замолчал, обогнал Димку, потопал впереди, и даже сутулая тощая спина его выражала возмущение приятелем-милитаристом.

Димка не согласился с Рафом. Он знал, что все милитаристские интересы Олега не идут дальше «военных» автоматов в игровом зале парка культуры и отдыха. Или, в крайнем случае, дальше институтского тира, где Олег, признанный мастер спорта, показывал класс стрельбы на студенческих соревнованиях. И боя он ждет не потому, что хочет пострелять, порезвиться с боевым оружием и живыми мишенями. Нет, Олег, кажется, всерьез задумал «поправить» старковское прошлое, благо существует оно все-таки в ином временном измерении и поправки эти никак не повлияют на то будущее, в которое им предстоит вернуться.

Олег не делился с друзьями своими планами, предпочитал

ставить их перед фактом. Что ж, его дело, хотя Димка иначе понимал дружбу. Так то он, а то Олег — разница! Тот же Раф часто ругал Димку: «Вечно ты все разбалтываешь заранее, что на уме, то и на языке». А болтовня любому делу вредит, даже самому простенькому, это Димка на собственном опыте постиг. Постиг, да ничему и не научился. Раф тоже известный молчальник. Но если Олег держит свои командирские замыслы при себе, потому что не любит, чтобы ему мешали — советами, суетой, запретами, наконец, — то Раф просто-напросто суверен. Сглазить боится. Из двух молчаливых друзей Димка предпочитал реалиста Олега и не судил его за излишнюю скрытность. Тем более что многолетняя дружба позволяла угадывать почти все, что таила в себе эта скрытность.

До околицы деревни дошли через полчаса. Старков уже ждал отряд, беседуя с каким-то средних лет мужиком в фуражке и длиннополом брезентовом плаще, какой, по мнению Димки, носили дореволюционные господа агрономы, разъезжавшие по помещичьим полям на двухосных бричках. Представление это родилось из вечерних бдений у телевизора, где часто крутят старые фильмы, поставленные в пятидесятых годах по классическим романам. Фильмам этим еще предстояло родиться, а живой «агроном» совсем несолидно бросился к партизанам, начал по очереди обниматься с каждым, и Димку не пропустил, заключил его в сильные, пахнущие сыростью и резиной объятия.

— У тебя новенькие? — спросил «агроном» у Старкова.

— Похоже на то, — туманно ответил Старков, но «агроном» не стал переспрашивать, удовлетворился ответом, радостно пожал руку Олегу, поинтересовался:

— Офицер?

— Сержант, — ответил Олег.

— Орел! — продолжал радоваться «агроном», но Старков вмешался:

— Потом познакомишься, Стас, времени нет. Разобьемся на тройки и займем оборону вокруг центральной площади. Фашисты идут сюда. Как я и предполагал, они не удовлетворились брошенной базой. Без моего сигнала не стрелять. Сигнал — красная ракета. Полагаю, они не ждут здесь сопротивления, войдут в деревню. Встречать их выйдет Стас. Он староста, ему сие по чину положено. — Он обернулся к «агроному»: — Потяни переговоры, Стас. Пусть они успокоятся, решат, что в деревне никого, кроме мирных жителей, нет. И жди сигнала. Увидишь ракету — беги, залегай и коси гадов. Твоих здесь сколько?

— Пятеро. Двое ушли с Петровичем. А так — бабы да старики.

— Пусть носа не высовывают. Особенно дети.

— Не высунут. Научены.

— Оружия лишнего не найдешь?

— Есть пара автоматов. А что?

— Да новенькие мои пустые.

— Это мы с удовольствием, вооружим до зубов. Пошли со мной, парни. — Он было тронулся, но Старков остановил:

— Погоди. Возьмешь с собой в засаду его, — он кивнул на

Олега. — А вы двое, — это относилось к Димке с Рафом, — пойдете с Рытовым. Старший — Рытов.

...Димка получил у Стаса старенький «шмайсер» и две обоймы, а Раф — карабин и пару гранат-«лимонок» тоже немецкого производства. Рытов ждал их у поваленного плетня «агрономовского» дома.

— Вооружились? — неприязненно спросил Рытов. — Вояки на мою голову...

— Не набивались, — обозлился Димка. — Можешь катиться на все четыре, без тебя обойдемся.

— Вы обойдетесь, — хохотнул Рытов, сдвинул кепку на глаза, потер затылок, заросший длинными вьющимися волосами. — А я вот без вас никак... Комиссар не велел, а он лучше знает.

Комиссар знал лучше. Самостоятельности Олегу было отпущено ровно настолько, насколько эта самостоятельность не могла повредить отряду. От леса до околицы, не дальше. Сейчас за ним Стас присмотрит, человек надежный, партизанский ставленник на должности фашистского старосты. А Димка с Рафом — сошки помельче. Им и Рытова хватит. Хотя Рытов — не из последних в отряде. И старшим его комиссар оставил, когда сам с Олегом и Тороповым к лесной дороге отправился. Так что можно гордиться: какому человеку в подчинение приданы!

Димка усмехнулся про себя: будем гордиться. Будем подчиняться лучшим людям отряда, однако и о самостоятельности не забудем. Покажем этим лучшим людям, что мы умеем...

Рытов привел их к бревенчатому сараю на площади — прямо напротив дома старосты, распахнул дверь.

— Прощу!

В сарае было тепло. Куча прелого сена в углу, тележные колеса, какие-то следи, заржавленный плуг. Крохотные оконца почти не пропускали дневной свет, но устроены были словно нарочно, как бойницы: шесть узких прямоугольников вдоль стены на уровне человеческого роста. На чердак вела приставная лестница.

— Один внизу, двое наверх, — скомандовал Рытов, пошел к лестнице, поманил Димку: — Со мной будешь.

Димка предпочел бы остаться с Рафом внизу, но приказы не обсуждают. Полез по скользким перекаладинам за Рытовым. На чердаке тоже лежало сено и тоже тянулись по стене окошки. Крыша протекала.

— Хозяина нет, — подосадовал Рытов, отгреб сено от дыры в кровле, уселся. — Будем ждать, парень. Как звать-то?

— Дмитрием.

— Откуда родом?

— Из Москвы.

— А я из Молдавии. Шоферил там на бортовой после школы. — Сейчас он не кривлялся, не изображал из себя опереточного цыгана, говорил спокойно, весомо и оттого казался старше своих девятнадцати лет.

— Что не в армии?

— Не успел. Да и не рвался: по мне, в партизанах лучше.

Станный критерий для военного времени: лучше, хуже...

— Ищешь, где лучше?

— Как и все. Только ты меня на слове не лови. Я не легче долю ищу, а лучше.

— Какая разница.

— Большая. Здесь не легче, чем в армии, но здесь я хозяин. В лесу хозяин, в деревне, на большой дороге. Полоснул из-за кустов неожиданно-негаданно, гранатами забросал — и бери гадов тепленькими. А в армии ты винтик.

— Хозяин большой дороги?

— А что? Хорошее прозвище.

Прозвище... Человек должен быть там, где он принесет больше пользы общему делу. Димка совсем не умалял значения партизанского движения в Великой Отечественной войне, но не оно решило ее исход. Димка читал, знал по рассказам знакомых отца, как осаждали военкоматы его ровесники. А этот «не рвался»... Впрочем, может, он рожден быть партизаном, бесстрашным и осторожным, может, он нужнее именно здесь — кто знает. Не стоит заранее осуждать человека, если тебе его слова не понравились. Не торопись с выводами, Димка, не подавайся первому впечатлению.

Свесился в люк, оглядел полутемный сарай:

— Как ты там?

— Хорошо, — откликнулся откуда-то из темноты Раф.

— Ну ты не очень-то расслабляйся, — подал голос Рытов и вдруг схватил Димку за руку. — Смотри, смотри.

Далеко впереди, у околицы, перед лесом показались зеленые коробки бронетранспортеров. Площадь перед сараем по-прежнему была пустынна. Да и площадью ее можно назвать лишь с помощью великой фантазии. Просто большой квадрат, окруженный редкими избами. Лужи, грязь. Чей-то недорезанный петух ковыляет вдоль забора. Неширокая улочка ведет к околице. Канавы-водостоки вдоль улицы, почерневший от воды низкий сруб колодца покоится у ворот. Бронетранспортеры медленно катились по улице, оглушительно ревели в дождливой тишине деревни. Никто не выбегал им навстречу, даже собаки не лаяли из-под заборов. А может, и не было их, собак...

Рытов прижался телом к стене, выглядывал из-за косяка. Димка сжимал внезапно вспотевшими руками холодный автомат, тщетно пытался унять дрожь, молил, чтобы Рытов не заметил. Рытов не обращал на него внимания, всматривался в дождь.

— Сейчас будет... — прошептал он.

Бронетранспортеры и грузовик въехали на площадь, остановились. Водители глушили моторы. Из своей избы вышел «агроном» Стас, побежал к машинам, распахнув руки, будто готовился обнять дорогих гостей, как давеча на околице. Из кабины бронетранспортера выпрыгнул офицер в кожаном пальто, пошел навстречу Стасу. Остановился, заложив руки за спину. Стас вытянулся перед ним, что-то рапортовал. Димка не слышал слов, но слишком угодливая поза старосты вызывала отвращение. Хорошо: он должен быть актером. Хорошо: он обязан выслуживаться перед фашистами, чтобы ни подозрения не возникло — все лояльны, все преданы новой власти. Но есть

же чувство собственного достоинства, наконец! Зачем вытягиваться в струнку перед сволочью?..

Офицер неторопливо поднял руку, наотмашь ударил Стаса по щеке. Сильно ударил, потому что голова старосты дернулась, он даже покачнулся, но продолжал стоять так же, по стойке «смирно». Офицер обернулся к машинам, крикнул что-то. Из кузовов выпрыгивали солдаты, строились у бортов повзводно. Офицер указал Стасу на дом, повелительно махнул рукой. Стас ссутулившись пошел к дому, поминутно оглядывался. Офицер смотрел ему вслед, ждал.

И в это время в воздух взлетела красная ракета.

8

Ударили автоматы со всех сторон. Надломилась черная цепь гитлеровцев, распалась. Офицер зайцем подскочил, метнулся к машине, спрятался за колеса. Его солдаты торопливо лезли обратно в кузова бронетранспортеров, отталкивали друг друга, падали, скошенные точными очередями партизанских автоматов. Стас успел добежать до своего забора, перемахнул через него, упал в траву. Димка видел, как он, пригнувшись, пробежал по двору, бросился за поленицу дров. И сразу оттуда вспыхнули язычки пламени: открыл огонь. На площади около машин остались лежать тела убитых эсэсовцев — десять или двенадцать трупов, Димка не считал. Только сейчас он сообразил, что по-прежнему сжимает холодный автомат, так и не выстрелив из него ни разу.

«Трус», — обругал он себя, взглянул на Рытова. Рытов смотрел в окошко, тихо смеялся.

— Ты что? — спросил Димка, ошалело вытаращив глаза.

— Идиоты, — выдавил сквозь смех Рытов. — Кто же так воюет? Они больно в себе уверены, вот о бдительности и не вспоминают. А мы их как курей...

— Не всех же...

— А можем, и всех. — Он вытащил из кармана «лимонку», выдернул чеку, высунулся в окно, размахнувшись, швырнул гранату. Она шлепнулась около первой машины, взлетел в воздух черно-серый сноп земли, воды, дыма, застыл на мгновение, начал медленно оседать. И тотчас же из кузова забил автомат. Прицельно бил. Пули шелкнули о бревна сарая где-то под Димкой. Он отшатнулся.

— Тикай вниз, — крикнул Рытов. — Сейчас они пулеметом шуганут.

Метнулся к люку, прыгнул. Димка за ним. Выскочили из сарая, пригибаясь к земле, рванули к забору. Рытов ударил ногой по планке штакетника, выломал ее, нырнул в дыру. Димка пропустил вперед Василия и Рафа, задержался на секунду. В кузове грузовика на площади полыхнул огонь.

— Ложись, дурило! — Рытов выглянул из дыры в заборе, дернул Димку за полу. Димка упал на землю, уткнулся лицом в траву. Вовремя. Пулеметная очередь была точно в крышу сарая. Вспыхнула, взлетела к небу дранка, поплыли по воздуху клочки сена. Снова громынуло. От грохота заложило уши.

Как сквозь вату пробился голос Рытова:

— Погибнуть хочешь?

Димка встал на четвереньки, полез в дыру. Рытов подхватил его под руку, силком потащил за дом. Димку шатало.

— Оглушило? — Лицо Рытова было где-то рядом, качалось у глаз, расплывалось.

— Сейчас, сейчас, — пробормотал Димка, помотал головой, приходил в себя. — Как это я?

— Не ожидал?

— Честно — не очень. Миномет, что ли?

— Граната. Идти можешь?

— Могу, — Димка встал, придерживаясь за стену.

— Давай за дом.

Из-за дома высывался перепуганный Раф.

— Цел?

— Целехонек, — засмеялся Рытов. — Меняем дислокацию. Они теперь оправились от первого испуга.

Бронетранспортеры разворачивались, натужно рыча, шли к горловине улицы, куда уже убрался грузовик с пулеметчиками. Теперь, когда их прикрывали с флангов слепые за закрытыми ставнями избы, фашисты почувствовали себя полегче. По вспышкам выстрелов можно было определить, что партизаны простреливали только деревенскую площадь. Вероятно, это был просчет Старкова. Можно было предположить, что эсэсовцы сумеют отступить в улицу, и встретить их там огнем из засады. Теперь исправлять ошибку поздно. Один из бронетранспортеров перевалил через канаву, врезался в забор, обрушил его, ткнулся носом в дверь дома.

— Там кто-нибудь живет? — спросил Димка.

— Не знаю, — ответил Рытов. — Тут много пустых изб.

Кто-то из кузова пустил очередь по закрытым ставням, по двери. Из дома никто не пытался выскочить.

Раф тронул Рытова за плечо.

— Обойдем их по краю. Подберемся с тыла.

— Верно, — Рытов одобрительно посмотрел на Рафа. — Я и сам хотел...

Он пошел вдоль стены, перебежал двор. Димка уже забыл, что оглушен и что голова все еще кружилась, побежал за ними, за Рафом с Василием, думал, что не такой уж Раф великий пацифист, умеет тактически мыслить, если надо. Вот понадобилось — и доказал.

Выстрелы стихли. Вероятно, не только рытовская группа меняла расположение. Деревня по-прежнему казалась начисто вымершей: жители выполняли распоряжение старосты, сидели в погребах. В конце улицы пулеметчики наспех устанавливали свои треноги.

Димка понимал, что положение партизан не самое лучшее. Фашистов больше, они быстро успели сориентироваться, отойти и занять довольно выгодную позицию. Эффект неожиданности партизаны использовать не сумели. Почему? Мало людей, мало боеприпасов... Может быть, стоило бы посмелее, решительней атаковать карателей, ошеломить их натиском, создать впечатление, что не тридцать — триста человек против них? Может быть, так... Димка усмехнулся: руководи в этом

бою партизанами Олег, он бы не раздумывая повел людей в атаку. И — не исключено — потерпел бы поражение. Все-таки взвод не рота, фашисты не слепцы и не дураки. Раскусили бы за милую душу. Так что не стоит осуждать Старкова за нерешительность.

Честно говоря, Димка считал, что выиграть бой будет трудно. Вероятно, надо бы отойти, дожидаться карателей на лесной дороге. Нет, нельзя. Тогда они точно сожгут деревню и расстреляют жителей. Да и рация у них наверняка есть. Вызовут подкрепление, зажмут в тиски отряд... Значит, если отходить, то отходить вместе со всеми жителями. Или драться до конца.

А как драться?

...Димка прижался спиной к глухой бревенчатой стене сарая, выглянул за угол. Насквозь промокший стог сена, поваленные прясла, заросли бурьяна у забора. В зарослях кто-то шевелился.

— Видишь? — Димка обернулся к Рытову.

— Кто-то из наших, — прошептал Рытов, сложил руки лодочкой, крикнул негромко.

Бурьян закачался, выглянула голова. Олег.

Димка даже засмеялся невольно, забыв об опасности: уж больно забавно выглядел взъерошенный и мокрый Олег.

— Ты чего? — удивился Рытов.

Димка не ответил, брякнулся на землю, пополз к бурьяну. Только слышал сзади трудное дыхание товарищей. Добрался до Олега, пристроился рядом, посмотрел на улицу. Эсэсовцев видно не было: попрятались, замаскировались. Только чернели бронетранспортеры в конце улицы, и — Димка помнил — скрывались за ними пулеметчики.

— Добросишь гранату? — спросил он у Олега.

— Доброшу. Только попозже.

— Почему?

— Пусть остальные подтянутся.

— Где они?

— Старков и еще пятеро здесь. Вон за поленницей. Остальные идут по той стороне улицы.

— Будем атаковать? — догадался Раф.

— У нас нет другого выхода.

Откуда-то с улицы послышалось криканье.

— Все на месте, — удовлетворенно сказал Олег. — А ну готовьтесь. Бросаю гранату — и в атаку. — И к Рытову: — Крикни-ка в ответ. А то я не умею.

Достал «лимонку» из кармана, подбросил ее на ладони, почему-то понюхал, улыбнулся:

— Ну, поехали...

Выпрямился во весь рост, сорвал предохранитель, размахнулся, как на институтском стадионе, швырнул гранату, подхватил с земли автомат:

— Впере-о-од!

Перемахнул через прясла, помчался по улице, стреляя на ходу.

Димка бежал следом, оглушенный неожиданно громким взрывом «лимонки», потом еще одним, и еще, и еще, кричал что-то и не слышал собственного голоса. Только видел впереди, в сизом

мареве взрывов, выскакивающие из-за машин фигурки гитлеровцев. Он нырнул в сорванную с петель калитку и нос к носу столкнулся с карателем. Отскочил, замер в растерянности. Рыжий эсэсовец ругнулся, поднял автомат. И вдруг нелепо взмахнул руками, как в замедленной съемке, повернулся вокруг оси на ватных ногах, упал. Димка обернулся. Раф сжимал карабин, растерянно смотрел на убитого им фашиста.

Димка не стал благодарить друга, даже не подумал тогда об этом, просто подхватил выпавший у немца автомат, протянул Рафу.

— Бросай свою дуру. И не стой, не стой. Вперед...

Внезапная опасность вдруг обострила чувства. Он стал слышать и крики и выстрелы, ощутил запах пороха и вкус гари на губах, увидел бегущих рядом партизан, полоснул огнем из «шмайсера» по черным фигурам у грузовика, метнулся к нему, выглянул из-за капота. Вскочил на подножку, вскинул автомат — пулеметчик повалился на бок.

— Готов! — выкрикнул Димка, рванул дверь кабины, плюхнулся на сиденье.

Ключ зажигания — вправо. Двигатель взревел. Димка выжал сцепление, включил передачу, вдавил газ. Он еще не знал, зачем это делает, просто захвачен был бешеным ритмом боя, не понимал даже его нюансов, действовал по наитию. А откуда оно у него — великое наитие, подсказывающее верный ход? Потом, потом разберемся, некогда сейчас! Двинул трехосную махину грузовика по улице, подмял убитого пулеметчика. Впереди вырос задранный в небо ствол пулемета. Около него трое. На них, на них, не сворачивать! Треснуло лобовое стекло, побежали по нему лучи-трещины — стреляют? Пригнул голову, больше газа! Машина прыгнула вперед, закачалась, кто-то кричал за окном.

Прямо перед радиатором выросла стена, в ней полуоткрытая дверь. Димка толкнул плечом дверцу кабины, прыгнул вниз, только успел подумать: автомат в кабине! — и покатился по земле, не чувствуя боли. Вжался в грязь лицом, накрыл ладонями затылок. Оглушило взрывом, жаром полыхнуло. Поднял голову: около дома горел грузовик, выскакивали из двери и из-за дома засевшие там гитлеровцы, бежали куда-то, падали. Поднялся на ноги — шатнуло. Ухватился за стену, задышал часто-часто, посмотрел вверх. Где-то высоко, под облаками — или показалось? — парил воздушный змей, детский коробчатый змей с планками крест-накрест, с длинным хвостом из мочалы. Кто его запустил?

В глазах потемнело, пополз вниз, хватаясь онемевшими пальцами за бревна стены, потерял сознание. И уже не слышал ни выстрелов, ни взрывов. Была тишина, сонный покой, далекое синее небо, в котором по-прежнему качался на ветру игрушечный неправдоподобный змей, склеенный маленьким Димкой давним летом в Малеевке, в пионерском лагере.

...Димка очнулся оттого, что его кто-то тряс. С трудом разодрал слипшиеся веки, смотрел сквозь ресницы. Над ним нависла огромная черная фигура, страшная фигура, тянула к нему длинные руки. Это было ужасно, и Димка снова закрыл

глаза. Однако трясти его не перестали, и, как сквозь вату, он услышал голос Олега:

— Да очнись ты наконец! Живой ведь, симулянт чертов...

«Пожалуй, надо встать», — тяжело ворочались мысли, голова прямо раскалывалась от боли.

Снова открыл глаза, сощурился, встал на четвереньки. Олег подхватил его под мышки, поднял рывком, прислонил к стене. Димка очумело посмотрел на него, спросил хрипло:

— У тебя анальгин есть?

Олег отпустил его, сел на корточки, зашелся смехом. Димка понемногу приходил в себя, удивленно разглядывал истерично всхлипывающего Олега.

— Анальгин, — рыдал Олег. — фталазол, стрептомицин... Сумасшедший! Где ты находишься?

Димка ошалело огляделся. Метрах в двадцати догорал грузовик, ленивые язычки пламени плясали под крышкой капота, выглядывали из кабины. Стена дома обуглилась, но пожара не было: дождь помешал, насквозь промокшие бревна не поддались пламени. Рядом лежали трупы эсэсовцев — как в ки-

но «про войну». От дома к Димке шел черный от копоти Старков, волочил автомат на порванном ремне, улыбался.

Димка наконец сообразил, где находится, испуганно спросил:

— Что случилось? Как наши?

Старков прислонил автомат к стене, сел на траву, потер пальцами глаза, только больше коготь размазал,

— Все. Конец.

— А фашисты?

— Нет больше фашистов.

Олег хлопнул Димку по плечу. Тот даже пошатнулся.

— Пожара они испугались, — смеялся Олег. — Когда ты избу протаранил, так бабахнуло, что даже я решил: не иначе артиллерия подоспела. Их в избе и за ней человек тридцать было. Ну, все наружу. А тут мы. Готовенькими их брали.

— А я как же? — Димка шарил руками по телу, искал рану, но тело не отзывалось болью, только гудела по-прежнему голова, и пара таблеток анальгина все-таки была бы кстати.

— Взрывом крышу сорвало. Доски прямо по небу летали. Одна тебя и приложила по темечку. Спасибо, кепка удар смягчила.

Димка ухватился за затылок, вскрикнул, посмотрел на руку.

— Кровь...

— Не беда, — устало улыбнулся Старков. — Ты же физик. Вот и пошел по пути Ньютона. У него яблоко, у тебя кое-что повесомее. Пора закон всемирного тяготения открывать.

— Все бы вам шутки шутить, — мрачно сказал Димка. Он не терпел крови, боялся даже палец порезать. Ну ладно пуля бы или штык. Благородно и моменту соответствует. А тут доска... Чем вас в бою ранило? Да, знаете, доской пришибло. Даже стыдно. Расскажешь — засмеют.

Олег понял мучения друга, обнял его.

— Ты у нас герой. Как додумался машину пустить?

Димка любил, когда его хвалили. Он таял и гордился собой. Он считал, что похвала — даже за ерунду — очень стимулирует любую деятельность.

— Да вот как-то додумался... — засмущался он, ногой шаркнул, вроде и голова поменьше болеть стала. Но не стал врать, честно признался: — Я не думал о последствиях. Просто вскочил в грузовик — и ходу. А стену я в последний момент задел: я же не умею водить машину.

— Умел бы — объехал? — восхитился Олег наивной открытостью Димки.

Димка пожал плечами:

— Не знаю... наверно...

— Ну, ты даешь!..

Старков по-прежнему сидел, привалившись спиной к стене, закрыл глаза, как будто дремал. Услышав реплику Олега, открыл один глаз.

— Он не знал, что делать, а сделал все правильно. Ни одной ошибки. Его незнание помогло нам больше всех наших знаний. Как считаешь?

— О чем разговор? — Олег не был ревнив, и удача друга радовала его не меньше своей.

И великодушным он был, умел признать чье-то преимущество над собой. Что ж, в нынешнем бою Димка сделал больше Олега. Пусть неосознанно, но все же, рискуя жизнью, он выманил под пули партизан три десятка карателей, прочно засевших в надежных стенах избы. Подвиг? Несомненно, соглашался Олег, считая, что ему самому просто не повезло: не догадался вовремя, не увидел машины, увлекся боем. Но какая разница, кто сделал? Важно, что сделано. И сделано — будь здоров!

Димка окончательно пришел в себя, хотя и побаливала голова, саднила рана на затылке.

«Ох и попадет мне от шефа, — думал он. — Было велено: не лезть ни в какие переделки. Легко сказать! Интересно, дорогой шеф: сами вы сумели бы сидеть сложа руки? Не сумели бы, знаем вас. Так что придется смирить гнев...»

— А как наши? — спросил он, вдруг вспомнив о страшном исходе боя в старковском прошлом.

— Севку убили, — помрачнел Олег.

— Севку... — вспомнились веснушки, узкие, с рыжиной глаза. Только что рядом был, еще злились на него: больно бдительный, и вот конец. Ох, не игра это, не игра, ребяточки, настоящая война, которая догнала вас, достала. И не сможете вы уже быть прежними — веселыми и беспечными, неунывающими «орлами» с физфака. Не сможете. Хотя бы потому, что Севку убили...

— А остальные, остальные?

— Да вроде потерь не так уж много...

И опять вмешался Старков:

— Немного? Щедрый ты парень, Олег. Для нас любая потеря — беда. Понял: любая! И если бы только один Севка погиб, я бы считал, что мы потеряли слишком много...

Он рывком поднялся, подхватил автомат, пошел на улицу.

— Комиссар прав, — тихо сказал Димка. — Ты бестактен.

— Не спорю, — согласился Олег. — Ляпнул, не подумав. Только я помню, что у Старкова уцелело одиннадцать бойцов...

— У того Старкова, у нашего.

— Да, этот — другой. И прошлое другое.

— А вдруг наше? Вернемся, а там куча изменений. А винюваты в них мы.

— Не говори вздора, — обозлился Олег. — Ни в чем мы не виноваты. Ну, я подстрелил человек десять. Ты этих сволочей на божий свет вытащил. Но не мы погоду сделали. Пока ты у стеночки отдыхал после встречи с доской, Рытов с Севкой ворвались вдвоем в соседнюю избу, гранату — на пол и из двух стволов за три минуты двадцать человек напoвал. Хороша арифметика? — Он засмеялся. — Потом Рытов спохватился: что-то слышать хуже стал. Хватить за ухо, а его нет.

— Как нет?

— Осколком срезало. Вместе с серьгой. Он и не заметил.

— Всю красоту испортило, — покачал головой Димка, спохватился: — А где Раф?

— Раненых перевязывает. Он у нас герой, не хуже тебя: Торопова опас...

— Как?

— Прикрыл его. Увидел, что в старика целятся, прыгнул на него и повалил. Сам сверху...

— А фашист?

— Какой?

— Который целился.

— А-а, этот... Убили его. Кто-то из наших, — безразлично сказал Олег. — Ну, пошли, — он взял Димку под руку. — Все уже на площади.

9

Олег ошибался: на площади никого не было. Партизаны собрались во дворе бывшего сельсовета, где теперь обосновался староста. Кто сидел на ступеньках крыльца, кто прогуливался вдоль стены, заглядывая в окна, где Раф, Торопов и староста Стас занимались ранеными.

Раненых было семеро. Прошлого физика Старкова разительно отличалось от прошлого, в которое он отправил своих учеников. Только пятеро убитых, среди которых бдительный Севка, рыжий Севка, веселый и лихой человек. Старков отправил партизан хоронить павших бойцов. На маленьком деревенском погосте они вырыли пять могил, завернули тела в старую мешковину, поставили таблички с фамилиями и двумя датами. Собрались у могил, дали прощальный залп. Всего один: патроны приходилось беречь, хотя и разжились у немцев боеприпасами. Да только понадобятся они еще, впереди дорога в Черногорье, длинная дорога, мало ли что может на ней случиться...

Необходимо было спешить. Раф, выросший в семье врачей-хирургов, умело перебинтовал раны, благо невелики они. У кого рука прострелена, у кого бедро. Рытов красовался в повязке, закрывавшей почти всю голову, ходил, чертыхаясь, переживал сильно: несерьезное ранение. Его утешало только, что Димка пострадал еще глупее. Тут все-таки осколок, а у Димки доска.

Раф не считал всяких там царапин или легких сквозных пулевых ран. Тогда и Димку с его ссадиной пришлось бы зачислить в раненые. Нет, это пустяки, до свадьбы заживет и забудется. Рафа волновало состояние Макарыча, у которого было прострелено легкое. Для невеликих медицинских познаний Рафа это ранение казалось слишком серьезным. Макарыч все время терял сознание, дышал тяжело, со свистом. Термометра в деревне не нашлось, но даже на ощупь чувствовался жар.

— Успеть бы довести старика, — говорил Раф комиссару. — Сколько времени займет переход?

— С таким обозом — суток трое.

— Плохо дело. А быстрее никак нельзя? Или, может, где-нибудь поблизости врач есть?

— Врача нету, — вступил в разговор Стас, — а фельдшерница в соседней деревне проживает. Лучше бы к ней...

— Медикаменты у вашей фельдшерицы есть? — зло спросил Раф.

— Откуда? Травки должны быть.

— Травки... Тут антибиотики нужны, — сказал и поморщился, получив увесистый удар по ноге: Олег напоминал забыв-

шему товарищу о том, что антибиотики появились лишь после войны, да и то не сразу.

Однако никто не заметил обмолвки Рафа, не прислушался. Мало ли какие мудреные названия в медицине имеются? Разве нормальный человек все упомнит?

— В отряде есть врачи и лекарства, — сказал Старков.

— Значит, надо везти в отряд. Будем рисковать.

— Зачем рисковать? — удивился Олег. Его удивило, что никто из присутствующих не видел явного выхода. — Это пешкодралом трое суток. А на машине?

— Ах, черт! — вспомнил Старков, хлопнул себя по лбу. — Действительно. Всю дорогу не осилим, а половину — наверняка. Кто поведет?

— Я, — сказал Олег.

Раф изумленно посмотрел на него.

— Как здоровье?

Часов они с собой не взяли: «Полеты» и «Секунды» не годились для военного времени. Но и без часов можно было догадаться: срок эксперимента на исходе.

— Какой час? — спросил Олег.

Старков полез в карман, вытащил старенький плоский хронометр.

— Половина седьмого, — и добавил не к месту: — Есть хочется.

Олег реплику о еде пропустил мимо ушей, хотя и ему есть хотелось, урчало в животе, а вот поздний час его расстроил. Через полчаса Старков вырубит генератор, и придется топтать в избушку, так и не закончив начатого. Олег считал, что это несправедливо. Он хотел довести Макарыча до Черногорья, увидеть настоящего партизанское соединение, с молодым председателем познакомиться — да мало ли что еще! А тут и попрощаться ни с кем нельзя — не поймут. С чего бы это им расставаться? Вся война впереди...

Кончилась война для студентов. Что ж, против уговора не пойдешь. Надо кое-какие советы оставить...

— Верно говоришь, — скрепя сердце начал врать Олег, — я бронетранспортер не поведу. Опыта нет. Шоферы в отряде есть?

— Есть, — сказал Старков. — Рытов шофером был.

— Он и поведет. Погрузим в машину всех раненых, пулеметы, оружие трофейное — и в путь. А мы пешочком.

— Стоит поторопиться, — вмешался Стас. — Через несколько часов сюда нагрянут фашисты.

— Сколько человек в деревне? — спросил комиссар.

— Двадцать три со мной. Пятеро мужиков, остальные — бабы с детьми да стариков трое.

— Все уйдут с нами.

— А как же деревня?

— Тебе что дороже: избы или люди?

— Глупый вопрос, — пожал плечами Стас. — Однако людям ведь в избах жить...

— Именно жить. Собирай людей, староста. Да поживей.

Вот и еще одно несоответствие с реальным прошлым Старкова: Стас уйдет с партизанами, и все жители деревни тоже

уйдут, и никого не обнаружат каратели, когда примчатся сюда, одержимые жаждой отомстить непокорным «бунтовщикам». Но почему Раф упорно называл реальным именно прошлое своего шефа? А это прошлое? Что в нем нереального? Оно существовало и существует сейчас, оно торопит события, спешит сквозь осенние дни сорок второго года к годам семидесятым, когда другой Старков и другие студенты станут собирать свой чудесный генератор времени, чтобы махнуть назад — на тридцать с гаком лет, и махнуть опять-таки в чужое прошлое, в его третий вариант. Или в десятый. Или в сотый. В самый что ни на есть реальный вариант. В котором, может быть, Макарыча не ранят и не погибнет Севка. Или даже не будет этого боя...

...Раненых погрузили на бронетранспортер, который пригнал умелец Рытов. Набросали в кузов сухого сена, постелили брезент, посадили к раненым малых детишек.

— Может, с ними поедешь? — спросил Рафа Старков.

Раф бы поехал, будь его воля...

— Да я там только помехой буду, — сказал он бодро. — Пусть товарищ Торопов едет.

Старков не настаивал. Наказал Рытову не гнать, в случае чего сворачивать в лес, выжидать, на рожон не лезть.

— С богом, — сказал Старков.

— И без бога справимся, — хохотнул Рытов, тронул машину, высунулся из окна: — Догоняйте!

Осторожно повел бронетранспортер, объезжая ямы с водой, скрылся за околицей. Партизаны смотрели ему вслед, молчали.

— И нам пора, — вздохнул Старков, еще раз хлопнул крышкой часов. — Семь без минуты.

— Пора, — подтвердил Олег.

Он знал точность своего Старкова и надеялся только, что старый хронометр спешит вперед, подгоняет время хозяина.

И вправду спешил. Успели построиться, подхватить трофейное оружие, которое не погрузили в машину, вышли за деревянную неторопливой колонной — женщины, дети, старики шли в середине. Олег с друзьями намеренно пристроился в хвосте. Вошли в лес, и Олег придержал друзей: вроде бы осмотреться — не ждаты ли опасности откуда-нибудь? Опасности не было. Пусто кругом. И дождь моросить перестал. Виднелись еще деревенские избы, курился дымок над местом недавнего боя, ветер уносил рваные облачка дыма.

И вдруг пропал дым. А возник совсем в другой стороне. И не робкий он был, а сильный, будто затопил кто-то печку в невидной от леса пустой избе.

— Кто это? — испуганно спросил Димка. — Кто-то остался?

Он обернулся к лесу, куда только что скрылась колонна партизан, прислушался, вдруг рванулся в кусты, обломил ветку, она с треском упала.

— Тише ты! — бросил вслед ему Олег.

И Раф все уже понял, усмехнулся невесело.

— Не от кого таиться.

Вернулся Димка, сказал, ни на кого не глядя:

— Все. Конец.

Это был конец эксперимента. Пунктуальный Старков отключил поле. Дым над пепелищем исчез, потому что не было пепелища. Печку топили во многих домах — холодная погода, промозглая, — и дым из труб рвался в небо, сливался в мощное серое облако, уходил за деревню.

— Интересно, дойдут они до Черногорья?

Димка задал вопрос без адреса, просто так спросил, чтобы не молчать. И Олег ответил тоже для того:

— Хотелось бы... Теперь и не проверишь: другое прошлое. В нашем вот дошли...

— Дойдут, — убежденно сказал Раф. — Должны дойти.

Он так считал и не верил в иной исход, не мог верить.

— И нам пора?

— Пора.

Пустой обмен словами. Говорить не хотелось, и надо было говорить. Слишком резко оборвалось действие — сразу и навсегда. Слишком многое осталось там, в прошлом. Именно в прошлом: как же иначе назвать? Теперь и у них, у двадцатилетних, тоже было прошлое — далекое и кровное.

— Ты помнишь, где спрятал дублер?

— Помню.

— Надо бы забрать...

— Потом. Успеем.

Машинально вглядывались в мягкую тропу — не осталось на ней следов. И другая была тропа, давно знакомая, потому что бежали по ней из лесниковой избушки в деревенский магазин за сахаром и за хлебом. И на танцы в клуб, бывало, заглядывали по той же тропке.

— Сколько мы отсутствовали?

— Как и договаривались: двенадцать часов.

— А кажется, дольше.

— Кажется...

Уже никогда не вернуть напряженных минут боя, ощущения уверенности в себе, кристальной ясности мыслей, которая возникает именно в момент опасности, в состоянии стресса, и ты поступаешь так, как должен поступить, и никак иначе, твое решение самое верное, единственное, и ты силен, и ты бесстрашен, и дело твое правое, и победа, конечно же, за тобой...

— Вроде бы дошли...

— Кто?

— Мы, мы дошли. Вон наш дворец...

Последние шаги к избушке. Выбить сапоги о стальную скобу у порога, снять мокрую грязь. Но тише, тише, чтобы не слышали ни шеф, ни председатель: не стоит портить театральный эффект неожиданного появления. Аккуратно приоткрыть дверь — только бы не скрипнула! На цыпочках в сени. Дверь в комнату рывком на себя.

— А вот и мы!

10

— Наконец-то, — сердито сказал Старков.

Генератор выключен, стрелка на нуле, рубильник торчал перпендикулярно щиту. Старков пил чай из фаянсовой кружки с

петухом, нарочито громко хрустел сахаром, на студентов никакого внимания.

— В самом деле, — председатель не сумел подыграть Старкову. Он был взволнован, обрадован: все удалось, и живые вернулись. — В самом деле, не могли раньше прийти?

— Хорошо, что я опыт ограничил двенадцатью часами, — проворчал Старков. — А то бы они там до конца войны сидели...

— Неплохая идея. — Олег повесил телогрейку на гвоздь, уселся за стол, придвинул чайник. — Ух, изголодались...

— Не кормили вас там, что ли?

— Некогда было.

Этим «некогда» Олег невинно намекал на информацию — немалую и важную, которую они готовы сообщить заждавшимся руководителям. Но Старков не принял намека, не захотел понять. Он все еще играл роль сердитого воспитателя, не прощающегослушников, выдерживал характер. Председатель — тот попроще. Ему прямо-таки не терпелось узнать подробности путешествия, он бросал умоляющие взгляды на Старкова, но тот игнорировал его, тянул чай, помалкивал.

Потом не выдержал, спросил Олега:

— Что ты на меня уставился? Давно не видел?

— Давненько, — протянул Олег. — Считайте, тридцать пять лет. Изменились вы здорово...

Старков подался вперед, чуть не опрокинув кружку. Все было мгновенно забыто: и показное равнодушие, нелепое желание убедить всех, да и себя тоже в том, что важен лишь удачно поставленный эксперимент, само путешествие во времени, а не его содержание. Мол, с таким же успехом можно было переместиться в год тридцать пятый, восьмьсот девяностый — в какой угодно... В какой угодно? Ох, врешь, Старков, сам с собой душой кривыш! Ждал ты ребят из своего года, мучился, сгорал от нетерпения. Так не ломай комедию — не перед кем.

— Рассказывайте, — почему-то шепотом сказал Старков.

— То-то же... — Олег не собирался долго мучить шефа и председателя. Начал рассказ, к нему присоединились Раф с Димкой, перебивали друг друга, вспоминали подробности, вскакивали, размахивали руками, демонстрируя перипетии боя.

Поймали Димку: тот вырывался, прикрывал руками голову. Подтащили к Старкову, показали след борьбы с «летающей доской». Вопреки Димкиным страхам Старков не рассердился, только сказал огорченно:

— Вечно тебе не везет. Прошлый раз — пуля. Теперь — деревяшка.

— Почему не везет? — удивился логичный Раф. — Наоборот: все пули, равно как и все доски, мимо него. Жив, здоров и невредим мальчик Вася Бородин.

— Он герой, — заявил Олег. — Он всех спас.

— Я герой, — скромно согласился Димка.

Здесь, в натопленной избушке, в привычной обстановке, в своем времени, все пережитое казалось далеким и, пожалуй, игрушечным. Даже запекшаяся кровь на затылке вызывала скорее приятные воспоминания. Тем более что голова уже не

болела. Теперь и пошутить можно, покуражиться, посмеяться над Рафом, который сначала растерялся, увидев живого фашиста, а потом «совершил рекордный прыжок», прикрыв от пули старого учителя. Или вспомнить бдительного Севку, рыжего Севку и его пикировку с «подозрительными типами». Или то, как умелец Димка разобрался за пять минут в партизанской рации. Или вышутить Олега, ставшего командиром отряда всего на... полчаса, когда шли из леса к деревне.

Все-таки это было не их прошлое. Даже не потому, что лежало оно на какой-то иной ветке времени, не совпадало с прошлым Старкова и председателя, вернее, не во всем совпадало. А прежде всего потому, что их прошлое было детсадовским, школьным, прошлым веселых игр в «казаки-разбойники», прошлым серьезных фильмов «про войну», которые оставались только фильмами, пусть убедительной, но все же иллюзией реальной жизни. И не казалось ли им путешествие таким же фильмом, в котором они сами сыграли прекрасные роли? Вот так: сыграли, а не пережили...

Может быть, может быть... И трудно, думал Старков, их упрекнуть за то, что относятся они к прошедшему эксперименту, как к лихой игре, к опасной игре, к серьезной, к увлекательнейшей, но игре. Хотя действовали они — или играли? — надо признать, умно и по-взрослому. Здорово действовали — не упрекнешь ни в чем.

— А ведь я никак не мог поверить в ваше ветвящееся время, — задумчиво проговорил председатель. — Как это так: мышь вчера убили, а она сегодня жива-здоровехонька? Не укладывалось такое в моем крестьянском сознании.

— Теперь улеглось? — ехидно спросил Раф.

Председатель не заметил ехидства или не захотел заметить.

— Теперь улеглось. Не в моем прошлом вы побывали. Са-авсем в чужом. Вон у вас Макарыча только ранило, хотя и серьезно, а наш Макарыч еще до этого боя убит был. И Стас в вашем прошлом с отрядом ушел. Значит, жив остался, не казнили его... — Помолчал, подумал, сказал убежденно: — Хорошее у вас прошлое, что и говорить...

Так и сказал: «у вас». Он, так же как и студенты, не считал это своим прошлым, своим и старковским. Но раз и навсегда отдал его своим ребятам: вы воевали, вы все пережили, вам вспоминать. Он уже не смотрел на них как на сосунков неумелых, которые жизни не знают, пороха не нюхали. Они были равны ему, равны далекому Рытову, о котором председатель не слыхал с конца войны, равны Старкову, кого партизаны избрали комиссаром отряда прикрытия, несмотря на его тоже несерьезный возраст. И у председателя и у студентов сейчас было прошлое, которым стоило гордиться. И он гордился им, как гордился самими ребятами, хорошими ребятами, смелыми и надежными — так он считал.

ТОБОР ПЕРВЫЙ

Фантастическая повесть

Какая-то дурманящая волна внезапно захлестнула мозг. Иван тайком уцепился за кисть, чтобы прогнать непрошеную дремоту. Сон отступил.

И снова Иван, как и все, кто находился в сферозале, смотрит жадно на мерцающий впереди экран.

...Так и есть, на какую-то долю секунды он, видимо, расслабился, отключился. За это время с выпуклой поверхности экрана успели исчезнуть разгневанные валы, крутящиеся воронки — то, что в сценарии испытаний обозначено как «штормовая водная преграда». Тобор преодолел-таки акваторию, правда — Суровцев бросил наметанный взгляд на табло и нахмурился — не так быстро, как хотелось бы...

А пока трансляторы далекого полигона, неукоснительно следуя настойчивому продвижению Тобора, переключились на новый участок испытательной трассы.

Вода сменилась сушей, но и здесь Тобору не легче. Почва — во весь экран — изрыта кратерами, словно язвами. Метеоритный ливень хлещет направо, и красноватая порода вулканического происхождения непрерывно содрогается.

Картина освещена косыми зеленоватыми лучами яростного светила.

Угадать, куда выстрелит метеорит, нелегко. Да и то сказать, ведь для решения этой задачи отводится не какое-то там спокойное время, достаточное для того, чтобы обдумать ответ, как студенту на экзамене, а сотые и тысячные доли секунды. И от решения задачи зависит не отметка в зачетной книжке и даже не судьба стипендии, а само существование. Да, жизнь того, кто теперь преодолевает очередную полосу препятствий.

Впрочем, еще труднее не только сообразить, куда угодит метеорит, но и увернуться от него. Тут уж необходимы высшая, дьявольская, как любит говорить Аким Ксенофонович, ловкость и быстрота реакции.

Задача Тобора стала бы куда проще, будь у него в наличии обычная танкетка на гусеничном или колесном ходу, которыми, как правило, пользуются космонавты при высадке на новую, неисследованную планету, или шагающий манипулятор, который тоже у них в чести, или — на худой конец — хотя бы стандартный панцирь, снабженный противометеоритным полем.

Но как быть, если ничего такого у испытуемого не имеется и ему приходится рассчитывать только на себя, на собственные, как говорится, возможности?..

Ничего не попишешь, именно таков девиз нынешнего, заключительного, цикла испытаний: аварийные условия. Именно они составляют суть многотрудного решающего экзамена Тобора, который должен продлиться в общей сложности тридцать суток.

Первая треть испытаний на исходе, и скоро будет объявлен перерыв для отдыха. Белковый Тобор, конечно, не ведает усталости, он мог бы пройти весь трехсуточный цикл без перерыва. Тобор, но не люди... Экзаменаторы буквально с ног валились от усталости.

Люди, сидящие в сферозале, знают: метеоритная полоса, как говорится, цветочки. Главное испытание сегодняшнего дня впереди.

...Кстати, об имени Тобор. Суровцев усмехнулся, припомнив, что именно он дал название институтскому детищу.

— А что оно, собственно, означает — Тобор? — спросил Петрашевский.

— Робот наоборот, — усмехнулся довольный Суровцев.

Сама по себе формула экзамена проста — проще не бывает; действие происходит, условно говоря, на чужой планете. Предположим, что группа космонавтов-изыскателей — и с ними белковый помощник Тобор — отделилась от материнского корабля и попала в беду, оказалась в результате непредвиденных обстоятельств начисто отрезанной. Все средства связи вышли из строя (как показала многолетняя история освоения далеких планет, такое, увы, подчас случается, какой бы совершенной ни казалась техника: природа неистощима на выдумки, и у каждой планеты свой норов). И вот, пока люди отсиживаются в пещере или каком-нибудь другом подвернувшемся укрытии, Тобор должен как можно быстрее добраться до корабля, чтобы сообщить о случившемся и вернуться с подмогой.

На этом-то своем условном пути к звездолету Тобор и должен сегодня преодолеть разного рода препятствия. Они воспроизводят те, которые встречаются в отчетах космических экспедиций прошлого...

Тускло мерцает огромный экран в напряженной полутьме зала. Трансляцию с дальнего полигона ведут бесстрастные приборы. Там, за десятки километров от уютного сферозала, проходит испытание, которое должно дать оценку многолетнему труду большого коллектива.

Если Государственная комиссия примет Тобор — рукотворное создание, в котором соединились, сплывались воедино качества машины и живого организма, — то камеры синтеза Зеленого городка получают как бы образец матрицы, по которой можно будет выращивать сотни и тысячи Тоборов — незаменимых помощников человека и на Земле, и в осваиваемых просторах солнечной системы, и на далеких космических путях.

Есть и еще одно обстоятельство.

Сейчас, когда проходит заключительные испытания Тобора Первого, готовится звездная экспедиция в загадочный район Бета Лиры. Для экспедиции зеленогородцы обещали предоста-

вить универсального белкового помощника. Времени для того, чтобы наладить серийное производство белковых, остается в обрез.

Потому-то и думать не хочется никому из сидящих в зале, что испытание может закончиться неудачей.

Нынче, в ходе экзамена, связь с полигоном, разумеется, строго односторонняя.

Никаких команд, никаких пояснений или добрых советов не может сейчас получать Тобор от своих создателей и воспитателей. Ведь все средства связи согласно сценарию испытаний пришли в негодность.

Спешит, торопится Тобор. Путь его далек и труден, чужая планета не изучена и коварна, и только на собственные силы и смекалку может он рассчитывать.

Гигантский осьминог продвигается резкими прыжками, каждый раз каким-то непостижимым образом увертываясь от метеоритов.

Влево... зачем-то чутью назад... вправо... И вдруг, когда впереди раздается особенно сильный взрыв, Тобор замирает на месте.

Идут мгновения, бесстрастно-торопливо перепрыгивает с деления на деление алая точка на табло хронометра, отсчитывая штрафные, — табло здесь же, рядом с экраном. А Тобор неподвижен, словно изваяние.

Ивану Суровцеву чудится, что пауза разрастается снежным комом, который катится с горы.

«Скорее! Скорее!» — мысленно кричит, молит, требует он, глядя на мощную фигуру, которая замерла посреди экрана.

То ближе, то дальше вспыхивают фонтаны метеоритных взрывов, а Тобор все чего-то выжидает.

— Новую стратегию вырабатывает, — вяло высказал Иван предположение.

— Нашел время!.. — отрезал сидящий рядом Аким Ксенофонович.

Суровцев промолчал, только потер кулаком слипающиеся от усталости глаза. Вот она когда сказывается, сумасшедшая гонка последних дней и месяцев.

Люди в зале стараются сохранять спокойствие. Они знают, что Тобор лишен каких бы то ни было ограничителей и полностью независим в своих действиях.

Для выполнения задания Тобору дан определенный отрезок времени плюс полная самостоятельность. Как распределить и использовать это время — его дело.

Так что сиюминутное поведение Тобора — быть может, пауза, которую он сделал для того, чтобы получше оценить конкретную ситуацию, решить, как лучше действовать дальше.

Только вот штрафных очков набрал он, пожалуй, многовато...

Блюдца-фотоэлементы Тобора настороженно обшаривают кусок метеоритной полосы, который еще предстоит преодолеть.

До кромки обстреливаемого поля расстояние еще изрядное — километра четыре, прикидывает Суровцев.

Не слишком ли все-таки медлит Тобор? И к земле вроде очень уж прижался. Никогда прежде на учебных испытаниях так не распластывался...

Иван до боли прикусил губу, чтобы прогнать вновь нахлынувшую дремоту, и в этот самый момент Тобор, оттолкнувшись пружинящими щупальцами, прыгнул наискось, в сторону большой, еще дымящейся после метеоритного взрыва воронки.

Нет, это не могло быть случайностью — любое движение Тобора, ученые знали, рассчитано с точностью до миллиметра. До сих пор Тобор избегал взрывов, теперь, казалось, сам искал с ними встречи.

Описав крутую параболу, Тобор свалился в самую середину горячей, с рваными краями воронки.

Сзади послышались одиночные аплодисменты. Звук был настолько необычен для этих стен, что Суровцев обернулся. Хлопал розовощекий альпинист, сидевший на самой верхотуре, в последнем ряду. Увидев, что привлек общее внимание, он смутился и опустил ладони на откидной пюпитр для бумаг. Аким Ксенофонтович, обернувшись, мельком глянул на альпиниста и снова вперил взор в экран, на который смотрел безотрывно с самого утра, изредка нашептывая в диктофон какие-то замечания.

Альпинист, Константин Дмитриевич, один из крупнейших специалистов своего дела, был приглашен Институтом Самоорганизующихся Систем для выработки у Тобора чувства равновесия, а также обучения его технике прыжка через препятствия.

— Тоб прыгнул с ювелирной точностью! Попал в серединку, не задев края... — пробормотал альпинист, как бы оправдываясь.

— В самое яблочко! — неожиданно поддержал альпиниста молодой вестибулярник.

Суровцев добавил:

— И дальность прыжка отменная. Спасибо, Костя! Выучил!..

Альпинист расцвел от поддержки. Здесь, в компании именитых ученых, чьи имена известны каждому школьнику, он чувствовал себя явно не в своей тарелке, хотя и сам был достаточно знаменит.

— В прошлом феврале у нас с Тобором на Тянь-Шане произошла забавная история. Он должен был перепрыгнуть с одного пика на другой... — начал альпинист, но посмотрел на каменный затылок Акима Ксенофонтовича и осекся.

Ученые были озадачены поведением Тобора. Путь его проходил теперь по ломаной, он прыгал из воронки в воронку.

Суровцев исподлобья посмотрел на Коновницына. Представитель Космосовета сидел в окружении членов Государственной комиссии. Липо Сергея Сергеевича, крупное, словно высеченное из цельной глыбы мрамора, выглядело непроницаемым.

Глядя, как Тобор осторожно высовывается из воронки перед очередным прыжком, выискивая следующую, Коновницын неожиданно улыбнулся, отчего сразу утратил значительную долю неприступности, и поправил упавшую на лоб мальчишескую челку.

Иван крепче сжал подлокотники кресла и заставил себя успокоиться.

— Ваше мнение, Иван Васильевич? — наклонившись, спросил Петрашевский.

— Тоб сочинил, по-моему, неплохую тактику, — ответил Суровцев. — Тем более, он сделал это на ходу.

— Неплохую, считаете?

Иван кивнул.

— Гм-гм... Но ведь путь его существенно удлинняется...

— Зато становится безопаснее.

— Вы можете это доказать? — живо перебил Аким Ксенофонович.

— Можно попробовать. На калькуляторе, — сказал Суровцев. — Используя теорию вероятностей.

— Тогда еще один вопросик, Иван Васильевич. Тобор просмотрел блок «Середина XX века», который я вам передал перед испытаниями?

Суровцев опустил голову, чувствуя, как лицо его запылало. «У старика память лучше, чем у любого запоминающего устройства, — подумал он. — Но Тобору-то зачем забивать голову всякой чепухой? Ведь память белкового хоть и огромна, но не безгранична. Хватит с него и этой глупой выдумки с древнегреческими Олимпиадами...»

— Не успел я, Аким Ксенофонович, — проговорил он. — Вы же знаете, какая у всех, в том числе и у Тобора, была в последние дни сумасшедшая запарка...

Он ожидал сурового разноса, хотя, честно говоря, и не понимал, какое отношение имеют старинные документальные ленты о событиях, давно канувших в Лету, к нынешним неожиданностям в поведении Тобора.

Однако директор ИСС, посмотрев на Тобора, совершающего очередной прыжок, неожиданно прошептал:

— Молодчина!

Между тем Тобор, пользуясь новой тактикой, почти преодолел метеоритную полосу: ему оставалось сделать всего три-четыре прыжка. Однако с каждым прыжком движения Тобора замедлялись.

Суровцев не один год занимался «воспитанием», совершенствованием сложнейшей белковой системы, именуемой Тобором. Преподносил ему все новые дозы информации, учил решать разнообразные задачи. Не раз Иван наблюдал институтское детище и в «полевых» условиях, сопровождая Тобора и на учебные полигоны Зеленого городка, и в дальних поисках, которые проводились на Марсе и Венере. И никогда не переставал любоваться своеобразной грацией движений Тобора, никогда не мог привыкнуть к этому захватывающему зрелищу — Тобор в прыжке.

Оттолкнувшись всеми могучими щупальцами враз и вытянув их в полете, Тобор вонзался в воздух, подобный живой торпед.

И сейчас, глядя на экран, Суровцев вспомнил приезжего скульптора, который провел в Зеленом городке несколько месяцев. Из всего, чем занимаются ученые Зеленого, скульптор больше всего восхищался Тобором и говорил, что непременно создаст его скульптуру для Марсианской выставки.

Еще прыжок...

«Жаль, нет в сферозале скульптора», — подумал Суровцев, вытирая взмокший лоб.

Рисунки Ю. МАКАРОВА

Тобор и теперь прыгнул по всем правилам тонкой и сложной легкоатлетической науки — под углом в сорок пять градусов, чтобы пролететь максимально большой отрезок, тем самым оставляя позади метеоритную полосу. Уже в полете он сумел увернуться от раскаленного болида — на обзорном экране этот увесистый обломок оставил прерывистый тающий след.

Люди в зале задвигались, зашумели, как бывает всегда после длительного напряжения.

— Хорошо прыгает Тобор! — заметил кто-то.

— Хорошо-то хорошо, да уж медленно больно, — сказал Коновницын. — Под конец мне стало казаться, что это замедленная съемка...

— Ну уж замедленная, Сергей Сергеевич, — возразил Суровцев. — Время еще есть — нагонит.

— И вы так считаете, Аким Ксенофонтович? — перевел Коновницын взгляд на Петрашевского.

— Мне вспомнился документальный фильм времен Великой Отечественной войны, — сказал вдруг директор ИСС.

Аким Ксенофонтович произнес эти слова негромко, но все, словно по команде, повернулись в его сторону.

— Между прочим, один из моих предков, как свидетельствуют исторические документы, отличился на той войне, — заметил Сергей Сергеевич.

— И что же?

— Перебирал я хронику той эпохи и наткнулся на эту ленту... Хотел включить ее в последний учебный блок Тобора, хотя некоторые мои коллеги посчитали, что это совершенно излишняя информация для белкового. А вот только что, представьте, убедился в своей правоте. И еще в том, что Тобор — просто молодчина!

— Что за лента, Аким Ксенофонтович? — заинтересовался Коновницын.

— Документальный кинорассказ о великой битве на Волге. Точнее — только один эпизод этой битвы. От города остались одни руины... В небе висят тысячи вражеских самолетов, поливая развалины смертью... — Голос Акима Ксенофонтовича дрожал от волнения. — Наши солдаты бросаются в контратаку под ураганным артиллерийским огнем противника. А в воздухе носятся клочья черной сажки... И снег почернел... Но я не об этом... — Петрашевский провел рукой по лицу и закончил при всеобщем молчании: — Солдаты прыгают в свежие, еще дымящиеся воронки от мин и снарядов. Инстинкт подсказывает им, что это всего безопаснее. Вот такой инстинкт мы воспитали и у Тобора, как вы только что видели. Точнее, создали необходимые предпосылки, а инстинкт прорезался сам собой в нужную минуту.

— Это хорошо, — сказал Коновницын, — но вы не ответили на мой вопрос. Я убедился, что Тобор соображает неплохо. Но почему он замедлил ход?

— Разрешите напомнить: испытания не закончены, — резко произнес Аким Ксенофонтович. — У Тобора есть еще до перерыва время, чтобы наверстать упущенное.

«Нервничает Аксен. — отметил про себя Суровцев. — И не мудрено: с Тобором творится что-то непонятное...».

Метеоритная бомбардировка происходила в вакууме: в атмосфере метеориты сгорали бы, не достигая поверхности. Поэтому испытательный участок отделялся от соседних силовым полем.

В последнем прыжке Тобор с налета протаранил мощную невидимую силовую стену, которую загоды, метров за пятьдесят-шестьдесят, нащупали его локаторы, и метеоритный дождь за его спиной, как по команде, прекратился.

...В первый миг Тобор замер от неожиданности: из царства безмолвия он без всякого перехода попал в мир оглушающих звуков — грома, треска, свиста, грохота.

По замыслу испытателей, этот участок имитировал молодую планету, обладающую мощной, к тому же неустоявшейся атмосферой. Здесь Тобора подстерегали препятствия другого рода — грозы, атмосферные вихри, ураганы, буйство газовых потоков, непрерывно пронизываемых электрическими разрядами.

— Именно такого рода условия ожидаются на планете в окрестности Бета Лиры, — напомнил Сергей Сергеевич, и люди в зале оживились.

Шли секунды — Тобор, как и положено, жадно поглощал и анализировал информацию об очередном испытательном участке, приспосабливаясь к новым условиям и вырабатывая соответствующую линию поведения.

У Суровцева екнуло сердце: опять Тобор медлит, опять включилось штрафное табло...

— Может, слишком большая нагрузка для одного дня?.. — бросил кто-то из членов Государственной комиссии. — Ведь это уже одиннадцатый этап.

Коновницын добавил:

— И отнюдь не последний на сегодня.

— Потенциал Тобора позволяет и вдвое и втрое большую нагрузку, — пояснил Аким Ксенофонович.

— Без отдыха... — вздохнул альпинист.

В зале заулыбались.

— В горах мы с Тобором регулярно устраивали привалы, — пояснил он, поняв, что опять сказал что-то не то.

— Видите ли, Костя, — снисходительно пояснил пожилой усатый инженер, который до сих пор молчал, — Тобор представляет собой машину. А машина не ведает усталости.

— Но привалы...

— Привалы были, видимо, необходимы вам, но отнюдь не Тобору, — улыбнулся усатый.

— И металл устает, — сказал альпинист.

— Значит, это плохой металл, — резко бросил Аким Ксенофонович.

...Солнца на экране не видно — лучи его бессильны пробиться сквозь низкие, стремительно бегущие к горизонту тучи, плотные, как войлок. Изредка из них брызжут косо летящие по ветру дождевики.

«Набухшие тучи сосцами волчицы по хмурой сентябрьской земле волочатся, тяжелые капли спокойно ложатся, и чудится: осень — на землю сочится», — припомнились Суровцеву знакомые с детства строки.

Уже несколько минут Ивана не покидало ощущение, что от его внимания только что ускользнуло нечто очень важное. Но что именно? То ли какой-то нюанс в поведении Тобора? То ли реплика кого-то из коллег прошла, не зацепившись в памяти?.. Проклятая усталость, которая никак не дает сосредоточиться!

Тобор уверенными, хотя и не такими быстрыми, как хотелось бы, прыжками, продвигался вперед, освоившись с новой обстановкой. Путь ему преградил шумливый метановый поток. Жидкость белковому была незнакома — так было задумано.

Трансляторы полигона крупным планом показали берег — топкий, болотистый. Щупальца Тобора увязали в нем почти целиком, оттолкнуться для прыжка он не мог.

Тобор подошел к самому краю несущейся пузырчатой жидкости и зачерпнул щупальцем малую толику для химического анализа. Затем бросился в поток.

Плыл он, словно угорь, ловко избегая столкновений с каменными глыбами и стволами деревьев.

Потом, подняв целое облако брызг, выпрыгнул на противоположный крутой берег и двинулся дальше.

Все бы ничего, но штрафные очки за промедление продолжали расти. Тобор медлил буквально на каждом шагу, словно его вдруг поразил некий вирус нерешительности. Например, химический и радиологический анализ метана занял у него четверо больше времени, чем того требовала предварительная раскладка испытателей...

Тобор поднимался по крутому склону, используя малейшие неровности почвы.

Завывал ураган, в ослабленном виде доносимый в сферозал динамиками, стихия пыталась оторвать Тобора и швырнуть его вниз, на разнокалиберные клыки скал.

Альпинист поднялся и, пригибаясь, пошел вниз по проходу. Он сел рядом с Петрашевским на свободное место и тронул Акима Ксенофонтовича за рукав.

...Константин Дмитриевич питал к директору ИСС высочайшее уважение (как, впрочем, и сотрудники института) и считал, что только с академиком Петрашевским он вправе поделиться одной неприятной догадкой, смутившей вдруг отважного альпиниста.

— Аким Ксенофонтович... — прошептал он.

Петрашевский нагнулся.

— Раньше, правда, я не замечал этого за Тобором... Но теперь оно могло появиться, — еще тише продолжал альпинист. — Ведь он продолжает совершенствоваться, да?

— Конечно, — кивнул Аким Ксенофонтович. — Сегодня Тобор не тот, что вчера.

— Но ведь не все изменения обязаны происходить в лучшую сторону? Что-то может и ухудшиться у Тобора, верно?

Академик с интересом посмотрел на альпиниста.

— А что вы, собственно, имеете в виду, Константин Дмитриевич? — спросил он, тоже невольно понижая голос и заражаясь волнением собеседника.

— Послушайте, Аким Ксенофонтович... — Альпинист от волнения едва не произнес «Аксен» — так называли академи-

на между собой молодые ученые института, с которыми альпинист успел сдружиться. Их привычку, кстати, прочно унаследовал и Тобор. — Я провел с Тобором наедине немало часов, немало тревожных дней... И в горах нашей планеты, и в лунных кратерах и цирках.

— Знаю.

— Порой нам приходилось несладко, очень несладко, — продолжал он. — Бывало и так, что оказывались на краю гибели. Что поделаешь, без этого нет профессии скалолаза.

— Я каждый раз самым внимательным образом знакомился с вашими отчетами, Костя, и помню их. Они, между прочим, немало помогли нашим воспитателям и инженерам, в них много ценных наблюдений над природой белкового. Но что же дальше? — спросил он, видя, что альпинист замешкался.

— Так вот, каждый раз в подобной сложной ситуации Тобор неизменно проявлял... ну, бесстрашие, что ли, если говорить нашим, человеческим языком. Полное отсутствие трусости.

— Инстинкта самосохранения, — машинально поправил Аким Ксенофонтович, с возрастающим вниманием прислушиваясь к сбивчивому шепоту Кости. — Этот инстинкт у него есть, конечно, но только в необходимых пределах. Иначе Тобор погиб бы в первом же серьезном испытании.

— Пусть будет инстинкт самосохранения, — торопливо согласился альпинист. — Дело не в терминах, в существе... Тобор, когда нужно было, ни мгновения не раздумывая, бесстрашно прыгал через каньоны, смело спускался в пропасти, на пики поднимался, да какие!.. Да и мне, сами знаете, жизнь однажды спас с риском для собственной... А теперь вот... Я не умею точно сказать, я не ученый... — Он кивнул на табло времени, на котором число штрафных очков продолжало расти, и выпалил: — Может, это у Тобора трусость вдруг прорезалась?

— Трусость? — переспросил Петрашевский.

— Ну да. Боязнь погибнуть. Может, испугался вдруг? Совершается же!..

— Нет, это не трусость, Костя, — после продолжительной паузы задумчиво произнес Аким Ксенофонтович, покачав головой. — Я и сам успел подумать об этом, когда Тобор преодолевал метеоритную полосу. Не трусость, не осторожность, не боязнь, не инстинкт самосохранения... Тут что-то другое.

— Так что же?

Петрашевский развел руками.

— Ума не приложу, — признался он. — Ничего подобного с Тобором прежде не бывало. Ведь перед самым экзаменом Тобору устроили генеральный прогон всего испытательного цикла. И он прошел его, батенька мой, великолепно.

— Знаю, Тобор более чем на четыре часа опередил расчетное время.

Некоторое время оба молчали, глядя на экран.

— А знаете, Константин Дмитриевич, из вас мог бы получиться неплохой ученый, — неожиданно оживился Петрашевский.

— Ну, что вы, Акс... Аким Ксенофонтович, — быстро поправился альпинист.

— Seriously. Я начал давно присматриваться к вам. Еще три

года назад, когда мы пригласили вас, чтобы выработать у Тобора технику скалолазания. Вы очень проницательный молодой человек. У вас, батенька, аналитический склад ума, а это не так часто встречается...

— Мое дело — горы, — пробормотал Костя, несколько сбитый с толку поворотом разговора.

Петрашевский улыбнулся:

— Горы без вас обойдутся.

— Они-то без меня — да, но не я без них...

— Вот что, голубчик, — решительно сказал Петрашевский. — Переходите-ка вы к нам, в ИСС. У нас, после того, как запустим этого красавца в серию, — кивнул он в сторону экрана, — работы ой сколько будет.

Альпинист покосился на собеседника: не смеется ли тот над ним?

— Ну какой из меня ученый, Аким Ксенофонович? — проговорил он. — Да я себя тут, в зале, каким-то инородным телом чувствую, честное слово.

— И зря.

— Я со школьной математикой все время не в ладах был, — выложил альпинист.

— Не в математике дело. Знания — дело наживное. Главное — умение правильно мыслить. Вы, Костя, прямо-таки генератор идей. Такие люди нужны институту как воздух, — заключил Аким Ксенофонович.

Между тем испытание продолжалось. Тобор преодолевал километр за километром, хотя ему сильно мешал не на шутку разыгравшийся ураган.

Кто-то из ученых заметил, что на этом участке Тобору сподручнее было бы перемещаться на гусеничном ходу. Реплика сыграла роль спички, поднесенной к сухому валежнику: в зале тотчас разгорелся спор.

Точнее сказать, то был отголосок и продолжение давних споров, которые, единожды начавшись, не затихали никогда. Они возникли, когда обсуждался вопрос, как должен перемещаться в пространстве Тобор, который только что покинул «материнское лоно» — камеру белкового синтеза.

Одни предлагали поставить Тобора на гусеницы, другие — на колесную площадку. Академик Петрашевский, бессменный координатор гигантского проекта «Тобор», выслушал всех и сказал:

— Шаги, шаги и только шаги! Бег — пожалуйста! Прыжки — превосходно! Природа за миллионы лет эволюции не придумала колеса, и это неспроста. Будущее — за шагающими и прыгающими механизмами...

Суровцеву припомнилось, как четыре года назад он переступил порог Института Самоорганизующихся Систем. Юный бионик только что окончил биологический факультет МГУ и получил — жутко ему повезло, просто сказочно, весь курс за-видовал! — назначение в Зеленый городок.

Тогда споры о способе передвижения Тобора были в самом разгаре, и Иван без оглядки ринулся в них.

— К чему вообще Тобору ползать по земле? — сказал он од-

нажды, когда Аким Ксенофонтович вошел в лабораторию. — Дадим ему крылья — пусть летает! Разве это сложно?

— Несложно, — согласился академик.

— Двигательный аппарат птицы давно промоделирован.

— И это верно, — охотно согласился Петрашевский и продолжал: — К этому нужно добавить, коллега, что наши белковые неплохо ориентируются в пространстве. Тем более белковый такого класса, как Тобор. Но прежде мы должны научить его перемещаться по земле, да так, чтобы любая преграда была ему нипочем. Без такого умения пользы от нашего Тобора будет на грош — что на Земле, что в космическом поиске.

— Пролететь проще, чем пройти.

— Не всегда, — улыбнулся Аким Ксенофонтович. — Кроме того, некоторые планеты, которые предстоит осваивать, лишены атмосферы. Тогда как прикажете?

— Срастить модель с реактивным двигателем.

— Представьте, мы тоже думали об этом. Часть серии мы снабдим двигателями, часть — крыльями. Но это все потом, потом... — махнул рукой Петрашевский. — Самое трудное — научиться ходить, прыгать.

— Прыгать?

— Именно, коллега! Человечество толком не научилось этому за тысячи лет своего существования. Знали, скажем, греки секрет дальнего прыжка, о чем свидетельствуют летописи древних Олимпиад. А потом секрет был утерян. Ну к древним Олимпиадам мы еще вернемся, Иван Васильевич, — пообещал тогда Петрашевский, уходя из лаборатории.

Нужно сказать, слово свое, как и всегда, Аким Ксенофонтович сдержал...

* * *

...Странное состояние испытывал Тобор. Странное и непривычное. Каждая клеточка его великолепного тела, казалось, непрерывно наливается тяжестью. Да, именно так электронный мозг мог бы подытожить ощущения.

Но отвлекаться не было времени.

Путь Тобору преградила каменная стена. Инженеры испытательного полигона сварили ее из обломков диабазовой скалы. Им, кстати, помогали другие белковые машины — предшественники Тобора, составляющие славу и гордость Зеленого городка.

Сначала Тобор, преодолевая свое состояние, тщательно осмотрел препятствие. Обойти стену нельзя. В таком случае прикинем ее толщину. Тобор включил лазерный зонд. «Около десятка метров у основания», — пришел он к заключению.

Принялся торопливо перебирать варианты. Мозг работал, как всегда, четко, только вот тело слушалось его все хуже и хуже.

Сделать подкоп?

Чуткие щупальца Тобора протянулись к основанию стены. Они снова и снова мяли, распатывали, рвали косную материю. Однако порода не поддавалась в точном соответствии с расчетами сопроматчиков.

Итак, оставалось единственное решение. Тобор пришел к не-

му довольно быстро, скостив с табло несколько штрафных очков, что вызвало ликование всех, кто собрался в сферозале.

Альпинист заерзал в кресле — снова пришел ему черед волноваться.

— Спокойно, Костя, — сказал Петрашевский, положив ему руку на плечо. — Будущий воспитатель белкового должен обладать железной выдержкой.

— Какова высота стены? — спросил Коновницын.

— Шестнадцать метров, — сказал Суровцев.

Тобор осторожно потрогал щупальцем острый алмазный шип. Такими шипами была обильно усеяна почва у подножия стены. Видимо, он вычислял степень риска в случае падения со стены.

Наконец белковый поднялся, его тело вытянулось и напряглось, словно струна. Казалось, он влип в скальную стену, в которую неунимающийся ураган продолжал швырять пригоршни колючего песка.

Несколько осторожных, ювелирно точных движений — и Тобор оторвался от земли и двинулся вверх по стене.

Теперь главную опасность представлял для него ветер, направление и силу которого в каждый последующий миг предугадать было невозможно.

Это было в высшей степени опасное предприятие: Тобора могло погубить одно-единственное неверное движение. Для него, не защищенного обычным панцирем и полем, падение на алмазные шипы означало мгновенную смерть. Белковый, конечно, осознавал это, тем не менее он упорно продолжал пядь за пядью продвигаться вверх.

— А вы говорите — Тобор осторожничает, — бросил Петрашевский, обращаясь к альпинисту.

— Но какова память! — восхищенно воскликнул на весь зал альпинист. — Он запомнил каждое движение, которое я хоть раз показал ему.

— Не память, батенька, а запоминающее устройство, — буркнул Аким Ксенофонович, наблюдая замедленные движения щупалец Тобора.

«Похоже, меня поразила та же болезнь, что и Тобора, — подумал Суровцев, преодолевая подступающую дремоту. — Сонная одурь какая-то...»

В попытке сосредоточиться он на несколько секунд прикрыл глаза, представил себе осеннюю тайгу, широко раскинувшуюся там, за куполом сферозала.

Открыв глаза, Суровцев увидел, что Тобор достиг верхушки стены.

Полоса острых шипов по другую сторону стены была построена с таким расчетом, что белковый мог перескочить через нее, лишь напрягши до предела все без исключения мышцы.

В чем-чем, а уж в прыжках своего воспитанника Суровцев был уверен. Этот вид перемещения в пространстве был отработан на учебных полигонах института, как говорится, на совесть.

...В том, что прыжки — вовсе не такая простая штука, как кажется на первый взгляд, молодой специалист Иван Суровцев убедился довольно скоро. Выяснилось, что нет на свете хит-

рее такой вещи, как научить прыгать разумную белковую систему, которая слушается тебя с первого раза. Нет, не просто прыгать — правильно прыгать. Ну хорошо. А что же это значит — правильно прыгать?..

Весь опыт прыгающих земных существ пришлось пустить в ход. Весь — от тушканчика до кенгуру. В ИСС изучали строение волокон их мышц, угол прыжка, стартовую скорость, дальность полета — да мало ли что еще!

В те времена, когда Тобора учили прыгать, первое место на стеллажах институтских лабораторий занимали бесчисленные рулоны пленок. На километрах лент были запечатлены разнообразные существа, либо распластавшиеся в прыжке, либо готовящиеся к нему, либо уже приземлившиеся...

Суровцев, как и его коллеги, часто задумывался над утраченным секретом античных стадионов, тайной сверхдальнего прыжка, которой владели тогдашние легкоатлеты.

...Прилетев в первый раз в Грецию (потом-то он бывал здесь не раз, бесплодно пытаясь раскрыть мучившую не его одного тайну), Иван Суровцев долго стоял перед мраморной плитой, потемневшей от времени. Плита оливкового цвета как бы обуглилась по краям, мелкие трещины разбежались по ее поверхности, словно морщины на старушечьем лице.

Снова и снова перечитывал Иван надпись на плите, которая гласила, что достолавный Фаилл во время оно прыгнул в длину на много ни мало на шестнадцать метров...

«Мы говорим о прогрессе в спорте, — подумал тогда Суровцев, тщательно переписывая в записную книжку надпись, выбитую на плите. — Но вот прошло несколько тысячелетий, и во второй половине двадцатого века (нашей, разумеется, эры!) во время Олимпиады в Мехико Р. Бимон пролетел примерно вдвое меньше. И что же? Его прыжок был объявлен фантастическим спортивным достижением — да так оно и было. Так о каком же прогрессе в спорте может идти речь?!»

Потом Иван долго бродил среди развалин, по территории древней Олимпии, которую Высший Совет Земли объявил заповедной зоной.

Кое-что, в соответствии с древними документами, было реставрировано.

Вновь бурлил многоводный Алфей, долина которого и явилась колыбелью Олимпийских игр эллинов. Вокруг громоздились горы и холмы, сглаженные временем.

Суровцев перешел по бревнышку через русло высохшего ручья и по еле приметной тропке поднялся на гору. Нещадно палило солнце, пахло полыньей, мятой, по обе стороны тропинки самозабвенно стрекотали цикады. «Сколько же тысяч ног прошло по этой каменистой почве?» — подумал Иван, вытирая лоб. Ему показалось, что здесь, на земле Эллады, явственнее, чем в любой другой точке Земли, ощущаешь преемственность поколений... Только, увы, не полную. Кое-что на этом поступательном пути теряется — и, быть может, безвозвратно.

На вершине Суровцев остановился. Отсюда хорошо был виден окаймленный кустарником храм Геры, супруги Зевса, который недавно восстановили. Близ этого храма проходили Геройды — женские спортивные игры, подобные Олимпиадам.

За храмом Геры выстроилось в ряд несколько строений — каждое на свой лад. Порттики, арки, колоннады... Каждый независимый город Древней Эллады почитал за честь выстроить здесь собственное здание, в котором хранились богатые дары Олимпии.

Немало пришлось повозиться реставраторам о портиком Эхо. Древние не ведали усилителей и микрофона: глашатай объявлял победителей в этом портике, и хитрое эхо семикратно повторяло их имена. Не так ли некогда прозвучало здесь и имя Фаилла, секрет прыжка которого Суровцев пытается ныне раскрыть, чтобы подарить его Тобору?..

Нет, секрет этот так и не удалось раскрыть, хотя несколько раз казалось, что решение вот-вот отыщется. Но поиск не пропал даром — ученые Зеленого городка кое в чем обогатились.

И уж, во всяком случае, все, что знали они о технике прыжка, было тщательно привито Тобору.

...Итак — финальные испытания, Тобор на верхушке каменной стены, у подножия — оцетинившиеся стрелы пипов.

Глядя на экран, Суровцев перенесся из долины Алфея в нынешний день.

Тобор сжимается, словно стальная струна, и прыгает. Все вроде бы правильно — Суровцев готов голову дать на отсечение: и стартовый угол, и толчок, и наклон тела перед прыжком. И однако, еще когда Тобор находился в воздухе, Суровцев понял, что сейчас произойдет.

Нет, это не прыжок Фаилла!

Тобор не сумел перескочить «шкуру дикобраза», и щупальце его напоролось на шип.

Суровцев чуть не вскрикнул, представив себе, какую боль испытывает сейчас его воспитанник. Ведь отключить болевые ощущения, чтобы избавиться от них, Тобор не имел права. Без боли сложная белковая система вообще не могла бы существовать: боль — это сигнал из определенного участка тела, что там не все благополучно. Боль в данном случае — регулятор обратной связи, без которой нет жизни...

Коновницын огорченно крикнул.

— Бедняга Тобор!.. — только и произнес Аким Ксенофонович, глядя на белкового, который, подволакивая щупальце, продолжал путь.

Каждый понимал, что теперь, после травмы, положение еще более осложнилось — теперь судьба всего экзамена могла быть поставлена под угрозу.

Между тем, преодолев кое-как участок ураганов и бурь, Тобор нырнул в Трехмерный Лабиринт. Здесь его поджидали препятствия другого рода, требующие не столько силы и ловкости, сколько напряженной до предела работы мозга.

В Лабиринте дела у Тобора пошли получше, и настроение у людей в зале поднялось.

Кстати сказать, ведь и для людей экзамен Тобора был не легким испытанием. Дело в том, что доверить экзамен машинам было невозможно, пусть даже самым умным и совершенным. В конце концов, и испытывалась-то не машина, а нечто гораздо большее. Нельзя было и раздробить экзамен на не-

большие отрезки времени, что было бы для людей, несомненно, облегчением.

Тобора необходимо было испытать, что называется, на едином дыхании.

Единственное, на что согласились скрепя сердце члены приемной комиссии, «учитывая несовершенно природу человека», как сказал Коновницын, — это разбить испытание на три равных периода, каждый из которых должен был составить сутки. Больше, чем сутки, человек не выдержит без отдыха. А если и выдержит — внимание неизбежно притупится. Человеку после напряженной работы необходимы несколько часов отдыха. Человеку, но не Тобору: это было аксиомой для каждого ученого Зеленого городка.

Тобор продолжал споро решать загадки Лабиринта, намного опередив расчетный график. Одну за другой щелкал он логические головоломки, не поддающиеся программированию.

Кое-кто, не покидая места, заказал по чашечке кофе. Есть никому не хотелось.

Суровцев, вытащив из кармана калькулятор, с которым никогда не расставался, с головой ушел в сложные расчеты.

— Я вот хотел спросить у вас, Аким Ксенофонтович... — произнес альпинист.

— Да, Костя? — подбодрил Петрашевский.

— По каким законам возникают воспоминания?

— Воспоминания?

— Вот, например, один человек рассказывает о чем-то, вспоминает прошлое. Или пережитое. А второй слушает его — и вспоминает свое...

— Вы имеете в виду цепочки ассоциаций?

— Вот-вот, — обрадовался альпинист. — Есть какая-то закономерная связь между двумя такими воспоминаниями?

— Видимо, какая-то корреляция должна быть, — сказал задумчиво Аким Ксенофонтович. — А знаете, батенька, это могла бы быть тема важного научного исследования, — добавил он и черкнул строчку в раскрытом блокноте.

— Когда вы рассказывали о битве на Волге, — продолжал альпинист, — я сразу вспомнил город, в котором родился и живу.

— А где вы живете?

— В Магистральном.

— Давно собираюсь побывать в Магистральном, да вот не выберусь никак. Вот сдадим Тобора в серию — и нагрянем к вам с Иваном Васильевичем.

Суровцев услышал свое имя и кивнул, не отрываясь от калькулятора, хотя, быть может, и не расслышал толком, о чем идет речь.

— Примете? — спросил Петрашевский.

— По первому разряду! — оживился альпинист. — У нас есть что посмотреть. Например, подлинную технику, которой пользовались строители Байкало-Амурской магистрали: самосвалы, экскаваторы, вертолеты. И еще у нас есть рубленные избы, даже палатки, в которых строители жили поначалу...

К их разговору начали прислушиваться. Пока испытание шло

гладко, люди получили возможность на несколько минут расслабиться.

— Вы, наверно, всю магистраль знаете, Константин Дмитриевич? — вступил в беседу Коновницын.

— Как свои пять пальцев. Я пешком прошел ее несколько раз из конца в конец.

— А какое место на магистрали самое интересное? — спросил неразговорчивый уса.

— Трудно сказать... — задумался Костя. — У нас там каждый город имеет свое лицо: Пурикан, Силип, Штурм. Вся магистраль — живая история.

— Да, вернемся к началу нашего разговора, Костя, — сказал Петрашевский. — Какое отношение имеет ваш город к битве на Волге? Война ведь не докатывалась до Магистрального.

— Во время Отечественной войны этого города вообще-то на свете не было, — подтвердил альпинист.

— Вот видите.

— И все-таки мой город самым прямым образом связан с Волгоградом! — продолжал альпинист. — Тут ассоциация прослеживается четкая. Эти два города связывают... рельсы.

— Рельсы?

— Да, обычные стальные полосы, которыми пользовались транспортники до появления машин на воздушной подушке.

— Разве эти два места в то время были связаны рельсами? — удивился Петрашевский. — А я-то полагал, что достаточно знаю двадцатый век.

— Нет, было иначе, Аким Ксенофонович. У нас в Музее БАМа хранятся рельсы. На них можно заметить следы пуль, осколков и пламени...

— Что же это за рельсы?

— О, это рельсы не простые... Это самые первые рельсы, которые уложили в тело магистрали. Ее начали строить задолго до вражеского нашествия. Ну а потом грянула война. Великая Отечественная... В битве на Волге решалась участь страны, судьбы всего мира. Нашим саперам рельсы срочно понадобились, чтобы навести переправу через Волгу, взамен разбомбленной. Рельсы сняли с магистрали и отправили их на Волгу... Через много лет после войны рельсы разыскали и вернули на берега Амура. Это был первый экспонат музея, посвященного Байкало-Амурской магистрали, — закончил Костя.

...Тобор преодолел Лабиринт. Сегодняшний цикл предполагал еще два испытания.

Перед Тобором выросла конструкция неизвестного ему назначения. Белковому предстояло исследовать ее. Не исключено ведь, что и такого рода задачи придется решать ему в экспедиции на Бета Лыры...

Теперь роль Тобора на время сменилась. Он перестал быть связным между группой космонавтов, попавших в беду, и материнским кораблем, который должен прислать помощь. Белковый стал разведчиком — испытателем новой планеты...

Металлические плоскости, пластиковые закругления поблескивали в лучах прожекторов. Конструкция поражала не столько размерами, сколько сложностью и необычностью.

Тобор произвел фотосъемку объекта с нескольких точек, затем сделал наружные замеры, взял пробу на радиацию, после чего открыл массивный люк и бесстрашно двинулся внутрь.

Вскоре на боковом экране начали выскакивать символы и цифры, которыми сыпал Тобор, приступивший к исследованию внутреннего строения объекта.

Монтажеры, сидевшие в зале, только кивали удовлетворенно, сверяя информацию робота со своими данными.

Вскоре Тобор решил общую задачу, определив, что установка предназначена для синтеза ядер тяжелых элементов.

— Двести штрафных очков долой! — воскликнул Суровцев.

Погасли прожекторы, растаяла вдали оставленная Тобором установка. На дальнем полигоне сгустились сумерки. И вскоре далеко перед белковым, там, на самом краю условного мира, сурового и странного, запылали малиновые зарницы.

— Вечерняя заря? — спросил Костя, невольно заражаясь общим волнением.

— Отблески лавы, — отвечал Суровцев.

Да, предстояло последнее испытание, венчающее сегодняшний цикл...

Тобор поднимался в гору, которая вновь напомнила Ивану холмы Греции.

Как только не старались Суровцев и его коллеги раскрыть секрет прыжка древних атлетов! Они собирали о древних Олимпиадах всю информацию, какую только удавалось отыскать, и просеивали ее сквозь сито ЭВМ в надежде, что хоть какие-то нужные им крупинки осадут в ячейках логических схем. Каких только предположений не строилось по поводу фантастических этих прыжков!

Были и такие в ИСС, кто попросту сомневался в достоверности древней надписи, выбитой на мраморной плите. Таких, правда, были единицы. Потому что до этого бывало уже не раз: археологи обнаруживали на территории, где проходили античные Олимпиады, очередную плиту, надпись на которой казалась немыслимой, а потом оказывалось, что она отвечает фактам с документальной точностью...

Ну а с Фаиллом как же обстоит дело?!

Доведенный до отчаяния неудачными попытками расшифровать секрет его прыжка, Суровцев однажды ночь напролет пробрел в долине Алфея. Ему казалось: исчез мост протяженностью в несколько тысячелетий, отделяющий его от античного мира. Вокруг звучали голоса атлетов и гостей, которые со всех концов Эллады съезжались на очередную Олимпиаду. Остановить бы одного из них да расспросить хорошенько!..

Вот Иван не спеша приближается к длинному двухэтажному зданию, перед которым выстроился целый лес колонн. Пересчитывает — их сто тридцать восемь. Память фиксирует мельчайшие детали, и каждая выпукла, зрима, рельефна.

У здания царит большое оживление, люди суетятся, носят узлы, баулы. «Это Леонидион, — догадывается Суровцев, — олимпийская гостиница для почетных гостей. По свидетельству историков, равной ей по величине и комфорту нет и в Афинах...»

Он жадно ловит реплики, обрывки разговоров: вдруг среди них мелькнет то, что никак не дается в руки!

Быть может, секрет прыжка в особой разминке? В специальной тренировке? Быть может, ему способствует — чем черт не шутит! — то, что эти атлеты перед спортивным состязанием натирают тело оливковым маслом?

Особые надежды воспитатели Тобора возлагали на прыжок с грузом. Изображения этих особых гантелей, выполненных из металла либо камня, имелись на многих древнегреческих вазах? И все эти изображения, как и прочая информация, связанная с прыжками древних, собирались на отдельные информационные блоки. Да-да, те самые, которым под конец Аксен придумал столь неожиданное применение.

Блуждая в долине бурного Алфея, Иван мысленно твердит описание грузов для прыжка, данное Павсанием, — вероятно, каждый в ИСС помнит это место наизусть. «Эти гири, — пишет Павсаний, — имеют такой вид: посередине они представляют собой несколько удлиненный, не совсем правильный круг-диск. Он сделан так, что через него можно пропустить пальцы рук таким образом, как через ручку щита». Могло ли прийти в голову Павсанию, что эти гантели будут сжимать не только руки, но и... щупальца?!

...Да, Тобор прыгал и с грузом тоже. Для него умудрились раздобыть подлинные гантели, которыми пользовались древние олимпийцы.

Ничего не получилось — Тобор с грузом прыгал хуже.

Тогда пригласили на учебный полигон Зеленого городка лучших легкоатлетов Земли, прыгунов-рекордсменов: результат был тот же.

Чего только не делали воспитатели, на какие ухищрения не пускались! Они варьировали вес гантелей от полутора до четырех с половиной килограммов, следуя все тому же Павсанию. Испытывали разные способы прыжка. Увы!..

Многочисленные статуи, полускрытые ночной листвой, облитой лунным сиянием, глядят на странного гостя, так кажется Ивану, с насмешкой. Не вчера ли вышли эти фигуры из-под резца Праксителя или Фидия?

...Молча глядит на пришельца Зевс-Громовержец, восседающий на золотом троне под сводами олимпийского храма. И Суровцеву вдруг чудится, что на троне вовсе и не Зевс, вырезанный из слоновой кости, а Фаилл. Легендарный прыгун едва заметно улыбается Ивану... Впрочем, ничего странного, думает тот, что Фаилл очутился на троне. Ведь древние греки победителя Олимпиады считали равным богу...

Больно ударившись локтем об угол калькулятора, Суровцев пришел в себя.

Тускло мерцал экран. Тобор, волоча поврежденное щупальце, продолжал подъем, который становился все круче. Отблески пламени вдали становились ярче и как бы оживали, приобретая подвижность.

Потирая ушибленное место, Суровцев снова подумал, что своей последней акцией Аксен, пожалуй, дал маху. Он вернулся с мыслями к событию, происшедшему накануне испытаний Тобора и взволнованному весь коллектив ИСС.

Все дело в том, что объем памяти Тобора хоть и велик, но, естественно, не беспределен. Завбота ученых — заполнить его той, и только той информацией, которая будет впоследствии необходима белковому. Не мудрено поэтому, что каждый отдел института «сражается» со всеми прочими буквально за каждый лишний бит информации, который можно вложить Тобору. (По этому поводу знакомый художник Суровцева по его просьбе нарисовал ядовитую карикатуру для институтской стенгазеты: начальники многочисленных отделов группы «Тобор» гонятся друг за другом, хватают один другого за руки, за полы пиджаков. Внизу — подпись: «Нет ли у вас лишнего БИТИКА?»)

И тут вдруг Аксен своей властью делает нечто, с точки зрения Суровцева, совершенно несусветное. Да еще перед самым экзаменом!.. Академик забирает у Тобора несколько блоков информации, уже привитой ему и согласованной в жарких спорах на семинарах, и дает белковому взамен для усвоения другие... Сам по себе этот факт возражений вызвать не может — в конце концов, руководитель проекта имеет на это право. Все дело в том, какие именно блоки дал Тобору Петрашевский. А дал он ему всю информацию, которую сотрудникам ИСС удалось наскрести... об атлетах Древней Эллады, об античных прыгунах.

— Никчемущная затея, Аким Ксенофонович, — сказал ему Суровцев, узнав о распоряжении шефа.

— Посмотрим, батенька, посмотрим, — возразил Петрашевский.

Разговор их происходил в той же лаборатории, где юный Суровцев, приехавший по назначению в Зеленый, впервые познакомился со знаменитым академиком.

— Мы-то ведь не сумели извлечь из этой груды информации, которой вы загрузили Тобора, ни единого жемчужного зернышка, — продолжал атаку Суровцев. В результате акции Петрашевского его отдел пострадал больше прочих.

— Мы не смогли, авось Тобор сумеет.

— У него на это времени не остается! — воскликнул Иван Васильевич.

— Не согласен, коллега, — покачал головой Петрашевский. — Время для робота течет не так, как для человека. И еще одну вещь вы забываете... Экзамен для нашего детища — высшее напряжение всех его сил, всех возможностей.

— Мы примерно представляем себе...

— Не совсем так, батенька, — мягко перебил его Аким Ксенофонович. — Попав в чрезвычайные обстоятельства, Тобор сможет и мыслить по-другому, на другом уровне. Например, как человек, который в минуту смертельной опасности может совершить такое, что ему абсолютно не под силу в спокойной обстановке.

— Тобор — не человек.

— Не спорю. Но наше дело, наш долг, если хотите, — сообщить Тобору все, что мы, люди, знаем о прыжке как о способе перемещения.

— Но мы предоставим Тобору все современные данные по теории прыжка, — сказал Суровцев. — Разве этого мало?

— Я пришел к выводу, что мало, Иван Васильевич. Поймите, прыжки — основной способ передвижения Тобора по твердой поверхности. Посмотрим, насколько он способен самостоятельно решать задачи...

...Суровцев отяжелевшим взглядом следил, как Тобор движется навстречу главному испытанию дня. Двигается, отягощенный грузом штрафных очков, с поврежденным щупальцем, в непонятно почему замедленном ритме. Последнее больше всего беспокоило испытателей.

Вдали показалась сопка, над которой курился синий дымок. Пеповоротливые клубы подсвечивались снизу языками пламени, казавшимися мирными и неопасными.

Время от времени Тобор останавливался на мгновение, фиксировал круговую панораму, затем двигался дальше, и следом прыгала тень, огромная и угловатая.

Последний перевал — и перед Тобором открылся вулкан.

Трансляторы на несколько секунд показали кратер. Экран налился нестерпимым светом, все зажмурились.

В глубине жерла перекатывались тяжелые волны огнедышащей лавы, и Суровцеву почудилось на миг, что в лицо пахнуло зноем, словно он находился там, рядом с Тобором.

Белковый сделал последний шаг, и два передних щупальца его, словно два мамонтовых хобота, повисли над пропастью. Мелкая базальтовая крошка, потревоженная тяжелым Тобором, двумя тоненькими струйками потекла вниз. Достигнув поверхности лавы, они мгновенно превратились в два облачка пара. Тобор стоял неподвижно, наблюдая, как два облачка вспухают, сливаясь постепенно в одно облако.

— Остановите Тобора, Аким Ксенофонтович! — неожиданно для себя выкрикнул альпинист, нарушив хрупкую тишину зала. — Он погибнет. В таком состоянии ему не перепрыгнуть кратер!..

От крика Петрашевский поморщился, но ничего не ответил.

— Отдайте команду, остановите испытания! — вмешался Коновницын, обращаясь к академику.

От ярко светящегося экрана в зале стало светлее, и Суровцев увидел, как при словах Коновницына побелело лицо Акима Ксенофонтовича.

— Отдать команду, остановить их — значит сорвать испытания, — тихо проговорил он. — Тобор получит оценку «нуль».

— А если Тобор погибнет?

— Тобор не погибнет, — произнес Петрашевский. — Я это знаю, Сергей Сергеевич.

И столько спокойной уверенности было в его голосе, что Коновницын, видимо, заклебался.

— Под вашу ответственность, Аким Ксенофонтович, — бросил он наконец.

Петрашевский кивнул, будто ничего другого и не ждал. Только по тому, как руки его сжали подлокотники, Суровцев понял, что происходит сейчас в душе старого академика.

На экране хорошо было видно, как мерно подрагивает сопка. Тяжелые серные испарения просачивались сквозь трещины и изломы породы, вырывались наружу, словно пар из прохудившегося котла. Далекий противоположный берег кратера тонул

в розовой дымке испарений. Обойти пропасть нельзя. Ее можно было только перепрыгнуть.

Тобор, пятясь, отошел на десяток метров от края пропасти. — Готовит место для разбега, — прошептал альпинист.

Но альпинист ошибся.

Тобор приблизился к пику, который одиноким зубом торчал на самом краю небольшого плато, расположенного перед вулканом. Потрогал верхушку скалы, словно что-то прикидывая, затем обхватил ее щупальцем и с силой рванул, выломив изрядный кусок базальтовой породы.

— Хотел бы я знать, что у него сейчас на уме... — пробормотал альпинист, как зачарованный глядя на экран.

Тобор, примерившись, точно рассчитанным ударом об основание скалы разбил обломок на две части примерно равного объема. Подержал их на разведенных в стороны щупальцах, сравнивая вес. Затем принялся оббивать один из обломков, добиваясь, чтобы веса их сравнялись. Чувство гравитации, так же как и другие, было у Тобора абсолютным.

«В каждом обломке килограммов по полтора», — прикинул машинально альпинист. Он начал догадываться, с какой целью готовит Тобор тяжелые обломки, и беспокойно заерзал в кресле.

— Неужели Тоб решил прыгнуть с грузом? — шепнул наконец альпинист.

Суровцев буркнул:

— Боюсь, что да.

— Но ведь Тобор с грузом прыгает хуже, чем без груза, — заволновался альпинист. — Мы же многократно проверяли рецепт Павсания... Иван, что же ты молчишь?

Суровцев пожал плечами.

— Аким Ксенофонтович! — схватился Костя за руку Петрашевского. — Теб не допрыгнет и до середины. Остановите испытания!..

— Если Тобора что и может сейчас спасти, Костя, так это груз, — мягко произнес Петрашевский, забирая руку.

Тобор зажал в каждом из передних щупалец по увесистому обломку и отодвинулся на самый край плато. Затем, тяжело разогнавшись на свободных щупальцах, оттолкнулся от края кратера. Одновременно щупальца с грузом он вытянул перед собой. Затем резко отвел их назад, за туловище.

Это походило на чудо. Это был полет, настоящий полет, хотя и без крыльев.

Когда до противоположного края пропасти оставалось с десятков метров, Тобор с силой отбросил прочь от себя оба обломка. При этом скорость его увеличилась.

Коновницын крикнул с досадой: Тобору не хватило нескольких сантиметров, чтобы допрыгнуть до края пропасти. Однако он сумел дотянуться до края освободившимися от груза щупальцами, которые намертво присосались к горной породе.

Собравшись с силами, он подтянулся на щупальцах и выбрался из жерла вулкана.

По просьбе Коновницына был воспроизведен прыжок Тобора в замедленном темпе. Прыжок с грузом повторяли еще и еще, а Сергей Сергеевич хмурился, вглядываясь в экран, и взгляд его был непроницаем.

После этого светящаяся поверхность экрана медленно погасла — первый день испытаний закончился. Успешно или нет — это еще предстояло решить, настолько необычны и противоречивы были его результаты.

Вспыхнули панели освещения. Несколько секунд люди сидели молча, все еще во власти только что виденного, затем начали шумно подниматься с мест, разом заговорили. Да, материала для обсуждения хватало с избытком...

— Честное слово, в горах приходилось легче, — проговорил Костя, ни к кому в отдельности не обращаясь.

Коновницын взял Петрашевского под руку, и они медленно двинулись к выходу.

— Есть разговор, Аким Ксенофонтович, — сказал председатель Государственной приемной комиссии. «И, боюсь, нелегкий», — добавил он про себя.

Шагая чуть быстрее, их обогнал Суровцев. Петрашевский посмотрел на него, затем перевел вопросительный взгляд на Сергея Сергеевича.

— Ваш заместитель нам не мешает... Что с вами? — воскликнул Коновницын, глядя на бледного Суровцева. — Не надо так убиваться!

— Ничего... Пройдет, — пробормотал Иван, придерживаясь за спинку кресла.

Голова Суровцева раскалывалась от боли, ноги были словно ватные. И снова, как и несколько часов назад, у него возникло ощущение, что во время испытаний он упустил нечто важное. Но что же именно? То ли какой-то штрих в действиях Тобора на полигоне, который мог бы дать ключ к разгадке странно-

стей в его поведении? То ли дельную реплику кого-то из коллег? Мысль ускользала, не давалась.

У выхода Суровцева с таинственным видом поманил в сторону Костя.

— На два слова, Ваня, — шепнул он, увлекая приятеля в укромный уголок фойе, за пальму.

Иван прислонился щекой к шершавому стволу:

— Говори.

— Вы сейчас будете решать судьбу Тобора... Ну, не судьбу — вечно я нужное слово не могу найти. В общем, будете итоги первого дня подводить. Так, что ли?

— Что там подводить, — попытался улыбнуться Суровцев. — Все итоги — на штрафном табло.

— Не темни, Иван. Я же видел, какие лица у Коновницына и Аксена. Мрачнее тучи!

— К делу, — попросил Суровцев.

— Табло — это еще не все, Иван, — чутьчку торжественно выложил альпинист, видимо, давно заготовленную фразу. — Разве поступки человека можно оценить только в цифрах да баллах? Погоди, — схватил он его за рукав, когда Суровцев сделал движение. — Ты же знаешь, Тобор спас мне жизнь. Рискуя собственной!

— Все учтем, Костя...

— Неужели вы прервете испытания?

Суровцев вздохнул:

— Не я решаю это, дружище.

— Но они тебя пригласили, я видел, — горячо проговорил альпинист.

— Ну и что?

— Убеди их, что Тобор не трус. Головой ручаюсь. Нет у него чрезмерно развитого, как его... инстинкта самосохранения.

— В таком случае, что же с Тобором приключилось?

Альпинист с виноватым видом развел руками:

— Если бы я знал, Ванюша...

— А еще переходить в ИСС собираешься! Аксен семь шкур с тебя спустит, если услышит «не знаю». Он таких слов не признает. Учти это.

— Может быть, и в самом деле не надо было учить Тобора этим проклятым прыжкам, — тихо сказал Костя. — Пусть бы передвигался на колесах. Либо гусеницах.

— Аксен прав: ты, Костя, прямо-таки генератор идей, — сказал Суровцев, прощаясь.

— Выпись как следует, Иван, — произнес ему вслед альпинист. — Ты не Тобор, тебе отдых нужен.

У выхода Суровцева поджидали Коновницын и Петрашевский. Остальные успели разойтись.

— Пройдемся, — предложил Коновницын.

Вечерело, и пластиковые дорожки, разбегающиеся в разные стороны от купола, начинали светиться. Долго шли молча — никто не хотел начинать тяжелый разговор.

— Вы куда сейчас, Сергей Сергеевич? — первым нарушил затянувшуюся паузу Петрашевский.

— Нужно малость прийти в себя, — вздохнул Коновницын. — Пойду к себе в гостиницу. Это, конечно, не Леониди-

он, о котором рассказывал нам Иван Васильевич. Ну, да и я ведь не являюсь почетным гостем Олимпиады.

Петрашевский и Коновницын шли по дорожке, с которой садовый робот, видимо, совсем недавно сгреб опавшие листья. Суровцеву дорожки не хватило, и он шагал рядом, по жухлой траве, тяжело переставляя ноги.

— Да, завтра нам всем опять предстоит нелегкое испытание, — подхватил Петрашевский.

— Нам, пожалуй, приходится не легче, чем Тобору, — вставил Суровцев.

Коновницын замедлил шаг и сказал:

— Давайте признаем: Тобор оказался неподготовленным к экзамену. Замысел интересен, согласен. Но модель явно не дотянута. Поспешили вы приглашать комиссию.

— Трассу дня он прошел, — произнес Петрашевский.

— А какой ценой? — воскликнул Коновницын. — Сколько штрафных очков он заработал? Мнение членов комиссии мне известно — я устал с ними переговорить. Оно у нас единое.

— Во время генерального прогона, накануне экзамена, Тобор показал... — начал Петрашевский, но Коновницын с живостью перебил его:

— Аким Ксенофонтович, миленький, да поймите же! Предыстория нас не интересует и интересовать не может. Если бы дело обстояло иначе, зачем нужны были б экзамены?

Суровцев опустил голову: возразить было нечего. Но его шеф не собирался без боя сдавать позиции.

— Хорошо, Сергей Сергеевич. Давайте говорить только о сегодняшнем цикле, — согласился он. — Разве сегодня Тобор занимался только тем, что набирал штрафные очки? А Трехмерный Лабиринт, который он прошел быстрее, чем планировалось?

— А как Тобор расправился с установкой для ядерного синтеза? — добавил Суровцев. — Он на ней добрых двести очков сбросил.

— Не спорю. Однако в звездной экспедиции Тобору предстоит решать не только логические головоломки, не только задачи на сообразительность.

Помолчали.

— А вулкан, через который Тобор перепрыгнул? — выложил Петрашевский главный козырь.

— Насчет вулкана разговор особый, Аким Ксенофонтович, — сказал Коновницын. — Прыжок с грузом был великолепным, признаю. И знаю, что тут главная заслуга принадлежит вам, академик.

— Не о том речь...

— Именно о том. Это была великолепная идея — насытить память белкового полной информацией о прыжках древних атлетов с тем, чтобы он в критических условиях поискал решение, которое нам самим неизвестно!.. Но согласитесь, товарищи, — продолжал Коновницын, апеллируя к Петрашевскому и Суровцеву одновременно. — Тобор сегодня перепрыгнул пропасть опять-таки благодаря смелке, а не силе собственных мышц. Признаю, Тобор попутно сделал большое открытие — он показал нам, людям, как прыгали с грузом древние легко-

атлеты. Это для наших спортсменов — ценный, а лучше сказать, бесценный подарок...

«Хочет пилюлю подслатить», — невесело подумал Суровцев.

— Кстати, у меня попутный вопрос к вам, как руководителям ИСС, — сказал Коновницын. — Вот вы говорили о генеральном прогоне Тобора накануне экзамена.

— Да? — вскинул голову Петрашевский, не понимая, с какой стороны ждать подвоха.

— Прыжок через пропасть входил в прогон?

— Да.

— Пропадь была такая же, как сегодня?

— Даже пошире.

— И Тобор одолел ее?

— Да. В обычном прыжке, — обрадовался Петрашевский. — Я же говорю, Сергей Сергеевич, что Тобору по силам...

— Минуточку, — жестом остановил его Коновницын. — Дело-то обворачивается против вас. Тобор на предварительном прогоне без груза ведь прыгал?

— Без груза, — подтвердил Суровцев.

— Вот мы и подошли к главному, — сказал Коновницын. — Кому нужен аппарат, который не обладает надежностью? Кому нужна машина, которая сегодня ходит отлично, а завтра буксует в первой попавшейся канаве?

— Но сегодняшний прыжок Тобора... — начал Иван.

— Войдет во все учебники легкой атлетики, — раздраженно закончил Коновницын. — И все равно прыжок Тобора с грузом — частное решение задачи, хотя и остроумное. А мы должны быть уверены, что он в состоянии решать общие задачи. Причем решать с запасом надежности, без проколов. Вот этой

уверенности у комиссии, увы, нет. Поэтому мы предлагаем прекратить испытания Тобора.

После паузы председатель Государственной приемной комиссии добавил:

— Нельзя рисковать Тобором.

За поворотом аллеи показалось здание гостиницы-подсолнуха. Огромный выпуклый диск ее, в котором располагались номера для приезжих, был обращен на запад, в сторону нырнувшего за горизонт солнца.

Они остановились перед гостиницей.

— Мы выясним, Сергей Сергеевич, что сегодня приключилось с Тобором, — сказал Петрашевский.

— Не сомневаюсь, — ответил Коновницын. — Но для этого нужно время.

— Попробуем за ночь справиться, — вступил в разговор Суровцев.

Коновницын пожал плечами:

— Несерьезно, товарищи. Ведь система Тобор доводилась, воспитывалась годами. Так что едва ли здесь поможет кавалерийский наскок. Исправление Тобора, Иван Васильевич, может продлиться не один месяц. Короче, завтрашнее испытание Тобора отменяется...

Петрашевский осведомился:

— Это мнение комиссии?

— Увы, да, Аким Ксенофонтович, — вздохнул Коновницын. — Я успел еще в зале переболтать с товарищами, и общая точка зрения ясна. Официальное решение комиссии мы вам вручим завтра, пусть люди пока отдохнут.

Суровцев и Петрашевский дождались, пока на гостиничном диске не вспыхнуло единственное окно, остававшееся темным и молча пошли по аллее.

— Непохоже, чтобы люди отдыхали, — сказал Суровцев, — Во всех домах горит свет.

— Кому сейчас до отдыха? — ответил Петрашевский.

— Я все время пытаюсь осознать: что же произошло с Тобором, Аким Ксенофонтович? Мы ведь каждую клеточку его знаем...

— Выходит, не знаем.

— И все-таки я чувствую: разгадка где-то на поверхности, — сказал Суровцев.

Они подошли к домику, который заняли вдвоем на время испытаний Тобора. Маленький двухкомнатный виниловый коттедж располагался на окраине городка, сразу за ним начиналась тайга.

— Ну что ж, все материалы по Тобору у нас с собой, — сказал Аким Ксенофонтович. — До утра остается несколько часов, чтобы попытаться счастья. А вам советую соснуть хоть немного, Ваня.

— Пройдусь немного, — решил Суровцев. — Тайгой осенней подышу.

— На ночь глядя?

— Именно на ночь глядя.

— Домой-то звонили?

— Нет.

— Зря.

— Жена спросит, как идут испытания, а что я ей скажу? — вздохнул Суровцев. — Подожду до утра. Авось что-то изменится...

— Оптимист, — покачал головой Петрашевский. — Оптимизм — самая ценная черта молодости. К сожалению, он проходит... вместе с молодостью.

— Вы сами займетесь схемами Тобора?

— Сам, — сказал Петрашевский. — Грешно отрывать людей от отдыха. Эти сутки выжали из них все. Да и... смысла особого не вижу, — добавил он негромко.

Светящаяся дорожка скоро кончилась. В глубь тайги вела робкая, почти неприметная тропинка. Вскоре Иван потерял ее и двинулся напролом, продираясь сквозь кусты.

Спелые звезды висели низко, над самыми макушками кедров, загадочно мерцая.

Стояло новолуние, тьма в лесу сгустилась, стала почти осязаемой.

Из-под ног с пронзительным криком выпорхнула ночная птица. Иван вздрогнул и остановился. «Куда же это я забрался?» — подумал он. В сознание разом ворвались ночные порохи, запахи. Упоенно шелестели не успевшие опасть листья.

Суровцев зябко передернул плечами, глянул на светящийся циферблат часов: было половина второго! Напряжение дня понемногу спадало, он двигался теперь совсем медленно и подумал, что похож на Тобора в конце испытаний.

Почва пошла под уклон, потянуло сыростью. «Речка», — догадался Иван. Тысячу раз пролетал он над этой речушкой, направляясь из дому в институт и обратно, но только сейчас вот довелось подойти к ней.

Берег был топким. Тоненький, едва прорезавшийся серп молодой луны пролил неверный свет на торопливые волны. Они напомнили Суровцеву огненную магму, колыхавшуюся на дне кратера, через который предстояло перепрыгнуть Тобору. И ведь перепрыгнул же, черт побери. Да еще как! Стоп, кажется, он опять начинает заводиться.

Иван долго стоял, прислушиваясь к плеску реки. Ему вдруг ужасно захотелось искупаться. От поймы к речке вел довольно крутой спуск. Суровцев двинулся вниз, придерживаясь за ветви. Он небрежно сбросил одежду и шагнул в темноту. Холодная вода обожгла кожу. Речка оказалась не такой уж маленькой, как казалась сверху. Во всяком случае, было где поплавать.

Иван в четыре взмаха выплыл на середину реки, нырнул, выплюнул воду и, не удержавшись, совсем по-мальчишески выкрикнул:

— Здрóрово!

Позабыв о времени, он плавал, шлепал по воде, хохотал во все горло, распуская ночную тишину. Это походило на безумие. Немного утомившись, он уцепился за какую-то корягу, торчавшую близ берега, и подумал вслух:

— Будь жив сэр Исаак Ньютон, он непременно открыл бы четвертый закон механики в дополнение к известным трем.

И сформулировал его хотя бы так: купание в ледяной воде гонит усталость.

Стоп. Усталость?! Не о ней ли говорил что-то такое Костя днем, в сферозале? Пораженный неясной еще мыслью, Суровцев на несколько минут застыл, не обращая внимания на то, что коряга начала потихоньку погружаться под воду. Затем выскочил на берег — мягкий, податливый и адски холодный. Тяжело дыша, ежесекундно проваливаясь в бочажины, до краев полные воды, долго искал сброшенную впопыхах одежду. А, вот она. Рука наткнулась на тяжелый продолговатый предмет в кармане куртки. Батарейка! Совсем позабыл о ней. Батарейку сунул ему в карман сынишка, когда Суровцев уходил из дому, торопясь на испытания.

Иван торопливо оделся, включил фонарик, приладил его над собой в развилке между двумя ветками, достал калькулятор и, клацая от холода зубами, погрузился в расчеты.

Желтый узкий луч детского фонарика падал на захвачанные клавиши калькулятора, на синеватую пленку — на ней, повинуясь отрывистой скороговорке Суровцева, то выступали, то вновь пропадали структурные формулы белковой клетки. Сквозь чащобу формул, сквозь липкую вязь интегралов продирался он к истине, простой и непогрешимой, которая вдруг блеснула вдалеке. Великий миг откровения снизошел на него во время купанья.

Небо на востоке чуть посветлело, когда Иван оторвался наконец от калькулятора. Конечный вывод он оставил на пленке, вытащил карандаш и обвел его кружочком, поставив рядом четыре восклицательных знака.

Боже мой, так просто! Как он раньше до этого не додумался?!

Теперь оставалось как можно быстрее добраться до Акима Ксенофонтовича.

Между тем занялась поздняя зорька. Она разгоралась медленно, словно бы нехотя.

Идти было тяжело: все время приходилось петлять между деревьями. Наконец впереди показался просвет, и так и не отдохнувший Суровцев из последних сил прибавил шаг. Увы, это была всего лишь просека. Широкая, ровная — в линеечку, она уходила вдаль, насколько хватал глаз, впадая рекой в бледную зарю. «Заблудился!..» — мелькнула мысль, от которой упало сердце. И впрямь вечером, идя к речке, он эту просеку не пересекал.

Мышцы сразу налились свинцом. Иван без сил прислонился к сосне, перевел дух.

«Если опоздаю к восьми, когда Тобор должен получить сигнал к возобновлению испытаний, тогда все, крышка, — подумал Суровцев. — Аксен едва ли сумеет переубедить Коновницына».

Сзади послышался слабый шум — так шелестят ветви, когда их осторожно раздвигают. Иван обернулся. В темных недрах тайги что-то шевелилось, надвигаясь на него.

Это было огромное и странное создание. В редеющей мгле угадывалось некое подобие узкой башни, высота которой превышала, пожалуй, десяток метров. Башня опиралась на плат-

форму, контуры которой терялись в предутреннем тумане, ставшемся у самой земли. Башня слегка покачивалась из стороны в сторону, словно голова змеи перед броском.

Суровцев помотал головой, однако видение не исчезло. Хуже того, движущееся нечто продолжало к нему приближаться. Тогда Иван сжал в кулаке калькулятор, словно оружие, и шагнул навстречу чуду.

— Ты кто? — послышался резкий, нечеловеческий голос, лишенный каких бы то ни было интонаций, когда расстояние между ними сократилось до нескольких метров.

Суровцев растерялся.

— Я? Человек...

— Это я вижу, — прозвучал откуда-то из недр то ли существа, то ли машины отрывистый голос. — Однако вид твой необычен, человек.

— Пожалуй, — согласился Иван, бросив на себя критический взгляд, и поправил подвернувшуюся на бегу штанину.

Теперь они стояли друг против друга, и Суровцев получил возможность рассмотреть получше удивительный феномен, который пока, к счастью, не проявлял никаких признаков агрессивности. Покачивающаяся башня высотой с трехэтажный дом, которая напоминала шею жирафа, увенчивалась узкой головой. Длинная пасть, приоткрывшись, обнажила такие ровные и острые зубы, что Суровцев непроизвольно сделал шаг назад.

Существо повело шеей и, приподняв голову, легко перекусило засохшую ветку кедрача толщиной с руку Ивана. Ветка с хрустом упала на землю.

В голове Суровцева мелькали мысли, одна нелепее другой.

Он рассмотрел, что вибрирующая платформа, образующая, так сказать, туловище чудища, опирается не на колеса, а на целую систему гибких щупалец. «Как у Тобора», — подумал он.

Иван машинально глянул на часы. Половина восьмого. До Аксена за оставшиеся полчаса он едва ли успеет добраться, разве что случится нечто сверхъестественное. А что может быть сверхъестественнее, чем вот это длинношеее чудище, которое меланхолично покачивает головой?..

Неожиданно голос произнес:

— Я знаю тебя, человек.

— Вот как! Кто же я? — спросил Суровцев, решивший ничему не удивляться.

— Ты — старший инженер-воспитатель Зеленого городка. Тобор зовет тебя Ив.

— Ты и Тобора знаешь?

— Мы с ним — братья по биосинтезу, — произнес голос без достоинства.

Суровцев воскликнул:

— Кто же ты, черт возьми?!

— Докладываю, человек, — отапортовало чудище заученным тоном. — Я — белковая система № 214787, серии РМ, узкого профиля, предназначенная для работ, связанных с очисткой леса, а также...

— Стоп! — сказал Суровцев. — Почему же я тебя не знаю?

— Потому что я находился в биолaborатории, и информацию

о внешнем мире получал от наладчика. Сегодня мой первый выход на объект работы, — с важностью ответило чудище. Впрочем, важность в его голосе, как и прочие оттенки тона, Суровцеву, конечно же, явно померещилась. Голос, которым изъяснялась с ним белковая система, был сух и бесстрастен. Белковым узкой специализации, как известно, программировать эмоции ни к чему.

Ну и ну! Продукцию родимого ИСС не узнал!

Иван в растерянности выронил калькулятор, чудище подобрало его щупальцем и молча протянуло владельцу. И тут Суровцева осенило — второй раз за последние несколько часов.

— Послушай, серия РМ, — сказал он. — Мне нужно как можно быстрее выбраться из тайги. Скажи, каков кратчайший путь до учебного центра?

— Ты должен двигаться в том направлении, — указало чудище щупальцем. Суровцев собирался идти совсем в другую сторону.

— Сколько отсюда до учебного центра?

— Если путь измерять по прямой, а расстояние исчислять в километрах... — начала машина бесстрастным своим тоном, но Суровцев уже не слушал ее.

А что, если...

Оборвав машину на полуслове, Иван вскочил на мягкую, прогнувшуюся под ним платформу и выкрикнул:

— Дуй в учебный центр!.. К крайнему коттеджу, который за гостиной, на самом отшибе.

Машина, однако, не двигалась с места. Белковая система не подчиняется команде человека?.. Такое в практике Суровцева еще не встречалось.

— Ну... — выдохнул Иван и почувствовал, как у него перехватило дыхание.

— Дуй?.. — негромко воспроизвела его команду машина, и в голосе ее впервые явно слышались нотки растерянности.

— Ах ты, господи! — воскликнул Суровцев. — Ну беги, скачи, прыгай или, если тебе понятней, перемещайся в учебный центр с максимально возможной скоростью!

— Но мое задание...

— Всю ответственность я беру на себя, серия РМ, — поспешно перебил Суровцев. Что-то, а обращаться с белковыми системами он умел.

Машина тут же скакнула вперед, да так, что Иван едва удержался, обхватив шею-башню. Голова чудища, пригнувшись, извивалась меж стволов, как бы прокладывая путь.

Да, белковую машину узкой специализации конструкторы и биологи отнюдь не предназначали на роль скаковой лошади. Истину эту Суровцев постиг с первых же секунд. Его жутко трясло, а ветви деревьев, как Иван ни изворачивался, прячась за мощную шею, предельно хлестали его.

Вскоре лес начал редеть, и наконец показалась поляна, за которой, облитый разгоревшимся рассветом, белел знакомый коттедж.

— Стой, серия! — велел Суровцев, и аппарат послушно остановился.

Суровцев прыгнул с платформы на траву, прихваченную утренним инеем, и побежал к дому, махнув рукой машине, чтобы она возвращалась в лес.

До восьми оставалось совсем немного.

Дверь в комнату Акима Ксенофонтовича оказалась закрытой. Суровцев осторожно постучал в филенку — пластик скрадывал звук, потом подергал ручку — дверь не поддавалась. Он переметнулся к окну, заглянул в комнату. Аксен, разметавшись, спал на диване. Клетчатый плед сполз на пол.

Видимо, Петрашевский лег спать совсем недавно — на тумбочке в изголовье еще дымилась чашка чаю или кофе.

Суровцев забарабанил в окно, но Аким Ксенофонтович даже не пошевелился.

Тогда Иван обернул руку курткой и высадил стекло. Осколки со звоном посыпались внутрь, на пол комнаты. Он перелез через подоконник, подошел к постели и затряс Акима Ксенофонтовича за плечо:

— Вставайте, шеф!

Петрашевский никак не мог прийти в себя, и Суровцев понял, что нужно любыми средствами как можно быстрее вывести его из этого состояния. Иначе Аким Ксенофонтович просто не сумеет сразу воспринять цепь умозаключений и лавину формул, которую Ивану не терпелось опрокинуть на него.

— В Зеленом городке высадились космические пришельцы, — громко произнес Суровцев.

Петрашевский сел.

— Голубчик, глотните воды... — сказал он сиплым после сна голосом, протирая глаза.

«Ключуло!» — отметил Суровцев.

— Я на одном из пришельцев только что приехал сюда верхом, — продолжал он.

— Разве вы не спали в соседней комнате?

— Я всю ночь провел в тайге.

— Ясное дело, в тайге, где же еще? А я за расчетами, только бесплодными... А сейчас, батенька, идите-ка к себе и отдохайте как следует, поскольку спешить нам, увы, некуда. Вы переутомились, на вас лица нет...

— Вот-вот, переутомился! В этом самом переутомлении — вся суть!..

Иван схватил Петрашевского за руку и выпалил:

— Аким Ксенофонтович! Вчерашней загадки Тобора больше не существует!..

Петрашевский посмотрел на его взволнованное лицо и произнес:

— Ну-ка, голубчик, давайте по порядку. Да поживее.

Суровцев вытащил из кармана калькулятор и, перемежая раскрас формулами, вызываемыми на мембране счетно-решающего устройства, принялся излагать свое открытие.

Аким Ксенофонтович сосредоточенно слушал, опустив босые ноги на пол. Поначалу он поглядывал на своего молодого заместителя скептически, заполняя своим скептическим «гм-гм» каждую паузу, однако быстро проникся железной логикой вывода и, когда Иван умолк, воскликнул:

— Когда вы это успели?

— Ночью.
— Да тут на добрую неделю кропотливой работы, и то если знать основную идею!
— Ее-то я угадал.
— А как именно, простите?
— Мне помог четвертый закон Ньютона.
— Но у Ньютона только три закона... — растерянно проговорил Петрашевский.
— Так и я думал до недавнего времени.
Шеф погрозил пальцем:
— Не морочьте голову, Ваня.
После чего не мешкая включил экран видеофона. Когда глубина его налилась пульсирующей грозовой синью, Петрашевский нажал клавишу всеобщей связи и медленно, как показалось Суровцеву, чуть театрально произнес:
— Всем, всем, всем!.. Испытания Тобора возобновляются. Всех, имеющих отношение к экзамену, попрошу срочно собраться в сферозале.
Дав отбой, Аким Ксенофонтович подмигнул Суровцеву:
— Ну теперь ждите бури!
Он не ошибся. Иван не успел себя хоть чуть-чуть привести в порядок после ночных приключений, как на экране показалось нахмуренное лицо Коновницына.
— Что это значит, Аким Ксенофонтович? — спросил он. — Вы нарушаете наш договор.
— Выслушайте меня...
— Мы почти всю ночь общались, — раздраженно перебил Коновницын. — И хотя с трудом, но выработали единую точку зрения. Что же вы делаете?

— У нас появились новые данные, связанные с Тобором. Мы выяснили, почему вчера он вел себя так странно.

— С потолка они, что ли, свалились, новые данные? — резко перебил Коновницын.

Чем больше волновался Коновницын, тем спокойнее становился Петрашевский.

— Почему с потолка? В окно влетели, — ответил он, бросив при этом взгляд на выбитое стекло.

— Мне не до шуток.

— Я никогда в жизни не был так серьезен, Сергей Сергеевич, — покачал головой Петрашевский. — И советую поторопиться. А то все хорошие места в зале займут.

— Данные убедительные?

— Встретимся — расскажу.

— Вы хоть понимаете, Аким Ксенофонович, какую ответственность берете на себя? — воскликнул Коновницын.

— Как не понимать.

— Еще вопрос: разве ваши сотрудники входили ночью в контакт с Тобором?

Петрашевский улыбнулся.

— Нет, конечно, — сказал он. — По положению любой контакт с белковой системой во время экзамена исключен.

— В таком случае какое значение могут иметь все ваши новые данные? Изъяны-то у Тобора остались.

— В том-то и дело, что нет. Сегодня перед нами должен предстать Тобор, которого вы, Сергей Сергеевич, не узнаете!..

Слушая торопливую перепалку двух корифеев биокриптоники, Суровцев представил себе, как в эти самые минуты на улицах, площадях, просеках, учебных полигонах, в лабораториях, библиотеках, аудиториях — по всей огромной территории, именуемой Зеленым городком, — собираются перед экранами инфоров группы возбужденных и недоумевающих людей.

Еще бы! Ведь сейчас в руках их двоих — судьба детища института, Тобора, которым городок жил и гордился не один год.

Когда экран погас, Петрашевский с криком нагнулся и принялся шарить под диваном.

— Что вы ищете? — спросил Суровцев.

— Что, что... — проворчал Аким Ксенофонович, продолжая искать на ощупь. — Где-то туфли тут были.

— Они на вас.

— А я не для себя, батенька. Не идти же вам босым, в самом деле. Да еще на такой представительный форум!

Иван опустил глаза и только тут вспомнил, что оставил обувь на берегу.

Петрашевский достал туфли, смахнул с них пыль и протянул Суровцеву:

— Быстренько надевайте. Да не спите, не спите, голубчик! Спать надо по ночам, а не шастать по тайге... Гм! Ну-ка, живо смойте кровь со щеки! Откуда она у вас?

— Веткой, наверно, оцарапал, когда на платформе мчался, — сказал Иван. Так и не пришлось ему отдохнуть...

— Постарайтесь принять пристойный вид. Не то вас, чего доброго, самого за космического пришельца примут.

Они вышли и заторопились к залу. Суровцев несколько раз

оглядывался на стену осенней тайги, пока она не исчезла за поворотом аллеи.

Да, он полюбил тайгу за годы пребывания в Зеленом. И она отплатила ему тем же. Разве не тайге, не чистой ее речке обязан он нынешним своим открытием?..

Аким Ксенофонтович торопливо шагал рядом, отчужденный, погруженный в какие-то свои мысли. «Сильно сдал Аксен, — подумал Суровцев, посмотрев на его заострившиеся черты, — Трудно ему вчерашний день достался. Потруднее, наверное, чем всем остальным».

Сердце Ивана сжало сомнение. Петрашевский, не задумываясь, взял всю ответственность за возобновление испытаний на себя. Он поверил в расчеты Суровцева. А что, если они окажутся ошибочными и Тобор погибнет на первом же препятствии?..

Утренние аллеи становились с каждой минутой многолюдней. Все торопились в одну сторону.

К ним пробился альпинист, как всегда, розовощекий и подтянутый. Он поклонился Акиму Ксенофонтовичу и пожал руку Суровцеву.

— Медведь ты, Костя, — поморщился Иван, потрясая слепшимися пальцами.

— С кем поведешься, — откликнулся весело альпинист.

— Это с кем вы, собственно, водитесь? — полюбопытствовал Петрашевский.

— С Тобором, ясное дело! — сказал Костя.

Они вышли на аллею, ведущую к куполу.

— Отдохнул за ночь, Ваню? — окликнул Суровцева кто-то из вестибулярников.

— Как сказать... — процедил тот, пожав плечами. Ему не хотелось ни с кем говорить, он и сам, подобно Тобору, чувствовал себя, словно студент перед решающим экзаменом.

Костя взял под руку приотставшего Суровцева и сказал полголоса:

— Зря я, выходит, волновался, что экзамен Тобора приостановят.

— Выходит, зря, — согласился Иван.

У входа образовалась толпа, пришлось приостановиться.

— У меня есть идея, — сказал Костя, обращаясь к Петрашевскому и Суровцеву. — Давайте после испытания сразу махнем ко мне в гости?

— Поистине, вы фонтан идей, Константин Дмитриевич, — восхитился Петрашевский. — Что ж, я думаю, хорошее дело нет смысла откладывать. А вы как считаете, Иван Васильевич?

— Испытания еще не кончены, — буркнул Суровцев. — Что го загадывать?

— Поменьше волнений, коллега, — посоветовал Петрашевский и обратился к Косте: — Ну как, подумали о моем вчерашнем предложении?

Костя смутился.

— Не решил еще, Аким Ксенофонтович, — признался он. — Тут подумать надо, все обмозговать. А времени на это маловато было — спал как убитый. Отдыхал на всю катушку...

При последних словах Кости Иван оживился.

— Отдыхал! — повторил он. — А знаешь, дружище, я должен поблагодарить тебя.

— За что?

— За то, что ты вчера подкинул мысль, которая здорово помогла мне. Весь вечер она торчала у меня в голове, как заноза.

— Не знаю, о чем ты.

— Разве не ты сказал под конец испытаний, что Тобору необходим отдых, как и человеку?

— Верно, верно, припоминаю, — подтвердил Аким Ксенофонович. — Именно Константин Дмитриевич высказал эту мысль первым, хотя, возможно, и не сознавал всей ее ценности.

Костя переводил взгляд с одного на другого: уж не разыгрывают ли? Однако лица его собеседников были серьезные.

— А что дает эта мысль? — спросил он.

— Потом, Костя, потом, — нетерпеливо произнес Суровцев, протискиваясь наконец в дверь.

Едва Иван глянул на экран, у него отлегло от сердца: бег Тобора был обычным — упругим, резвым, размашистым. Бег, представляющий собой непрерывную цепь прыжков, и каждый из них производился в точном соответствии со сложной и тонкой легкоатлетической наукой, которая впитала в себя все достижения спортсменов — с древнейших времен до наших...

«Интересно, сколько при такой скорости остается Тобору до первого препятствия?» — подумал Суровцев. Он хотел было вытащить калькулятор, чтобы прикинуть, но Петрашевский угадал его мысль и сказал:

— Думаю, до болота ему бежать минут десять, никак не меньше.

Те, кто слышал утренний разговор Петрашевского с Коновницыным, нет-нет да и поглядывали на директора проекта «Тобор», ожидая разъяснений.

Каждого, конечно, интересовало: чем объяснить быструю метаморфозу Тобора? Куда девались его вялость, замедленность в движениях, которые вчера так взволновали всех? Каким образом вновь обрел он обычную свою форму? Даже на травмированное вчера щупальце Тобор теперь почти не припадал.

Петрашевский кашлянул.

— Нашему коллеге, Ивану Васильевичу Суровцеву, — сказал он, — минувшей ночью удалось сделать важное научное открытие. Думаю, оно будет иметь далеко идущие последствия и заставит нас заново пересмотреть всю систему подготовки белковых...

Взгляды обратились к Суровцеву.

— Суть дела в двух словах такова, — начал Иван. — Белковая клетка не может постоянно пребывать в напряжении. Она нуждается в периодах расслабления. Клетки, конечно, бывают разных типов. Самые, пожалуй, прочные и выносливые — те, которые мы синтезируем для Тобора. Но это едва не сыграло с нами злую шутку: мы ведь считали, что практически нет предела выносливости Тобора. И сравнивали его в этом смысле с машиной... Ну, а дело оказалось гораздо тоньше. Я заново пересчитал энергетический баланс клетки Тобора. И оказа-

лось, что после определенного порога — правда, довольно высокого, — в клетке должно образовываться вещество, аналогичное молочным кислотам. Оно и вызывает то состояние, которое мы зовем усталостью...

— Усталостью? — переспросил Коновницын: ему показалось, что он ослышался.

— Именно усталостью, Сергей Сергеевич, — подтвердил Суровцев. — Этим явлением и объясняется вчерашняя вялость нашего воспитанника.

— Вот оно что... — протянул Коновницын. — Выходит, за ночь Тобор просто-напросто...

— Успел отдохнуть, — докончил Суровцев. — В отличие от меня, — добавил он, улыбнувшись.

Петрашевский уточнил:

— Белковая система пришла в норму.

На Суровцева посыпались вопросы.

— Какое время необходимо Тобору для того, чтобы прийти в обычное состояние? — деловито спросил один из инженеров испытательного полигона.

— Я прикинул ночью на калькуляторе, — сказал Иван. — Это был сложный расчет — параметров несколько тысяч, сами понимаете... Мы его в институте еще уточнять будем. Но примерный период полного отдыха для Тобора — шесть часов.

— Почти как у человека...

— Все это любопытно, — сказал Коновницын. — Но в таком случае у меня к вам вопрос, Аким Ксенофонтович.

— Слушаю.

— Нужен ли был генеральный прогон, который вы устроили Тобору накануне решающих испытаний?

— Вопрос в яблочко, — опустил голову Петрашевский. — Теперь-то нам ясно, что прогон был ошибкой. Мы перегрузили Тобора. Или, если пользоваться терминологией Ивана Васильевича, переутомили его.

— В результате испытания едва не сорвались, — сказал Коновницын.

— А Тобор чуть-чуть не погиб, — добавил кто-то из членов Государственной комиссии.

Некоторое время все молча смотрели на стремительного Тобора, за которым едва поспевала камера автоматического слежения.

— Нет, прогон не был ошибкой! — прорезал тишину чуть охрипший от волнения голос альпиниста.

— Вот как, — усмехнулся Коновницын. — Вы считаете, молодой человек, что нет худа без добра?

— В данном случае, по-моему, добра больше, чем худа!.. — сказал Костя.

— Любопытно, любопытно, — произнес Коновницын, становясь серьезным.

— Не объясните ли вы нам, Константин Дмитриевич, свою точку зрения? — попросил Петрашевский.

— В результате того, что произошло, мы определили порог выносливости Тобора, — произнес Костя. Он так и сказал — «мы».

— Костя прав, — поддержал приятеля Суровцев. — Хорошо,

что вчерашний конфуз с Тобором произошел именно вчера, а не через год.

— И на полигоне Зеленого городка, а не в рабочих условиях, — добавил задумчиво вестибулярник.

Коновницын сказал:

— Дельно, товарищ альпинист.

Когда Костя сел, Аким Ксенофонович положил ему руку на плечо и веско произнес:

— Будем считать, Константин Дмитриевич, что ваше посвящение в рыцари, то бишь в воспитатели, состоялось!..

...Тобор продолжал продвигаться семимильными шагами, намного опережая временной график. Когда он с той же легкостью, без видимых усилий преодолел первое на сегодня препятствие под кодовым названием «Болото», в зале стихийно вспыхнули аплодисменты. Хлопали все, включая Сергея Сергеевича. Последним зааплодировал альпинист — он хлопал усерднее всех, сияя при этом так, словно это именно он, а не Тобор, только что преодолел топкие, коварные хляби с переменным профилем дна, который меняется во времени...

Впрочем, чувство естественной сопричастности к Тобору и к тому, что происходило в этот момент на экране, было у каждого, кто присутствовал в сферозале и с радостным волнением следил за продвижением белкового и пустым штрафным табло.

Иван подумал: когда Тобор полетит к дальним звездам, когда он ступит на чужую планету, разве не ступят на таинственную почву и все они вместе с ним, своим детищем? Разве не вобрал в себя он, Тобор, их бессонные ночи, треволнения каждого нового этапа обучения, бесконечную пытку испытательных полигонов, нудные в своем однообразии учебные поиски?..

Сколько раз любой из них готов был махнуть рукой на все, послать к дьяволу этот неуклюжий конгломерат белковых клеток, именуемый Тобором и выращенный в камерах синтеза Башни Безмолвия?

...Однако следующий, удачный ход Тобора искупал все, и ученые, позабыв о неудачах, шли дальше по долготому, очень долготому пути, который сами для себя (и Тобора!) наметили.

И она пришла — награда за все.

А ФЕЛИСИ-ТО ЗДЕСЬ!

Повесть

Глава первая

ПОХОРОНЫ ДЕРЕВЯННОЙ НОГИ

Это была совершенно необыкновенная секунда. Так бывает со снами: быстрее быстрого мелькают те, которые кажутся нам потом самыми долгими. Даже много лет спустя Мегрэ мог бы точно указать место, где это происходило: кусок тротуара, на котором он стоял, тесаный камень, куда падала его тень. Он мог бы восстановить в памяти не только мельчайшие детали окружающего, но даже снова ощутить весенний запах, почувствовать дрожание воздуха, так напоминавшие ему детство.

Впервые в том году он вышел из дома без пальто, впервые в десять утра оказался в деревне. Даже от его большой трубки пахло весной. Мегрэ тяжело ступал, засунув руки в карма-

ны, и Фелиси, которая шла рядом, немного его обгоняя, приходилось делать два торопливых шага, пока он делал один.

Они проходили вдоль фасада нового дома из розового кирпича. В витрине лавки лежали какие-то овощи, две или три головки сыра и кровавая колбаса на фаянсовом блюде.

Фелиси прошла вперед, толкнула рукой застекленную дверь, и тут-то, видимо, все и произошло из-за звонка, который прозвенел совсем неожиданно.

Звончок в лавке раздался необычный. За дверью висели легкие металлические трубки, и, когда ее открывали, трубки, стелкаясь, ударялись одна о другую и слышался нежный музыкальный, перезвон.

Давным-давно, когда Мегрэ еще был мальчишкой, у него в деревне, в лавке колбасника, при входе раздавался точно такой же перезвон.

Вот почему в ту секунду время для комиссара будто остановилось. Мегрэ словно перенесся в иную обстановку, будто не он совсем, этот толстый комиссар, которого Фелиси тащила за собой. И казалось, где-то неподалеку спрятался прежний Мегрэ-мальчишка, который глядел на них, с трудом удерживаясь, чтобы не прыснуть со смеха.

Ну разве это серьезно? Что делал этаким важным, толстый господин в обстановке, столь непохожей на реальную, стоя за спиной Фелиси.

Расследование? Он занимался делом об убийстве? Он искал виновного? И при этом пели птички, зеленела первая травка, вокруг стояли похожие на игрушечные кирпичные домики, повсюду раскрывались свежие цветочки, и даже лук-порей на витрине напоминал букетики.

Да, он не раз потом вспоминал ту минуту, и не всегда с удовольствием. Долгие годы на набережной Орфевр у его коллег вошло в привычку весною, в такие вот погожие утренние часы, обращаться к нему всерьез, хотя и с некоторым оттенком иронии:

— Послушайте, Мегрэ...

— В чем дело?

— А Фелиси-то здесь!

И у него перед глазами тотчас возникала тоненькая фигурка в вычурной одежде, вздернутый носик, большие глаза, голубые, как незабудки; торчащая на макушке сногшибательная красная шляпка, украшенная золотистым пером.

— А Фелиси-то здесь!

В ответ раздавалось ворчание. Коллеги прекрасно знали: Мегрэ ворчал, как медведь, всякий раз, когда произносилось имя Фелиси, которая доставила ему хлопот больше, чем все «отпетые», сосланные его стараниями на каторгу.

Но в то майское утро Фелиси действительно находилась рядом. Она стояла на пороге лавки Мелани Шошуа, бакалейные товары. Фелиси ожидала, пока комиссар очнется от своих грез.

Наконец он сделал шаг, точно возвращаясь в реальный мир, и вновь принялся за расследование дела об убийстве Жюля Лапи, по произвищу Деревянная Нога.

Так же, как и с раннего утра, Фелиси ожидала его вопро-

сов, резкая, агрессивная, ироничная. За прилавком симпатичная коротышка Мелани Шошуа, сложив руки на толстом животике, во все глаза смотрела на странную пару — комиссара уголовной полиции и служанку Деревянной Ноги.

Слегка попыхивая трубкой, Мегрэ осмотрелся, увидел коричневые ящики с консервными банками, потом через стекло витрины стал разглядывать еще не застроенную до конца улицу и недавно посаженные деревья вдоль нее. Наконец, вынув из жилетного кармана часы, вздохнул:

— Вы мне сказали, что вошли сюда в десять часов пятнадцать минут, не так ли? Каким образом вы можете уточнить время?

Тонкие губы Фелиси растянулись в презрительной улыбке:

— Посмотрите!

И когда он подошел к ней, она указала на комнату за лавкой, служившую Мелани Шошуа кухней. В полумраке виднелось плетеное кресло с красной подушкой, на котором, свернувшись клубком, лежала кошка, а как раз над ней стоял будильник. Стрелки его показывали 10 часов 17 минут.

А бакалейница недоумевала, зачем эти люди явились к ней в лавку.

— Что же вы купили?

— Фунт масла... Дайте мне фунт масла, мадам Шошуа... Господин комиссар настаивает, чтобы я проделала все то же, что и позавчера... Затем малосоленный сырок, не так ли?.. Постойте... Положите мне в сетку еще пакетик перца, банку помидоров и две котлеты...

Все было необычным в мире, где в то утро жил Мегрэ, и ему пришлось сделать усилие, чтобы убедить себя: он не великан, попавший в городок, построенный из деталей игрушечного конструктора.

В нескольких километрах от Парижа он повернул в сторону от берегов Сены, в Пуасси, поднялся на холм и внезапно среди настоящих полей и фруктовых садов вдруг обнаружил обособленный мирок, о котором объявлял указатель на обочине вновь проложенной дороги: «Земельные участки Жанневиль»

Видимо, несколько лет назад здесь были такие же поля, луга и рощи, как и повсюду. Но вот пришел какой-то делец, жену или любовницу которого, конечно, звали Жанной, откуда и пошло название родившегося здесь мирка.

Распланировали улицы, аллеи, обсаженные чахлыми деревцами, тонкие стволы которых укрыты от холода соломой.

Потом кое-где возникли виллы, особнячки. Это не походило ни на город, ни на деревню — обособленный мирок со свободным пространством между постройками, пустырями, изгородями, с газовыми фонарями, до смешного бесполезными на улицах, где еще нет ничего, кроме названий, обозначенных на голубых табличках.

«МОЯ МЕЧТА»... «ПОСЛЕДНЯЯ ГАВАНЬ»... — каждый домишко уже имел свое название, выведенное с завитушками, а внизу виднелся Пуасси, серебряная лента Сены, где скользили вполне реальные баржи. Подальше, на равнине, стояли фермы и высилась колокольня Оржевала.

А здесь правдоподобной только и была старая бакалейщица Мелани Шошуа, которую застройщики откопали в соседнем городке и предоставили ей хорошую новую лавку, чтобы новый мир не остался без коммерции.

— А что еще, милочка?

— Постойте!.. Что еще я брала в понедельник?

— Шпильки...

В лавке Мелани можно приобрести все, от зубных щеток и рисовой пудры до керосина и почтовых открыток.

— Кажется, больше ничего, правда?

Из лавки — Мегрэ это проверил — не видно ни домика Деревянной Ноги, ни улочки, которая огибала его сад.

— А молоко! — вдруг вспомнила Фелиси. — Я чуть не забыла про молоко.

И она с привычным уже высокомерным видом объяснила комиссару:

— Вы меня настолько засыпали вопросами, что я забыла захватить с собой бидончик для молока... Во всяком случае, в понедельник я брала его с собой... Голубой в белый горошек... Вы увидите его в кухне возле газовой плитки... Не правда ли, мадам Шошуа?

И всякий раз, сообщая новую подробность, она напускала на себя надменный вид, словно жена Цезаря, которая всегда вне подозрений.

— Что я говорила вам в понедельник, мадам Шошуа?

— Кажется, вы мне сказали, что у моего Зузу глисты. Ведь он все время заглатывает свою шерсть.

Речь, видимо, шла о коте, дремавшем на красной подушке в кресле.

— Погодите, милочка... Вы еще взяли, как всегда, «Киногазету» и роман за двадцать пять су...

В конце прилавка лежали бульварные романы в пестрых обложках, но Фелиси на них не взглянула и пожала плечами.

— Сколько я вам должна?... Поторопитесь... Комиссар настаивает: все должно быть, как в понедельник, а я у вас тогда долго не задерживалась.

Тут вмешался Мегрэ.

— Скажите, мадам Шошуа... Поскольку мы говорим о том, что было в понедельник утром... Пока вы обслуживали мадемуазель, вы не слышали, не проезжала ли здесь машина?

Бакалейщица задумалась, глядя сквозь витрину на залитую солнцем улицу.

— Не могу сказать... Постойте!.. Тут их нечасто увидишь... Из лавки только слышно, как они мчатся по дороге... Какой это был день?... Помню, за домом Себилей проехал маленький красный автомобиль, но в какой день — не знаю...

На всякий случай Мегрэ пометил в своей записной книжке: Красная машина... Себиль...

И он снова очутился на улице вместе с Фелиси, которая шла, подпрыгивая, набросив пальто на плечи, словно старинный плащ: рукава развевались у нее за спиной.

— Пойдемте здесь... Домой я всегда возвращаюсь коротким путем.

Узкая тропинка петляла между огородами.

— По дороге вы никого не встретили? — спросил комиссар.

— Подождите... Сейчас увидите...

И он увидел. Фелиси оказалась права. Едва они вышли на новую улицу, навстречу им попался почтальон, поднимавшийся на велосипеде на холм. Он проехал мимо них и, обернувшись, крикнул:

— Вам ничего нет, мадемуазель Фелиси!

Она посмотрела на Мегрэ.

— В понедельник он видел меня здесь в тот же час. Так бывает почти каждое утро..

Они обогнули уродливый, оштукатуренный и выкрашенный в небесно-голубой цвет домик, окруженный палисадником, и прошли вдоль живой изгороди. Фелиси толкнула калитку, задев своим развевающимся пальто кусты смородины.

— Ну вот... Теперь мы в саду... Сейчас увидите беседку...

В десять часов без нескольких минут они вышли из домика через другую дверь, выходящую в аллею. Чтобы дойти до лавки и вернуться обратно, они описали почти полный круг. Они прошли вдоль бордюра из гвоздики, которая вот-вот расцветет, и грядок с нежно-зеленым салатом.

— Он, видимо, находился здесь... — сообщила Фелиси, указав на туго натянутую веревку и тяпку, воткнутую в землю. — Он начал сажать помидоры. Дошел до половины грядки... Когда я его тут не застала, то сразу подумала, что он пошел выпить стаканчик розового вина...

— Он пил много вина?

— Только, когда мучила жажда... Вы увидите на бочке в погребке его опрокинутый стакан.

Сад мелкого трудолюбивого рантье. Домик, в каком тысячи бедняков мечтают провести остаток дней. Из сада, залитого солнцем, они вступили в голубую тень примыкавшего к нему дворика. Направо — беседка из зелени. На столе в беседке графинчик с водкой и маленькая рюмка с толстым дном.

— Значит, вы заметили бутылку и стакан. А ведь сегодня утром вы мне говорили, будто ваш хозяин никогда не пил водки в одиночестве, особенно из этого графинчика.

Она смотрит на него с вызовом. Она все так же смотрит на него в упор своими чистыми голубыми глазами, чтобы он мог прочесть в них ее полную невиновность.

Однако же она возражает:

— Это пил не мой хозяин...

— Знаю... Вы мне уже говорили...

Бог мой, как трудно иметь дело с такой особой, как Фелиси! Что она еще сказала своим резким голосом, который так действует на нервы Мегрэ? Ах, да... Она сказала:

— Я не имею права выдавать чужие секреты. Может быть, в глазах некоторых я была просто служанкой. Но он относился ко мне не как к прислуге. В один прекрасный день все бы, конечно, узнали...

— Что узнали?

— Ничего.

— Вы намекаете, что были любовницей Деревянной Ноги?

— За кого вы меня принимаете?

Мегрэ-riskнул:

— Ну так его дочерью?

— Бесполезно пытаться... Быть может, когда-нибудь...

Вот она, Фелиси! Жесткая, как гладильная доска, кислая, взбалмошная, с резкими чертами неумело напудренного и на-румяненного лица, маленькая служанка, мнящая себя принцессой на деревенском балу, но взгляд которой вдруг с тревогой устремляется в одну точку, а на губах мелькает отчужденная презрительная улыбка.

— Если он пил в одиночестве, это меня не касается...

Нет, старый Жюль Лапи по прозвищу Деревянная Нога пил не один. Мегрэ убежден в этом. Человек, работающий в своем саду, с соломенной шляпой на голове и в сабо на ногах не бросит вдруг неоконченной посадку помидоров и не пойдет искать в буфете бутылку с водкой, чтобы одному распивать ее в беседке.

В то утро на столе, выкрашенном в зеленый цвет, стояла и вторая рюмка. Кто-то ее убрал. Может быть, Фелиси?

— Что вы сделали, не застав Лапи в саду?

— Ничего. Пошла в кухню, зажгла газ, поставила кипятить молоко и накачала воды, чтобы вымыть овощи.

— А потом?

— Встала на старый стул и сменила липкую бумагу для мух...

— Не снимая шляпки с головы? Ведь вы всегда ходите за покупками в шляпке?

— Конечно. Я ведь не какая-нибудь замарашка.

— Когда же вы ее сняли?

— Когда вскипело молоко. Я поднялась к себе наверх.

Все новое и свежеевыкрашенное в доме, который старик окре-стил «Мыс Горн». Лестница пахнет лакированным еловым дере-вом. Ступеньки трещат под ногами.

— Поднимайтесь! — сказал комиссар. — Я пойду следом за вами.

Она толкает дверь комнаты, в которой стоит кушетка, покры-тая кретоном в цветочках, а на стенах висят фотографии кино-актеров.

— Значит, так... Я снимаю шляпу... И вдруг вспоминаю: «Ах, да! Забыла открыть окно у мсье Жюля». Иду через площадку. Открываю дверь и как вскрикну...

Мегрэ попыхивает трубкой, которую набил в саду свежим та-баком. Он рассматривает на натертом полу контуры тела Дерев-янной Ноги, очерченные мелом в понедельник утром, когда его нашли здесь.

— А револьвер? — спрашивает он.

— Никакого револьвера не было. И вы это сами прекрасно знаете, раз читали полицейский рапорт.

В комнате убитого над камином модель трехмачтовой шху-ны. На стенах все картины изображают парусники. Мегрэ мог бы подумать, что находится в комнате бывшего моряка, если бы жандармский лейтенант, который вел расследование, не рас-сказал ему о забавных приключениях Деревянной Ноги.

Жюль Лапи никогда не был моряком. Он служил счетоводом в Фекане, в фирме, продававшей оснащение для морских су-дов: паруса, тросы, шкивы, а также продукты питания для дол-гих рейсов.

Закоренелый холостяк, мелочный до маниакальности, бесцветный, ограниченный. Брат его работает плотником на судовой верфи.

Однажды утром Жюль Лапи — ему тогда было лет сорок — поднялся на борт «Святой Терезы», трехмачтового корабля, которому в тот же день предстояло сняться с якоря и отправиться в Чили за фосфатами. Лапи явился на судно с поручением весьма прозаическим: удостовериться, все ли товары доставлены, и потребовать у капитана оплаты.

Что же происходит? Моряки, жители Фекана, всегда подсмеивались над педантом счетоводом, который выглядел испуганным, всякий раз, поднимаясь по долгу службы на борт судна. Так произошло и в тот раз. С ним по обычаю чокнулись. Его заставили. Бог знает, сколько ему пришлось выпить, чтобы так налюбоваться?

Однако, когда во время прилива «Святая Тереза» скользила между молами нормандского порта, выходя в открытое море, мертвецки пьяный Жюль Лапи храпел в углу трюма, а команда считала, что он давно уже на земле — по крайней мере, все они так утверждали!

Трюмы закрыли. И только два дня спустя обнаружили счетовода. Капитан отказался повернуть обратно, уклониться от курса, и вот таким образом Жюль Лапи, который в то время имел еще обе ноги, оказался на пути к мысу Горн.

Во время того путешествия он лишился ноги.

Несколько лет спустя, в понедельник, его убьют из револьвера через несколько минут после того, как он бросит сажать помидоры. А Фелиси тем временем будет делать покупки в новой лавке Мелани Шошуа.

— Спустимся вниз... — вздохнул Мегрэ.

В доме спокойно и приятно благодаря игрушечной чистоте и вкусным запахам! Столовая, справа, превращена в покойничку. Комиссар только приоткрыл дверь в комнату. Ставни закрыты, и лишь тоненькие лучи света проникают в комнату. Гроб стоит на столе, покрытом сукном, а сбоку салатник, наполненный святой водой, и в ней плавают веточка самшита.

Фелиси ждет Мегрэ на пороге кухни.

— В общем, вы ничего не знаете, вы ничего не видели, вы не имеете ни малейшего представления о том, кого ваш хозяин... кого Жюль Лапи мог принимать в ваше отсутствие...

Она смотрит на него, не отвечая.

— И вы уверены, что, когда вернулись, на садовом столе стояла только одна рюмка?

— Я видела только одну... Но если вы видите две...

— У Лапи кто-нибудь бывал?

Мегрэ садится возле газовой плитки. Он охотно чего-нибудь бы выпил, охотнее всего того розового вина, о котором ему говорила Фелиси. Вероятно, оно-то и хранится в бочке, виднеющейся в прохладной тени погреба. Солнце поднялось выше и мало-помалу высушило осевший на оконных стеклах пар.

— Он не любил гостей...

Занятный человек. Его существование совершенно меняется после неожиданного путешествия к мысу Горн. Он возвращается в Фекан на деревянной ноге, и все охотно подсмеи-

ваются над его приключениями. Он живет еще более замкнуто и начинает долгую тяжбу с владельцами «Святой Терезы». Он настаивает, что во всем виновата компания: он попал на корабль не по своей воле, и, следовательно, судовладельцы несут полную ответственность за несчастный случай. Он очень высоко оценил свою потерянную ногу и выиграл тяжбу. Суд присудил ему довольно большую пенсию.

Жители Фекана продолжают подсмеиваться над ним. Он решает уехать от своих земляков, а заодно расстаться с морем, которое ненавидит, и одним из первых соблазняется широко-вещательными проспектами создателей Жанневилля.

Затем выписывает себе служанку — девушку из Фекана, которую знал еще ребенком.

— Сколько лет вы у него прожили?

— Семь лет...

— Сейчас вам двадцать четыре... Значит, вам было семнадцать, когда...

Мегрэ задумался и неожиданно спросил:

— У вас есть любовник?

Она смотрит на него, не отвечая.

— Я вас спрашиваю, есть ли у вас любовник?

— Моя личная жизнь касается только меня.

— Вы принимали его здесь?

— Я не собираюсь вам отвечать.

Отхлестать бы ее по щекам. Минутами Мегрэ хочется залепить ей пощечину или потрясти за плечи.

— Ведь я все равно до всего докопаюсь...

— Ни до чего вы не докопаетесь...

— Ах так! Не докопаюсь...

Он останавливается. Это уже слишком глупо! Неужели он будет пререкаться с девчонкой?

— Вы уверены, что вам нечего мне сказать? Подумайте хорошенько, пока еще не поздно.

— Я уже обо всем подумала.

— Вы ничего от меня не скрываете?

— Это было бы трудно! Говорят, вы настолько хитры, что от вас ничего не скроешь.

— Ладно, увидим!

— Не то уже видели!

— Что вы собираетесь делать, когда сюда приедут родственники и Деревянную Ногу похоронят?

— Не знаю.

— Вы думаете остаться здесь?

— Может быть.

— Надеетесь стать его наследницей?

— Весьма возможно.

Мегрэ никак не удается сохранить спокойствие.

— Во всяком случае, дитя мое, зарубите себе на носу одно: пока будет вестись следствие, я запрещаю вам отлучаться отсюда без разрешения полиции.

— Значит, я не имею права выйти из дома?

— Нет!

— А если мне захочется куда-нибудь сходить?

— Вы попросите у меня разрешения.

— Вы думаете, я его убила?

— Я думаю все, что мне нравится, и вас это не касается.

С него достаточно. Он взбешен. Он злится на себя, что доведен до такого состояния из-за какой-то Фелиси. Ей двадцать четыре года? Да где там! Она ведет себя, как девчонка двенадцати или тринадцати лет, выдумывает всякое и мнит о себе бог знает что.

— До свидания!

— До свидания!

— Кстати, что вы будете есть?

— За меня не беспокойтесь. Я не позволю себе умереть с голоду.

В этом он убежден. Он представляет себе: едва он уйдет, как Фелиси сразу же усядется за кухонный стол и станет медленно есть что придется, читая при этом одну из тех книжонек, которые она покупает у мадам Шошуа.

Мегрэ взбешен. Его околпачивают на глазах у всех, да еще кто — эта язва Фелиси.

Наступает четверг. Приехали родственники Жюля Лапи: брат, Эрнест Лапи, плотник из Фекана, человек сурового вида, со стриженными бобриком волосами и лицом, обезображенным оспой, его толстая усатая жена, двое детей, которых она подталкивает перед собой, как гусят. Его племянник, молодой человек девятнадцати лет, Жак Петийон, приехавший из Парижа: у него нездоровый, лихорадочный вид, и весь клан Лапи недоверчиво на него поглядывает.

В Жанневиле нет кладбища. Кorteж направился в Оржеваль, административный центр, к которому относится новый поселок. Черная креповая вуаль Фелиси вызывает большую сенсацию. Где она ее откопала? Только потом Мегрэ узнает: одолжила у Мелани Шошуа.

Фелиси не ждет, пока ей укажут место. Она становится в первом ряду и шествует впереди семьи, прямая, настоящая скорбящая статуя, все время прикладывая к глазам носовой платок с черной каймой, надушенный дешевым одеколоном, который тоже, вероятно, приобрела в лавочке Мелани.

Бригадир Люка, проводивший ночь в Жанневиле, сопровождает Мегрэ. Оба они следуют за corteжем по пыльной дороге, а в ясном небе распевают жаворонки.

— Она что-то знает, это точно. Какой бы хитрой себя ни считала, в конце концов она расколется.

Люка утвердительно кивает. Во время заупокойной мессы двери маленькой церкви остаются открытыми, и в ней больше пахнет весной, чем ладаном. До вырытой могилы идти недалеко.

После похорон семья должна вернуться в дом покойного, чтобы заняться завещанием.

— С чего это мой брат стал бы оставлять завещание? — удивляется Эрнест Лапи. — В нашей семье это не принято.

— Фелиси уверяет...

— Фелиси... Фелиси... Опять Фелиси...

Люди невольно пожимают плечами.

Но разве она не проталкивается вперед и первой не бросает

лопату земли на гроб? А потом, вся в слезах, отходит поспешно и кажется, вот-вот должна упасть...

— Не упускай ее из виду, Люка!

Она шагает, шагает, быстро сворачивает в какие-то переулки Оржеваля, и вот наконец Люка, следующий за ней на расстоянии каких-нибудь пятидесяти метров, попадает на пустынную улицу и видит, как вдали исчезает за поворотом грузовичок. Он опоздал...

Люка толкает дверь харчевни:

— Скажите, пожалуйста... Грузовичок, который только отъехал... Вы знаете?

— Да... Машина Луве, механика... Он только сейчас здесь выпил кружку пива...

— Он никого не захватил с собой?

— Не знаю... Не думаю... Я не выходил...

— Вы не знаете, куда он поехал?

— В Париж, как обычно по четвергам...

Люка бросается на почту, которая, к счастью, оказывается напротив.

— Алло!.. Да... Это Люка... Поскорее... Грузовик довольно потрепанный, уже повывавший виды... Подождите...

Он спрашивает у почтовой служащей:

— Вы не знаете номерного знака машины мсье Луве, механика?

— Нет... Помню только, что он кончается на цифру восемь...

— Алло!.. Последняя цифра номера — восемь... Девушка в трауре... Алло!.. Не прерывайте... Нет... Вряд ли ее нужно задерживать... Просто последить за ней... Понятно? Комиссар позволит сам.

На дороге из Оржеваля в Жанневиль Люка догоняет Мегрэ.

— Она исчезла...

— Что?

— Думаю, вскочила в грузовичок, когда тот уже трогался с места... Забежала за угол... Я звонил на набережную Орфевр... Сейчас поднимут на ноги людей... Предупредят на заставах...

Итак, Фелиси исчезла! Запросто, среди бела дня, как говорится, под носом у Мегрэ и его лучшего бригадира! Исчезла в огромной черной вуали, по которой ее можно узнать за километр.

Члены семьи, время от времени поворачивающие головы в сторону полицейских, удивлены, не видя Фелиси. Оказывается, она унесла с собой ключ от дома, и теперь приходится идти через сад. Мегрэ открывает жалюзи на окнах столовой. На столе еще лежит простыня и веточка самшита. В комнате по-прежнему пахнет свечой.

— Я бы чего-нибудь выпил, — вздыхает Эрнест Лапи. — Этьен!.. Жюли!.. Не бегайте по грядкам... Где-то должно быть вино...

— В погребе... — сообщает Мегрэ.

Жена Лапи идет в лавку Мелани Шошуа купить детям пирожных, а заодно берет и для всех.

— Нет никакого основания думать, господин комиссар, будто брат составил завещание... Я, конечно, знаю, он был оригинал...

Рисунки В. КОЛТУНОВА

нал... Жил, как медведь в берлоге, и мы с ним почти не виделись... Но что до этого... Тут уж...

Мегрэ шарит в ящиках письменного стола, стоящего в углу. Он вынимает сначала связки тщательно сложенных счетов, а затем старый, посеревший от времени бумажник, в котором лежит только желтый конверт:

Открыть после моей смерти.

— Ну, вот, господа, — говорит комиссар. — Я думаю, это как раз то, что мы ищем.

Я, ниже подписавшийся, Жюль Лапи, в здравом уме и твердой памяти, в присутствии Форрентена Эрнеста и Лепаса Франсуа, жителей Жанневилья Оржевальского округа...

Голос Мегрэ становится все внушительнее.

— Фелиси оказалась права! — заключает он наконец, пробежав бумагу. — Ей оставлен в наследство дом и все к нему относящееся.

Семью словно громом сразило. Завещание содержит одну небольшую фразу, которую они забудут не скоро:

...Принимая во внимание поведение моего брата и его жены после случившегося со мной несчастья...

— Я ему просто говорил, что смешно поднимать такой шум из-за... — пытается объяснить Эрнест Лапи.

...Принимая во внимание поведение моего племянника Жака Петийона...

Молодой человек, приехавший из Парижа, напоминает двоюродника, присутствующего при раздаче наград.

Но все это пустяки! Важно, что наследница — Фелиси. А Фелиси, бог знает почему, куда-то исчезла.

Глава вторая

ШЕСТИЧАСОВОЕ МЕТРО

Засунув руки в карманы, комиссар стоит в коридоре перед бамбуковой вешалкой, в центр которой вделано зеркало в форме ромба. Мегрэ видит себя в зеркале. Ну как тут не рассмеяться! Он похож на ребенка, которому чего-то захотелось, но он не осмеливается попросить. Однако Мегрэ не смеется. Он протягивает руку за широкополой соломенной шляпой, висящей на крючке, и надевает ее.

Вот здорово! У Деревянной Ноги голова была еще больше, чем у комиссара, а ведь Мегрэ зачастую приходится обходить много шляпных магазинов, пока удается подобрать подходящую. Это заставляет его задуматься. С соломенной шляпой на голове он возвращается в столовую, чтобы снова посмотреть на фотографию Жюля Лапи, найденную в ящике стола.

Однажды какой-то иностранный криминалист задал начальнику уголовной полиции вопрос относительно методов Мегрэ, на что тот ответил с загадочной улыбкой:

— Мегрэ? Что я вам могу сказать? Во время расследования он чувствует себя так же свободно, как дома в комнатных туфлях.

Сегодня комиссар чуть было не надел, если не комнатные туфли убитого, то, во всяком случае, сабо покойного. Вот они стоят здесь, направо от порога — сразу видно: это их обычное место. Все здесь на своем месте, и если бы не отсутствие Фелиси, Мегрэ мог бы подумать, будто жизнь в доме идет своим чередом, что он сам и есть Жюль Лапи, который медленными шагами направляется к грядке, желая закончить ряд недосаженных помидоров.

Роскошный закат алеет за светлыми домиками Жанневиля, которые виднеются из сада. Эрнест Лапи, брат покойного, сообщил, что будет ночевать в Пуасси, а семью отправил в Фекан. Остальные, соседи и несколько крестьян из Оржеваля, проводившие гроб Лапи на кладбище, должно быть, уже возвратились домой или зашли пропустить стаканчик в харчевню «Золотой перстень».

Там же находится и бригадир Люка, ему Мегрэ поручил снести туда свой чемодан и держать телефонную связь с Парижем.

У Деревянной Ноги была крупная голова, квадратное лицо, густые седые брови, седая щетина на лице, которую он брил лишь раз в неделю... Он был скуп... Достаточно бросить взгляд на его счета... Сразу становится понятно, он считал каждое су... Разве его брат не признался: «Разумеется, он был очень расчетливый...»

А когда один нормандец говорит о другом, что тот «расчетливый»...

На улице тепло. Небо становится почти фиолетовым. Из деревни порывами веет свежий ветерок, и Мегрэ, покуривая, замечает: он сам теперь ходит немного согнувшись, подражая походке Жюля Лапи. Направляясь к погребу, он даже начал тащить левую ногу. Он отворачивает кран бочки с розовым вином, полощет стакан и наливает... В такой час Фелиси, должно быть, стряпала в кухне, и в сад доносился вкусный запах рагу... Не пора ли поливать грядки? Вон соседи уже поливают в своих садах... Понемногу сумерки обзолакивают «Мыс Горн», где при жизни старика лампы разрешалось зажигать только, когда совсем стемнеет.

За что его убили? Мегрэ невольно думает, как в один прекрасный день он уйдет в отставку, и у него будет домик в деревне, сад, широкополая соломенная шляпа...

Деревянную Нogu убили не ради грабежа. Ведь, по словам брата, у Жюля Лапи почти ничего не было, кроме его знаменитой ренты. Нашли сберегательную книжку, конверт с двумя тысячами франков и несколько облигаций парижского муниципалитета. Нашли также его золотые часы.

Ну что ж! Нужно искать дальше! Нужно как следует влезть в шкуру бедняги! Он был хмурый, ворчливый, неразговорчивый, придирчивый. Настоящий отшельник. Малейшее нарушение привычного режима приводило его в ярость. Ему никогда и в голову не приходило жениться, обзавестись детьми, и никто не слышал, чтобы он завел какую-нибудь любовную историю.

Что же имела в виду Фелиси? Нет, это невозможно! Фелиси лжет! Солгать ей ничего не стоит! Или, скорее, она хочет выдать желаемое за действительное. Для нее слишком просто, слишком банально быть служанкой старика. Она предпочитает намекнуть: уж если он вызвал ее к себе...

Мегрэ подходит к окну кухни. Каковы были отношения между этими двумя существами, жившими в таком уединении? Он думает, пожалуй, он даже уверен: они жили, как кошка с собакой.

И вдруг... Мегрэ вздрогнул... Он только что вышел из погреба, где выпил второй стакан вина... Сумерки уже сгустились. Он стоит с соломенной шляпой на голове и на мгновение сомневается, не снится ли ему это. Сквозь тюлевые занавески он видит, как в кухне зажглась электрическая лампочка, видит поблескивающие на крашенных стенах кастрюли, слышит, как вспыхнул газ в горелке. Он смотрит на часы. Без десяти минут восемь...

Тут он толкает дверь и видит Фелиси, которая уже успела повесить на вешалку свою шляпу и вуаль и теперь ставит на газ кофейник.

— А! Вы уже вернулись?

Она даже не вздрогнула, оглядела его с ног до головы и не сводит глаз с соломенной шляпы, о которой Мегрэ уже забыл.

Он садится. Наверное, он сел на место старика, у окна, и, пока он усаживается, вытягивая ноги, Фелиси хлопочет по хозяйству, словно его здесь нет, накрывает для себя, достает из стенного шкафа масло, хлеб, колбасу...

— Скажите мне, детка...

— Я вам не детка.

— Скажите, Фелиси...

— Вы могли бы называть меня мадемуазель.

Боже мой! Какая она все-таки неприятная, нелюбезная. Мегрэ охватывает раздражение, подобно тому, какое испытывают, когда хотят поймать маленькое животное, ящерицу или ужа, а оно беспрестанно проскальзывает между пальцами. Ему трудно принимать Фелиси всерьез, а все-таки приходится. Он чувствует: лишь от нее и только от нее он сможет узнать правду.

— Ведь я просил вас не отлучаться из дома...

Она смотрит на него с подчеркнуто-самодовольной улыбкой, словно говорит: «А я взяла и ушла! Вот видите!»

— Могу я узнать, зачем вы поехали в Париж?

— Да просто погулять!

— Правда? Учтите, скоро я буду знать все, что вы там делали, во всех подробностях.

— Знаю. Какой-то дурень не отставал от меня ни на шаг.

— Какой дурень?

— Высокий, рыжий. Ему пришлось шесть раз пересаживаться в метро вслед за мной.

Наверное, инспектор Жанвье. Видимо, он установил за ней слежку, как только грузовичок механика подъехал к заставе Майо.

— С кем вы хотели встретиться в Париже?

— Ни с кем.

Она садится ужинать. Более того, она кладет перед собой ка-

кой-то бульварный роман, где страница заложена ножом, и спокойно принимается читать.

— Скажите мне, Фелиси...

У нее козий лоб. Вот что поразило комиссара, когда он ее увидел в первый раз. Теперь он осознал это. Высокий и упрямый лоб, как у козы, которая безрассудно бросается на любое появившееся перед ней препятствие.

— Вы собираетесь одна провести ночь в этом доме?

— Разве вы собираетесь здесь остаться?

Она ест, она читает, а он скрывает свою досаду под ироническим выражением лица, которое хотел бы выдать за отеческое...

— Сегодня утром вы мне сказали, будто уверены в том, что получите наследство...

— Ну и что!

— Откуда вы это знали?

— Знала, и все тут!

Она приготовила себе кофе, наливает чашку и пьет. Чувствуется, она любит кофе, смакует каждый глоток, но не предлагает своему собеседнику.

— Я навещу вас завтра.

— Как вам угодно...

— Надеюсь, за это время вы подумаете...

Она вызывающе смотрит на него своими светлыми глазами, в которых ничего нельзя прочесть, и, пожимая плечами, бросает:

— О чем?

Почти у дверей «Мыса Горн» Мегрэ сталкивается с Жанвье, который довел свою слежку до Жанневилья. Огонек его сигареты светится в темноте... Тишина. Сияют звезды. Поют кузнечики.

— Я узнал ее сразу, начальник, по приметам, которые Люка сообщил по телефону. Когда грузовичок поравнялся с заставой, девица сидела рядом с механиком, их можно было принять за дружную супружескую пару. Она вышла, поднялась пешком по проспекту Гранд-Армэ, по пути разглядывая витрины. На углу улицы Вилларе де Жуаиез зашла в кондитерскую, съела полдюжины пирожных с кремом и выпила портвейна.

— Она тебя заметила?

— Не думаю.

— А я знаю.

Жанвье смущен.

— Потом она вошла в метро, купила билет второго класса. Мы сначала сделали пересадку на площади Согласия, потом вторую на вокзале Сен-Лазар... Поезда шли почти пустые... Она усаживалась, доставала из сумки бульварный роман и принималась читать... Мы пересаживались пять раз...

— Она ни с кем не разговаривала?

— Ни с кем... Мало-помалу пассажиров стало прибывать... А в шесть часов, когда закрываются магазины и конторы, началась толкотня... Вы знаете, час «пик»...

— Продолжай...

— На станции метро Терн нас зажало в толпе на расстоянии метра друг от друга... В эту минуту, признаюсь, я понял, что она меня заметила... Она на меня посмотрела... и мне показа-

лось, шеф... как это сказать... На несколько секунд лицо ее изменилось... Она словно испугалась... Я уверен, она на мгновение испугалась либо меня, либо чего-то другого... Но это длилось лишь несколько секунд, и вдруг она снова заработала локтями, выбралась из толпы.

— Ты уверен, что она ни с кем не разговаривала?

— Уверен... На платформе она подождала, пока поезд уйдет, и пристально смотрела на битком набитый вагон...

— Тебе не показалось, что она интересуется кем-то определенным?

— Пожалуй, нет... Я только заметил, что лицо ее стало не таким напряженным, а когда поезд скрылся в тоннеле, она не могла удержаться и бросила на меня торжествующий взгляд... Потом сразу же вышла на улицу... Сначала она, видно, даже не поняла, где находится... Она зашла выпить аперитив в бистро на углу проспекта Берн, потом посмотрела железнодорожное расписание, села в такси и поехала на вокзал Сен-Лазар... Вот и все... Я сел в тот же поезд, доехал вместе с ней до Пуасси, а потом мы, один за другим, поднялись на холм...

— Тебе хоть удалось перекусить?

— На вокзале съел наспех сэндвич.

— Оставайся здесь и подожди Люка!

Мегрэ идет мимо тихих участков Жанневиля. Только кое-где в окнах горят розоватые огоньки. Скоро он приходит в Оржеваль, в «Золотой перстень», где его ждет Люка. Бригадир сидит не один, а с каким-то парнем в синем комбинезоне. Не иначе как механик Луве! Он очень разговорчив, да и понятно. Перед ним стоят уже четыре или пять блюдецек*.

— Мой начальник, комиссар Мегрэ, — представляет комиссара Люка, от которого тоже пахнет спиртным.

— Я уже говорил бригадиру, господин комиссар, что даже ни о чем и не подозревал, когда сел в машину. Я каждый четверг езжу в Париж за запасными частями...

— Всегда в одно и то же время?

— Примерно...

— Фелиси это знала?

— По правде сказать, я был едва знаком с ней... Никогда не разговаривал... Зато я хорошо знал Деревянную Ногу... Он приходил сюда каждый вечер поиграть в карты с Форрентеном и Лепапом... Четвертым иногда садился хозяин, иногда я или кто-нибудь другой... Смотрите!.. Форрентен и Лепап сейчас здесь, вон они там играют в левом углу с мэром и каменщиком...

— Когда вы обнаружили, что в вашей машине кто-то сидит?

— Не доезжая Сен-Жермена... Я услышал, как кто-то вздохнул... Подумал, ветер. Ветерок и в самом деле поднимал края брезентового верха... И вдруг какой-то голос говорит мне: «У вас не найдется огонька?» Я оборачиваюсь и вижу ее: она откинула вуаль, в зубах сигарета... «Что вы здесь делаете?» — спрашиваю я. И вот она говорит, говорит... Рассказывает, как ей необходимо попасть в Париж, не теряя ни минуты... Это,

* Во Франции некоторые напитки, в том числе, черное, подаются в рюмках на блюдецке, и по количеству блюдецек производится расчет.

мол, вопрос жизни и смерти... Те, кто убил Деревянную Нogu, хотя свалить вину на нее, а полиция ничего в этом деле не понимает. Я остановился на минутку и предложил ей сестре рядом со мной... Ведь она устроилась на старом, грязном ящике... «Потом... потом, — все повторяла она, — когда я выполню задачу, которую должна выполнить, быть может, я расскажу вам все... Во всяком случае, я буду вам вечно благодарна, вы меня спасли...» Уже у заставы она меня еще раз поблагодарила и вышла с достоинством, как принцесса.

Люка и Мегрэ переглянулись.

— А теперь, если вы не возражаете, можно выпить в последний раз, в самый-самый последний... Нет, теперь я плачу за всех и пойду перекусить... Надеюсь, у меня в связи с этим не будет никаких неприятностей? За ваше здоровье!..

Десять часов вечера, Люка занял пост, спрятавшись напротив «Мыса Горн» и сменив Жанвье, который вернулся в Париж. В зале «Золотого перстня» серо от дыма... Мегрэ слишком много съел и пьет теперь третью или четвертую рюмку вина, считающегося местным.

Он сидит верхом на стуле с соломенным сиденьем, упершись локтями в спинку, полузакрыв глаза, и порой может показаться, будто он дремлет. Из его трубки прямо вверх поднимается легкая струйка дыма. Возле него четверо мужчин играют в карты.

Раскладывая сальные карты на красной скатерти, они разговаривают, задают друг другу вопросы, иногда рассказывают анекдоты. Хозяин кафе, мсье Жозеф, играет вместо старого Лапи, а четвертым присаживается механик, который успел поужинать.

— В итоге, — вздыхает Мегрэ, — он жил припеваючи... Вроде как почтенный деревенский кюре со своей служанкой... Наверное, заставлял себя нежить и холить...

Лепап, заместитель мэра Оржевала, бросает взгляд на других. Его партнер, Форрентен, управляющий земельными участками в поселке, занимает здесь самый красивый дом у дороги, возле большого стенда, который возвещает проезжающих, что в Жаннезиле еще продаются свободные участки...

— Кюре и его служанка! Ха! Ха! — ухмыляется помощник мэра.

Форрентен ограничивается ехидной улыбкой.

— Ну вот! Сразу видно, не знали вы его... — поясняет хозяин бистро, одновременно объявляя третью позицию в белот. — Хоть о мертвых плохо не говорят, все-таки он был порядочной свиньей...

— Как это понимать? — спросил комиссар.

— Ворчал с утра до вечера по всякому поводу... Никогда ничем не был доволен... Возьмем, к примеру, историю с рюмками.

Он призывает своих партнеров в свидетели.

— Помните, сначала он стал утверждать: мол, у моих ликерных рюмок слишком толстое дно, и сам достал с верхней полки буфета другую рюмку из уже разбитого комплекта, которая ему больше понравилась. А когда стал переливать вино из одной рюмки в другую — взбесился, обнаружив, что вмести-

мость их совершенно одинаковая. «Но вы же сами выбрали эту рюмку», — сказал я ему. И что же вы думаете, он купил в городе другую рюмку и принес ее мне. Та вмещала на треть больше, чем мои. «Мне-то все равно, — возразил я. — Если хотите, я налью вам в вашу рюмку, но и платить вам придется на пять су больше». Целую неделю он сюда не показывался. Однажды вечером я вижу, стоит в дверях. «Нальете в мою рюмку?» — «Если заплатите на пять су больше», — бросил я. И он снова ушел. Так продолжалось целый месяц. В конце концов я уступил. Нам недоставало четвертого партнера в белот. Теперь вам понятно, какая это свинья? Со служанкой он вел себя так же. Они грызлись с утра до вечера. Издали слышно было, как они ссорились. Они по неделям друг с другом не разговаривали... Думаю, последнее слово всегда оставалось за ней, так как, с позволения сказать, она больше «нормандка», чем он... Ну да бог с ними! А все же любопытно узнать, кто убил беднягу... Ведь человек Лапи не злой... Просто такой характер... Не помню ни одной партии в карты, чтобы он в какую-то минуту не стал кричать, дескать, его пытаются обжудить...

— Часто он ездил в Париж? — немного погодя спросил комиссар.

— Можно сказать, совсем не ездил... Раз в четыре месяца за пенсией, и то уезжал утром и возвращался в тот же день вечером.

— А Фелиси?

— Вы не знаете, ездила Фелиси в Париж? — спросил хозяин у присутствующих.

Никто этого не знал. Зато часто видели, как она танцевала по воскресеньям в прибрежном ресторанчике в Пуасси.

— Знаете, как он ее называл? Когда речь заходила о ней, старик всегда говорил: «Мой какаду»... Она уж так забавно одевается, дальше некуда... Видите ли, господин комиссар, наш друг Форрентен еще может обидеться, но я говорю то, что думаю, — все жители Жанневила в какой-то мере психи... Здесь христианский дух не в особой чести... Здесь живут работяги, которые вкалывали всю жизнь, мечтая на старости лет поселиться в деревенской тиши... Ну, вот! Настает этот день... Они соблазняются многообещающими проспектами Форрентена... Не возражай, Форрентен, всем известно, ты мастер золотить пиллюлю... И вот они уже в раю земном. Но тут-то оказывается: они подыхают от скуки... за сто франков в час... Но слишком поздно... Их скромные денежки вложены, и теперь они как могут должны развлекаться или хотя бы попытаться поверить, что развлекаются... Иные затевают процессы из-за какой-нибудь ветки, которая свешивается с соседнего участка к ним в сад, или из-за соседской собаки, которая пописала на их бегонии... Другие...

Мерэ не спит, он даже поднимает руку, чтобы поднести рюмку к губам. Но он размяк от жары, постепенно погружается в созданный его воображением мир, и снова видит незастроенные улицы Жанневила, юные деревца, дома, словно составленные из детских кубиков, слишком ухоженные садики, фаянсовых животных и стеклянные шары...

— К нему никто никогда не заходил?

Просто невероятно. Здесь слишком спокойно, слишком уютно, слишком слаженно. Если жизнь такова, как ее описывают, то невозможно поверить, что однажды утром, всего-навсего в понедельник, когда Фелиси отправилась за покупками в лавку Мелани Шошуа, ее хозяин вдруг перестал сажать свои помидоры, пошел в столовую, достал из буфета графин и рюмку, отправился в беседку, чтобы там в одиночестве выпить наливки, припасенной для торжественных случаев, потом...

Когда он поднялся в свою комнату, где пол так старательно натерт, на голове у него была соломенная шляпа. Что он собирался делать в комнате?

Никто не слышал выстрела, однако же стреляли из револьвера, стреляли в упор, меньше чем в двух метрах от груди убитого. Так утверждают эксперты.

Если бы еще нашли револьвер, можно бы подумать, что Деревянная Нога, который стал неврастеником...

Помощник мэра не раздумывает о подобном и, подсчитывая свои взятки в картах, бормочет, словно отвечая на все вопросы:

— Что вы хотите? Он был оригинал...

Понятно! Но он же погиб! Кто-то убил его! А Фелиси сразу же после похорон выскальзывает из рук полиции, отправляется в Париж и там как ни в чем не бывало, глаза на витрины, надеется пирожными с кремом, пьет портвейн, а потом разъезжает на метро.

— Интересно, кто теперь будет жить в доме?..

Игроки в карты переговариваются, перескакивая с одного на другое, и до Мегрэ, который не прислушивается, доносится только какое-то бормотание. Он не говорит им, что в доме будет жить Фелиси. Он словно плавает в пространстве... Перед его глазами вырисовываются какие-то картины и тут же стираются. У него едва сохранилось ощущение времени и места... Фелиси, наверное, уже улеглась и читает в постели. Она не боится оставаться одна в доме, где убили ее хозяина. Эрнест Лапи, брат, который так обижен из-за завещания... Деньги ему не нужны, но он никак не может понять, почему его брат...

— ...Построен лучше всех домов в поселке...

Кто это сказал? Наверное, Форрентен?

Мегрэ снова видит натертую до блеска лестницу. О Фелиси могут сказать все, что угодно, но чистота у нее в доме идеальная. Как любила говорить мать Мегрэ, так чисто, что можно есть на полу.

Дверь направо... Комната старика... Дверь налево... Комната Фелиси... Отсюда дверь ведет еще в одну, довольно большую комнату, где свалена ненужная мебель...

Мегрэ хмурится. Это не предчувствие, не какая-то догадка. Он просто смутно ощущает: тут что-то не так...

— Когда там жил молодой человек... — произносит Лепал. Мегрэ вздрогнул.

— Вы имеете в виду племянника?

— Да... Он жил у дяди с полгода, а то и больше... Примерно год назад... Он, видно, не из очень здоровых... Кажется, вра-

чи рекомендовали ему деревенский воздух, но он часто торчал в Париже.

— Какую комнату он занимал?

— Как раз... Вот это и есть самое забавное...

Лепап ему подмигивает. Форрентен недоволен, видно, управляющий не любит, чтобы рассказывали разные истории о поселке, где он чувствует себя полноправным властелином.

— Это ничего не значит, — протестует он.

— В конце концов, да или нет, но старик и Фелиси... Послушайте, господин комиссар... Вы представляете себе дом... Справа от лестницы только одна комната, спальня Деревянной Ноги... По другую сторону две, но смежные... Так вот, когда приехал молодой человек, дядя уступил ему свою комнату, а сам поселился с другой стороны, иначе говоря, с Фелиси. Он занимал первую, а служанка спала во второй, так что вынуждена была проходить через спальню хозяина.

Форрентен возражает:

— Ну и что с того? Разве лучше было поселить юношу восемнадцати лет рядом с молодой девушкой?

— Я ничего не говорю... Я ничего не говорю... — повторяет Лепап с лукавым видом. — Я ни на что не намекаю... Я только констатирую факт: старик жил рядом с Фелиси, тогда как племянник был отселен по другую сторону площадки... Но происходило ли там что-нибудь...

Мегрэ об этом не думает. Правда, он совсем не питает иллюзий насчет людей пожилого возраста и даже стариков. Впрочем, Жюлю Лапи стукнуло только шестьдесят, и он был еще в соку.

Просто это не соответствует представлению о нем, которое сложилось у комиссара. Ему кажется, что он начинает понимать этого одинокого брюзгу, чью соломенную шляпу он недавно примерял.

И беспокоят его совсем не отношения Деревянной Ноги и Фелиси. Тогда что же? Его тревожит история с комнатами.

И он повторяет, как школьник, который хочет вызубрить урок:

— Племянник слева... Он там один... Дядя справа, потом Фелиси.

Итак, старик устроился в комнате между двумя молодыми людьми. Хотел ли он помешать им встречаться без его ведома? А может быть, не позволить Фелиси шляться по вечерам? Нет, видимо, не в этом дело. Ведь когда племянник уехал, он снова поселил ее одну в комнате по другую сторону площадки.

— Получите...

Мегрэ встает. Нужно идти спать. Ему не терпится дожидаться утра, снова отправиться в игрушечный поселок, снова увидеть розовые, освещенные солнцем домики, три комнаты, о которых шла речь. Прежде всего он позвонит в Париж и поручит Жанье заняться тем молодым человеком, племянником.

До сих пор Мегрэ о нем и не думал. Никто не видел молодого человека в Жанневиле в то утро, когда совершено преступление. Это длинный, худой и нервный парень, от которого ничего особенно хорошего ждать не приходится, но и на убийцу он непохож.

Согласно данным, полученным комиссаром, его мать, сестра Жюля Лапи, вышла замуж за скрипача, который играл в кабаках. Он умер молодым. Чтобы воспитать сына, она поступила кассиршей в магазин тканей на улице Сантье. Два года назад и она умерла.

Через несколько месяцев после ее смерти Лапи взял племянника к себе. Они не ладили. Оно и понятно. Жак Петийон, как и его отец, стал музыкантом, а Деревянная Нога был не из тех людей, которые согласятся, чтобы у них в доме пикили на скрипке или играли на саксофоне.

В настоящее время, зарабатывая себе на жизнь, Жак Петийон стал саксофонистом в одном из кабачков на улице Пигаль. Он живет на седьмом этаже в меблированных комнатах на улице Лепик.

Мегрэ уснул на перине, в которую он совсем погрузился, а над его головой всю ночь танцевали мыши. Пахло деревней, сеном, а также плесенью. На заре его разбудило мычанье коров, потом у «Золотого перстня» остановился утренний автобус. Мегрэ ощутил приятный запах кофе.

Да, нужно заняться комнатами. Но прежде позвонить Жанвье.

— Алло!.. Алло!.. Улица Лепик... Отель «Уют»... Скоро увидимся, старина...

Потом, тяжело ступая, Мегрэ направляется в Жанневиль, крыши которого словно вынырнули из полей колышущегося овса. Пока комиссар шел, его посетила странная мысль. Уж не потому ли он так спешит, что хочет поскорее увидеть окна «Мыса Горн», чтобы... Да! Ему не терпится увидеть Фелиси. Он уже представляет себе ее на кухне, видит ее острые черты лица, ее крутой, как у козочки, лоб, которым она словно собирается боднуть его. Она, конечно, примет его как можно неприветливей, измерит неописуемым взглядом своих прозрачных глаз.

Значит, он уже соскучился без нее?

Он понимает, он догадывается, он даже уверен, что Деревянной Ноге было так же необходимо общество его близкого врага, как и стакан вина, нацеченный из бочки, как воздух, которым он дышал, как вечерняя партия в карты и вечные споры с партнерами о третьей позиции или о козырях.

Еще издали он заметил Люка, который торчал в конце аллеи. Ночью ему, должно быть, было не жарко. Затем через открытое окно комнаты Фелиси он заметил ее силуэт — она вытряхивала простыни.

ЕГО увидели. ЕГО узнали. Вероятно, теперь уже мысленно глотят прием, который сейчас ему будет оказан.

Он невольно улыбнулся: а Фелиси-то здесь!

Глава третья

ТАЙНЫ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

— Алло!.. Это вы, шеф?.. Говорит Жанвье...

Неприятный день! Чувствуется приближение грозы, но не только поэтому лицо Мегрэ порой чуть заметно покрывается потом, а пальцы дрожат от нетерпения. Он смутно вспоминает

о том, как в детстве его охватывала тревога, когда он попадал туда, куда ходить не следовало, прекрасно понимая, что ему там не место.

— Где ты сейчас, старина?

— На улице Блан-Манто... Звоню из маленькой часовой мастерской... Наш парень сидит напротив один, в паршивеньком бистро... У него такой вид, словно он кого-то или чего-то ждет... Он только что выпил рюмку спиртного...

Молчание. Мегрэ прекрасно знает, что скажет сейчас инспектор.

— А не лучше ли, шеф, вам самому приехать сюда?..

Он намекает на это с самого утра, но Мегрэ не соглашается.

— Продолжай следить! Позвони, как только будет что-нибудь новенькое....

Комиссар уже начинает думать, не ошибся ли он, так ли нужно вести это расследование. Однако он никак не может решиться уйти отсюда, что-то его удерживает, он сам не смог бы сказать что.

А и впрямь, какое странное дело! К счастью, журналистов убийство Деревянной Ноги не интересует. А комиссар уже, по крайней мере, раз двадцать бормотал про себя:

— Однако же старика-то убили!

И все-таки преступление как будто отошло для него на задний план. Он то и дело невольно начинал думать о другом. А это другое — Фелиси!

Хозяин «Золотого перстня» одолжил ему старый велосипед, на котором Мегрэ похож на дрессированного медведя. Зато теперь он может, когда ему заблагорассудится, ездить из Оржеваля в Жанневиль и обратно.

Погода снова стоит прекрасная. Невозможно представить себе этот мирок без весеннего солнца, без цветов, растущих на клумбах и вдоль невысоких каменных стен, без рантье, работающих в своих садах и лениво поворачивающих голову вслед Мегрэ или бригадиру Люка, которого комиссар оставил при себе в Жанневиле.

Люка хоть и молчит, но тоже находит это дело довольно странным. Ему надоело шагать взад и вперед возле «Мыса Горн». Что ему, в конечном счете, поручено? Сторожить Фелиси? Все окна в доме открыты. Видно, как служанка ходит из комнаты в комнату. Утром она как ни в чем не бывало отправилась в лавку за покупками. Она знает, что бригадир следует за ней по пятам. Что они боятся, как бы она снова не сбежала?

Люка все время думает об этом, но не решается высказать свое мнение Мегрэ. Он с трудом сдерживается, курит трубку за трубкой, а иногда от нечего делать подбрасывает камешки носком сапога.

Однако с утра расследование пришлось повести в другом направлении. Сначала раздался телефонный звонок с улицы Лепик. Мегрэ ожидал его на террасе «Золотого перстня», возле лаврового деревца, посаженного в зеленую кадку.

У комиссара здесь уже есть свои привычки. Они появляются у него повсюду, куда бы он ни попал. Есть договоренность с почтовой служащей: она кричит ему в окно, когда его вызывает Париж.

— Это вы, шеф?.. Говорит Жанвье... Я звоню из кафе на углу улицы Лепик...

Мегрэ представляет себе улицу, идущую под гору, тележки торговцев зеленью, хозяек в шлепанцах, разноцветную толпу, кишущую на площади Бланш между двумя лавочками — дверь отеля «Уют», где ему довелось когда-то вести расследование.

— Жак Петийон вернулся в шесть утра, изнемогая от усталости, и прямо в одежде свалился на кровать. Я пошел в «Пеликан», кабачок, где он работает. Там его всю ночь не было. Что мне делать дальше?

— Оставайся и жди... Когда он выйдет, последи за ним...

А что, если племянник Жоля Лапи не такой невинный, как кажется? Может быть, вместо того, чтобы прилипнуть к Фелиси, комиссару следовало серьезно заняться этим молодым человеком? Так, вероятно, думает Жанвье. Он намекает на это, когда во второй раз звонит по телефону.

— Алло!.. Это я, Жанвье... Петийон только что вошел в табачную лавочку на улице Фонтен... Он бледен как полотно... Все время нервничает, что-то его беспокоит... По дороге беспрестанно оглядывался, думая, что за ним следят, но меня как будто не заметил.

Итак, Жак Петийон поспал только несколько часов и снова пустился в путь. В табачной лавочке на улице Фонтен бывают главным образом разные подозрительные типы.

— Что он делает?

— Ни с кем не разговаривает... Глаз не сводит с двери... Словно кого-то ждет...

— Продолжай...

В перерыве между звонками Мегрэ собрал кое-какие сведения о племяннике старого Лапи. Почему он не может заинтересоваться этим парнем, который хочет стать большим виртуозом, а пока ради заработка играет на саксофоне в каком-то кабачке на Монмартре?

Петийону временами приходилось нелегко. Случалось по ночам грузить овощи на центральном рынке. Ему не всегда удавалось поесть досыта. Не раз он бывал вынужден даже закладывать в ломбард свой саксофон.

— Вам не кажется странным, шеф, что он провел всю ночь где-то на улице и даже не появился в «Пеликане»? Посмотрели бы вы на него... Я очень бы хотел, чтобы вы на него посмотрели... Чувствуется, что его что-то гнетет, что он чего-то боится... Быть может, если бы вы приехали сюда...

Но Мегрэ по-прежнему отвечает:

— Продолжай!

А пока комиссар, оседлав велосипед, снует взад и вперед между террасой «Золотого перстня», где он ожидает новых телефонных звонков, и розовым домиком, где хлопчет Фелиси.

Он входит, бродит по комнатам, как у себя дома. Она прихорюсается, что ей до него нет дела, занимается хозяйством, готовит себе еду, утром ходила к Мелани Шошуа за продуктами. Иногда она смотрит комиссару в глаза, но по ее взгляду невозможно угадать, что она чувствует.

Ее-то Мегрэ хотелось бы припугнуть. С самого начала она

слишком уж в себе уверена. Держится так, конечно, неспроста, и комиссар ожидает минуты, когда и она, в свою очередь, стухнет.

— Но старика-то ведь все-таки убили!

О ней, только о Фелиси думает Мегрэ. Он хочет вырвать у нее тайну. Он побродил по саду. Пять или шесть раз спустился в погреб выпить стаканчик розового вина — это уже тоже вошло у него в привычку. Ему удалось сделать открытие. Разгребая вилами кучу перегноя, сваленного у изгороди, он обнаружил там ликерную рюмку, точь-в-точь такую, какую увидел в первый день на столе в беседке. Он показал ее Фелиси.

— Вам остается только обнаружить отпечатки пальцев, — сказала она презрительно, нисколько не смутившись.

Когда он поднялся в спальню, Фелиси осталась внизу. Сначала он тщательно обыскал комнату Жюля Лапи, потом прошел через площадку и, очутившись в спальне Фелиси, принялся выдвигать ящики. Она, конечно, слышала его шаги над головой. Интересно, она испугалась?

По-прежнему стояла прекрасная погода, в окно врывались струи благоухающего воздуха и пение птиц.

И тут, в глубине шкафа, где в беспорядке лежали чулки и белье Фелиси, комиссар нашел записную книжку. Не зря Деревянная Нога прозвал свою служанку Какаду. Даже белье она выбирала кричащих тонов, ярко-розовое, едко-зеленое, кружева хоть и не настоящие, но зато шириною в ладонь, прошивки...

Зная, что ее это взбесит, Мегрэ спустился вниз, уселся в кухне и стал перелистывать страницы записной книжки, датированные прошлым годом. Тем временем Фелиси чистила картофель и бросала его в голубое эмалированное ведро.

«13 января. — Почему он не пришел?»

«15 января. — Умолять его».

«19 января. — Муки».

«20 января. — Мрачный».

«23 января. — Наконец-то!»

«24 января. — Снова блаженство».

«25 января. — Блаженство».

«26 января. — Опять он. Его губы. Счастье».

«27 января. — Мир плохо устроен».

«29 января. — Ах! Уехать бы!.. Уехать!..»

Время от времени Мегрэ поднимает глаза, но Фелиси притворяется, что не обращает на него внимания.

Он пытается засмеяться, но смех его звучит фальшиво, как смех проезжего человека, который пристаёт к служанке на постоялом дворе, и извиняется с игривыми шуточками.

— Как его имя?

— Это вас не касается.

— Женат?

Взгляд разъяренной кошки, которая защищает своих котят.

— Это большая любовь?

Она не отвечает, а он упорствует, сам злясь на себя за это, повторяет себе, что не прав, старается думать об улице Лепик,

улице Фонтен, о том испуганном молодом человеке, который со вчерашнего дня не находит себе места, натываясь на стены, как вспугнутый шмель.

— Скажите мне, детка, вы здесь встречались с этим человеком?

— А почему бы и нет!

— Ваш хозяин знал?

Нет! Он не может больше расспрашивать девушку, которая над ним насмехается. Правда, комиссар вряд ли поступает хитрее: он едет к Мелани Шошуа. Прислонил велосипед к витрине и ждет, пока уйдет покупательница, которая расплачивается за банку зеленого горошка.

— Скажите, мадам Шошуа, у служанки мсье Лапи было много любовников?

— Конечно, были...

— Что вы этим хотите сказать?

— Во всяком случае, она говорила... Всегда об одном и том же человеке... Но это ее личные дела... Она частенько бывала грустной, бедная девушка...

— Он женатый?

— Возможно... Она всегда намекала на какие-то препятствия. Мне она много не рассказывала... Если с кем-нибудь и делилась, то только с Леонтиной, служанкой мсье Форрентена...

Произошло убийство, а Мегрэ, этот серьезный, солидный человек, занимается любовными историями какой-то романтической девчонки! Настолько романтической, что на страницах ее записной книжки помечено:

«17 июня. — Меланхолия».

«18 июня. — Грусть».

«21 июня. — Мир — это ложный рай, где не хватает счастья для всех».

«22 июня. — Я его люблю».

«23 июня. — Я его люблю».

Мегрэ подошел к дому Форрентена и позвонил. Леонтина, служанка управляющего, оказалась девушкой лет двадцати, с широким, как луна, лицом. Она сразу же пугается. Она боится доставить неприятности подруге.

— Конечно, она мне все рассказывала... Словом, то, что хотела рассказать... Она часто приходила ко мне, влетала вихрем...

Мегрэ так хорошо представляет себе их вдвоем. Леонтина таит от восхищения. Фелиси стоит в небрежно накинутом на плечи плаще:

— Ты одна?... Ах, если бы ты знала, дорогая...

И она говорит... говорит... Как говорят девушки только с глазу на глаз.

— Я его видела... Я так счастлива...

Бедная Леонтина не знает, как отвечать на вопросы Мегрэ.

— Я не могу сказать о ней ничего плохого... Фелиси так страдала...

— Из-за мужчины?

— Она много раз хотела умереть...

— Он не любил ее?

- Не знаю... Не мучьте меня...
- Вы знаете его имя?
- Она никогда его мне не называла.
- Вы его видели?
- Нет...
- Где она с ним встречалась?
- Не знаю...
- Она была его любовницей?
- Леонтина краснеет, бормочет:

— Однажды она мне призналась, что, если бы у нее был ребенок...

Какое все это имеет отношение к убийству старика? Мегрэ продолжает расспрашивать Леонтину, и его все больше охватывает неясная тоска, признак допущенной ошибки.

Что ж делать! Вот он снова на террасе «Золотого перстня». Почтовая служащая машет ему рукой.

— Вам уже дважды звонили из Парижа... С минуты на минуту будут снова звонить.

Опять Жанвье. Нет, это не его голос. Какой-то голос, незнакомый комиссару.

— Алло! Мсье Мегрэ?

Значит, это не с набережной Орфевр.

— Говорит официант из буфета на вокзале Сен-Лазар... Какой-то господин поручил мне позвонить вам и сказать... По-дождите... Ну вот, теперь я забыл его фамилию... Название какого-то месяца... Февраль, что ли?

— Наверное, Жанвье*?

— Да, да, Жанвье... Он уехал в Руан... У него не было времени ждать... Он думает, что вы можете попасть в Руан еще до прихода его поезда... Он сказал, что, если вы возьмете машину...

— Больше ничего?

— Ничего, мсье... Я выполнил его поручение... Это все...

Что это значит? Если Жанвье так поспешно уехал в Руан, следовательно, туда отправился и Петийон. С минуту комиссар колеблется. Он выходит из кабины, платком вытирает пот. Машина... Конечно, он может найти машину...

— Да нет, не поеду! — бурчит он. — Жанвье и сам справится...

Осмотр трех комнат ничего не дал, если не считать записной книжки Фелиси. Люка по-прежнему томится у «Мыса Горн», а люди из соседних домов иногда поглядывают на него сквозь занавески.

Вместо того чтобы пуститься вдогонку за странным племянником Лапи, Мегрэ закусывает на террасе харчевни, прилепившись к кофе, в который подливает виноградной водки, а потом, вздыхая, снова садится на велосипед. По пути он передает Люка пакет с сэндвичами и спускается по холму в Пуасси.

Он быстро находит кабачок, куда по воскресеньям ходит Фелиси, — деревянное строение на берегу Сены. В этот час там никого нет, и сам хозяин, верзила в свитере, подходит к Мегрэ и спрашивает, что ему угодно. Через пять минут, сидя

* Ж а н в ь е — по-французски означает январь.

за столиком перед полными рюмками, они узнают друг друга. Гора с горой не сходится, а человек с человеком сойдется. Хозяин кабачка, который теперь, по воскресеньям, в перерыве между танцами, собирает плату, когда-то подвизался на ярмарках в качестве борца и имел неприятности с полицией. Он первый узнал комиссара.

— Это случайно не из-за меня ли вы забрели сюда? Вот уж было бы напрасно.

— Ну конечно!.. Конечно... — улыбается Мегрэ.

— Что касается моей клиентуры... Нет, господин комиссар, не думаю, чтобы вы здесь что-нибудь обнаружили... Посыльные из магазинов, служанки, славные молодые люди...

— Вы знаете Фелиси?

— Кто это такая?

— Забавная девушка, тощая, как спаржа, остроносая, лоб, как у козы, одета вроде флага или радуги...

— Да это Попугай!

Вот как! А старик Лапи называл Фелиси Какаду.

— Что она такое сделала?

— Ничего... Я только хотел бы знать, с кем она у вас встречалась...

— Пожалуй, ни с кем. Моя жена — не пытайтесь ее вспомнить, она совсем из другого круга, серьезная женщина — так вот, моя жена называла ее Принцесса, такой у нее всегда высокомерный вид... Кто же она в самом деле, эта курочка?.. Я никогда не мог этого узнать... Держалась она действительно как принцесса... Танцевала всегда прямо, как палка... Когда ее начинали расспрашивать, она давала понять, что вовсе не та, за кого ее принимают, и приходит сюда инкогнито... Такое болтала... Вот, смотрите! Она всегда садилась за этот столик, всегда одна... Пила маленькими глотками, отставив мизинец... Мадемуазель не с каждым пошла бы танцевать... В воскресенье... Ах, да... вспомнил...

Мегрэ представляет себе толпу на тряском полу, резкие звуки аккордеона, хозяйина, который, подбоченившись, ожидает, когда он сможет пройти между парами и собрать денежки...

— Она танцевала с одним типом, которого я уже где-то видел... Только где — не могу вспомнить... маленький, коренастый, нос немного на сторону... Но это неважно... Я только заметил, что он крепко прижимал ее к себе... И что вы думаете, посреди танца она как залепит ему пощечину!.. Я был уверен — сейчас начнется скандал... Ничего подобного... Этот тип тут же смылся, а Принцесса с достоинством уселась на свое место и стала пудриться.

Наверное, Жанвье уже давно приехал в Руан. Мегрэ оставляет свой велосипед у террасы «Золотого перстня», а сам направляется к телефонистке. Прохладное помещение почты выходит на теневую сторону.

— Мне ничего не передавали?

— Только один раз... Просили позвонить в центральную бригаду Руана... Соединить вас?

К телефону подошел не Жанвье, а какой-то инспектор.

— Комиссар Мегрэ? Вот что нам поручили вам передать: молодой человек прибыл в Руан после того, как обошел с десятком баров на Монмартре... Он, кажется, ни с кем не разговаривал... У него повсюду был такой вид, словно он кого-то ждет... В Руане он сразу же отправился в район казарм... Он вошел в пивную, где можно познакомиться с женщинами, вы, конечно, знаете, «Тиволи»... Там он пробыл с полчаса, потом бродил по улицам, наконец оказался на вокзале... Вид у него все более усталый, подавленный... Сейчас он ожидает поезда в Париж, а Жанвье продолжает слежку...

Мегрэ отдает обычные приказы: расспросить хозяйку пивной, узнать, к какой женщине приходил Петийон, что ему было нужно, и тому подобное... Он слышит какой-то неясный грохот, будто поблизости прошел автобус, и, только выйдя из кабины, понимает, что это отдаленные раскаты грома.

— Вам еще должны звонить? — спрашивает почтовая служащая, у которой за всю жизнь не было столько развлечений...

— Возможно... Я сейчас пришлю к вам своего бригадира...

— Как это увлекательно — работать в полиции! А мы сидим в этой дыре и ничего не видим...

Он хотел пожать плечами, но машинально улыбнулся и снова вышел на дорогу, ведущую к поселку.

— Придется все же ей заговорить! — повторял он, направляясь в Жанневиль.

Надвигается гроза. Горизонт становится угрожающе-лиловым, а косые лучи солнца кажутся еще более пронзительными. Больно кусаются мухи.

— Возвращайся в «Золотой перстень», Люка!.. Могут позвонить по телефону, что-нибудь передать...

Он толкнул дверь «Мыса Горн» с решительным видом человека, который слишком долго позволял над собой издеваться. Теперь с него хватит! Он не отстанет от этой проклятой Фелиси. Нужно ее как следует встряхнуть, так, чтобы она растерялась.

— Ну, хватит, детка! Поиграли, и довольно!

Она у себя. Мегрэ это знает. Он видел, как заколыхалась занавеска в окне первого этажа, когда он отправлял Люка в Оржеваль. Он входит. Тишина. В кухне варится кофе. В саду ни души. Мегрэ хмурит брови.

— Фелиси! — зовет он вполголоса. — Фелиси!

Голос становится громче. Он разъяренно кричит:

— Фелиси!

В какую-то минуту ему начинает казаться, что она его снова одурачила, может быть, опять выскользнула у него из рук. Но нет... Со второго этажа до него доносится легкий шум, что-то похожее на плач младенца. Он избегает по лестнице, оставаясь на пороге комнаты Фелиси и видит ее: она лежит на диване и плачет, уткнув голову в подушку.

Как раз в эту минуту забарабанили крупные капли дождя, а от сквозняка где-то в доме с шумом распахнулась дверь.

— Ну что? — ворчит он.

Она не шевелится. Спина ее толчками поднимается от рыданий. Он трогает ее за плечо.

— Оставьте меня! Умоляю! Оставьте меня!

Внезапно ему приходит в голову мысль, но он не хочет на ней останавливаться: не комедия ли все это? Быть может, Фелиси специально выбрала подходящий момент. Она даже выбрала позу, и кто знает, случайно ли ее платье поднялось так высоко, что обнажило крепкие бедра.

— Вставайте, детка!..

Вот так штука! Она подчиняется. Ну это уже совсем на нее непохоже, она подчиняется безропотно. И вот она уже сидит на диване, с глазами, полными слез, с красными пятнами на лице. Она смотрит на него и выглядит такой несчастной, такой усталой, что он чувствует себя скотиной.

— Ну в чем дело? Расскажите...

Она качает головой. Она не может говорить. Она дает понять, что охотно все бы ему рассказала, но это невозможно, и снова закрывает лицо руками.

Ему неудобно стоять здесь, он почти достает головой потолок. Он подвигает стул и садится у изголовья, поколебавшись, отодвигает ее руку от залитого слезами лица. Ведь он еще ни в чем не уверен. Он нисколько не удивится, если под сжатыми пальцами обнаружит лицо, глядящее на него иронически.

Но она плачет по-настоящему. Плачет, как ребенок, без всякого кокетства. И наконец таким же детским голосом бормочет:

— Какой вы злой!..

— Это я злой? Да нет, дитя мое... Успокойтесь!.. Вы, значит, не понимаете, что это ради вас...

Она отрицательно качает головой.

— Но, черт возьми, отдаете ли вы себе отчет, что произошло убийство! Вы единственный человек, который достаточно хорошо знает этот дом, чтобы... Ведь я не говорю — это вы убили вашего хозяина.

— Он был не хозяином...

— Знаю... Вы уже говорили... Допустим, он ваш отец... Ведь на это вы намекали, не так ли?.. Допустим, что старый Лапи когда-то натворил глупостей, а потом решил взять вас к себе в дом... Вы стали его наследницей... Это вам выгодно его смерть...

Он слишком поспешил. Она встает, она держится прямо и напряженно, словно статуя, олицетворяющая возмущение.

— Да, да, дитя мое!.. Садитесь... По правде говоря, я должен был бы уже вас арестовать...

— Я готова...

Боже мой, как это трудно! Мегрэ предпочел бы иметь дело с самым продуманным мошенником, с отъявленным рецидивистом. Невозможно угадать, в какой момент она играет комедию, а когда искренна! Да и бывает ли она когда-нибудь искренней? Он чувствует, что она за ним наблюдает, она не перестает за ним наблюдать с удивительной проницательностью.

— Речь идет не об эгом... Я хочу вам помочь... Человек, который воспользовался вашим отсутствием, когда вы ходили в лавку, чтобы убить вашего хозяина... простите, чтобы убить

Жюля Лапи, был достаточно осведомлен о распорядке дня в вашем доме...

Она устало садится на диван и бормочет:

— Я вас слушаю...

— Впрочем, почему бы это Жюлю Лапи вдруг вздумалось вести в свою спальню незнакомого человека?.. Ведь убит он в своей спальне... А ему вовсе незачем подниматься к себе в это время... Ведь он работал в саду... К тому же он, обычно скуповатый, вдруг предложил гостю выпить.

Из-за раскатов грома Мегрэ временами приходится почти кричать, а когда раздается еще более оглушительный удар, Фелиси инстинктивно тянется к нему и хватает его за руку:

— Я боюсь...

Она дрожит. Она по-настоящему дрожит.

— Не бойтесь!.. Ведь я с вами...

Ничего глупее не придумаешь, чем сказать: он здесь. Мегрэ это прекрасно понимает. А она тут же воспользовалась его замешательством, принимает еще более скорбную мину и производит со стоном:

— Вы доставляете мне столько огорчений... И вы на этом не успокоитесь... Я так несчастна... Боже мой, как я несчастна, а вы... вы...

Она уставилась на него широко раскрытыми, умоляющими глазами:

— Вы нападаете на меня, потому что я слабая, потому что меня некому защитить. Всю ночь и весь день у меня торчит какой-то парень, и этой ночью он тоже здесь будет...

— Как зовут человека, которому вы залепили пощечину а воскресенье на танцуйке?

Она на минуту растерялась, но тут же ухмыляется:

— Вот видите?

— Что?

— Ведь вы меня преследуете... Вы ополчились против меня, словно вы... словно вы меня за что-то ненавидите... Я вам ничего не сделала!

Как раз подходящий момент: надо подняться, покончить с этим, поговорить серьезно. Мегрэ так и собирался сделать. Ни за что на свете он не хотел бы, чтобы его сейчас кто-нибудь увидел с площадки. Слишком поздно! Он пропустил момент, а Фелиси вдруг становится напористой, пользуется новым ударом грома, чтобы уцепиться за него, она теперь совсем близко, он чувствует на своей щеке ее горячее дыхание, видит ее лицо рядом со своим.

— Может быть, потому, что я женщина? Может быть, вы такой же, как Форрентен?

— А чего от вас хочет Форрентен?

— Понятно, чего хочет... Он пристаёт ко мне... Он преследует меня... Он мне заявил, что рано или поздно я все равно буду...

Может быть, это и правда. Мегрэ вспоминает лицо управляющего, его несколько двусмысленную улыбку, его толстые чувственные губы.

— Если и вы этого хотите, скажите! Я предпочитаю лучше...

— Нет, дитя мое, нет...

На этот раз он встает и отстраняет ее.

— Давайте спустимся вниз! Нам нечего делать в этой комнате...

— Это вы сюда явились...

— Но совсем не для того, чтобы здесь оставаться, тем более не для того, чтобы внушить вам такие мысли... Спускайтесь, прошу вас.

— Дайте мне привести себя в порядок.

Она неумело пудрится перед зеркалом. Дергает носом.

— Вот увидите, вы окажетесь причиной несчастья...

— Какого несчастья?

— Не знаю... Во всяком случае, если меня найдут мертвой...

— Да вы с ума сошли! Идемте!

Он пропускает ее вперед. От грозы вокруг стало темно. Ей приходится зажечь в кухне лампу. На плитке кипит кофе.

— Я думаю, мне лучше уехать, — произносит Фелиси, погасив газ.

— Куда уехать?

— Куда-нибудь... Я сама не знаю... Да, я уеду, и меня никогда не найдут... Зря я сюда вернулась...

— Никуда вы не уедете!

Она бормочет сквозь зубы так тихо, что он даже не уверен, правильно ли расслышал.

— А вот посмотрите!

И тут Мергэ на всякий случай бросает:

— Если вы хотите поехать к юному Петийону, то могу вам сообщить, что он сейчас находится в пивной, где полно женщин, в Руане.

— Это не...

И тут же продолжает:

— А мне-то какое дело?

— Это он и есть?

— Кто он? Что вы имеете в виду?

— Он ваш любовник?

Она презрительно смеется:

— Мальчишка, которому нет еще двадцати лет!

— В любом случае, бедняжка Фелиси, если вы его хотите спасти...

— Никого я не хочу спасать... Впрочем, больше ничего я вам говорить не буду... Вы не имеете права целый день торчать возле меня и досаждать мне... Я буду жаловаться.

— Жалуйтесь!

— Вы считаете себя очень ловким, не так ли?.. И сила на вашей стороне... И вы нападаете на бедную девушку, потому что вы прекрасно знаете, что она не может защититься...

Он напивается на голову шляпу и, несмотря на дождь, переступает порог дома, чтобы вернуться в «Золотой перстень». Уходит, даже не простившись. С него хватит! Он допустил ошибку. Теперь нужно все начинать сначала, вести расследование с другого конца.

Если он вымокнет, так ему и надо! Но не успевает он шагнуть, как Фелиси бежит за ним.

— Не уходите!

— Почему?

— Вы сами знаете... Не уходите!.. Я боюсь грозы.

И это правда. Тут она не лжет. Она вся дрожит, умоляет его остаться. Она благодарна ему, что он вернулся, вошел в кухню, уселся хоть и с ворчливым видом, но все же уселся. И в благодарность она тут же спрашивает:

— Хотите чашечку кофе? А может быть, хотите выпить рюмочку?

Она пытается улыбнуться и повторяет, подавая ему чашку:

— Почему вы со мной так жестоки? Ведь я вам ничего плохого не сделала.

Окончание в следующем выпуске

Перевод с французского
Е. БРАНДИС и Е. ТЕТЕРЕВНИКОВОЙ

На I—IV стр. обложки рисунок **Г. НОВОЖИЛОВА**.

На II стр. обложки — рисунок **Ю. МАКАРОВА** к повести Владимира Михановского «Тобор первый».

На III стр. обложки — рисунок **В. КОЛТУНОВА** к повести Жоржа Сименона «А Фелиси-то здесь!».

Редакционная коллегия: **А. Г. АДАМОВ,**
А. П. КАЗАНЦЕВ, А. В. НИКОНОВ, А. А. НОДИЯ, В. М. ЧИЧКОВ

Редакторы выпуска: **В. РЫБИН, Н. КОРОТЕЕВ**
Художественный редактор **Т. ПРОКУДИНА**
Технический редактор **А. БУГРОВА**

Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Адрес редакции: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.
Тел. 251-15-00, доб. 4-10.

Сдано в набор 13/XI 1976 г. Подп. к печ. 21/I 1977 г. А00553.
Формат 84×108 $\frac{1}{2}$. Печ. л. 5 (усл. 8,4). Уч.-изд. л. 10,5.
Тираж 250 000 экз. Цена 40 коп. Заказ 2101.

Типография ордена Трудового Красного Знамени изд-ва
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 103030, Москва, К-30,
Сущевская, 21.

Сергей НАУМОВ — «Скажи им, пусть помнят...»

Сергей АБРАМОВ — «Время его учеников»

Владимир МИХАНОВСКИЙ — «Тобор первый»

Жорж СИМЕНОН — «А Фелиси-то здесь!»

Цена 40 коп.

